

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Адыгейский государственный университет»**

На правах рукописи

НАГАРОКОВ КАЗБЕК РАМАЗАНОВИЧ

**СИСТЕМАТИКА И АРХИВАЦИЯ АДЫГСКОГО
ФОЛЬКЛОРА: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

10.01.09 - Фольклористика

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор

Унарокова Раиса Батмирзовна

Майкоп – 2022

Содержание

Введение	3
Глава I. Объективация адыгского фольклора: принципы фиксации, систематизации и публикации текстов	14
1.1. История адыгской полевой фольклористики (сбор, систематизация и публикация текстов)	14
1.2. Информант и собиратель в фольклорном поле: способы организации записи.....	35
Глава II. Технология архивирования материалов адыгской фольклорной культуры	55
2.1. Принципы создания фольклорных фондов в государственных и частных архивах.....	55
2.2. Методы архивации и способы хранения фольклорных текстов. Создание информационно-справочных и поисковых систем. Рукописные и электронные фонды.....	86
Глава III. Мультимедийные технологии сохранения адыгской фольклорной культуры (из опыта создания электронной базы данных)	101
3.1. История создания, структура архива и принципы формирования многоуровневого электронного ресурса Центра адыгovedения и адыгейской филологии отдела филологии НИИ комплексных проблем АГУ.....	105
3.2. Специфика применения новых технологий в восстановлении и исследовании фольклорных текстов.....	115
Заключение	133
Список использованной литературы	139

Введение

Актуальность исследования. В век новых технологий перед отечественной фольклористикой сформировалась новая задача – перенос фольклорных фондов (бумажных, фото-, аудио-, видеоматериалов) на цифровые носители. Актуальность проблемы продиктована усилившейся в последние годы угрозой потери рукописных и звуковых материалов ввиду их ограниченного срока хранения. В ответ на вызовы времени за последние два десятилетия во многих российских фольклорных фондах разработаны принципы построения полнотекстовых баз данных, на их основе созданы и введены в научный оборот многоуровневые электронные ресурсы. В трудах некоторых отечественных фольклористов, наряду с проблемами систематизации, архивирования фольклорных текстов, анализируются способы структурирования фольклорно-этнографической информации и представления ее в форматах, обеспечивающих эффективный доступ к ней в рамках как локальной сети, так и глобальной (Адоньева С.Б., Веселова И.С., 2008; Алпатова С.В., Ковпик В.А., 2004; Ангеловская Л.В., Канева Т.С., 2008; Веселова И.С., 2005; Дранникова Н.В., Меньшиков С.А., 2011). По материалам обсуждения «Устные материалы в архивах: проблемы отбора, хранения и доступа» (журнал «Антропологический форум»), собравшего два десятка специалистов-антропологов, в том числе фольклористов – представителей отечественной и зарубежной науки, можно проследить, насколько данная тема является актуальной для отечественной фольклористики (anthropologie.kunstkamera.ru).

В фольклористическом адыговедении также рассматриваются проблемы сбора, архивирования, научного издания фольклорных материалов, предпринимаются попытки создания локальных электронных баз данных (Гутов А.М., 2008; Евазов З.З., 2009; Паштова М.М., 2013; Унарокова Р.Б., Даурова Р.С., 2012). Однако данный опыт все еще остается на уровне эксперимента и не получил широкого распространения.

Актуальность диссертационной работы связана с малоизученностью проблем фиксации, систематизации и архивирования фольклорных материа-

лов и отсутствием в адыговедении специально разработанных, теоретически обоснованных программ, позволяющих широко внедрять новые технологии в фольклористическое исследовательское поле.

Степень изученности проблемы. За время формирования фольклористики как науки проблемы сбора, систематизации и архивирования фольклорных текстов всегда находились в центре внимания исследователей. С каждым этапом изменения условий сбора фольклора, совершенствования технических средств фиксации появлялись новые задачи, что, в свою очередь, требовало поиска новых путей их решения. Представители старшего поколения отечественных фольклористов еще со второй половины XIX в. Составляли программы по сбору фольклорных материалов, систематизировали собранное, создавали классификационные схемы, описывали жанры и жанровые области.

В соответствии с ними организовывались государственные (в научно-исследовательских институтах) и университетские архивы, каталогизировались хранящиеся в них материалы.

Изначально во всех архивах основными носителями фольклорно-этнографической информации и сопутствующих справочных материалов выступали бумажные формы (рукописи фольклорных текстов, полевые дневники, экспедиционные отчеты). Единичными были случаи записи, произведенные фонографами (начало XX столетия). С появлением аудиовизуальных ресурсов в архивах стали накапливаться звуковые версии материалов, формировались фоно- и видеотеки, документальное кино. Со временем с помощью технических средств были созданы справочно-поисковые компьютерные системы (каталоги, указатели к звукозаписям).

В фольклористическом адыговедении происходили те же процессы, но немного позже и медленнее. Затянувшийся процесс создания официальной письменности (начало XX столетия), затем позднее принятие алфавита на основе кириллицы (ему предшествовали два алфавита на арабице и латинице, сменявшиеся с разницей в десять лет), отсутствие национальных кадров усложняли решение проблем. Тем не менее, находились энтузиасты, вырос-

шие кто на восточной (мусульманской), кто на русской культуре, которые составляли алфавиты (еще с середины XIX века) и на них записывали, публиковали образцы адыгского фольклора.

Важную роль в становлении адыгской полевой фольклористики сыграли «Сборники материалов для описания местностей и племен Кавказа», «Сборники сведений о кавказских горцах» и другие издания, в которых были опубликованы сотни адыгских фольклорных текстов на языке оригинала, собранные П.И. Тамбиевым, Л.Г. Лопатинским, Т.П. Кашежеевым, А.Н. Дьячковым-Тарасовым и др. Впоследствии данные материалы были переизданы в сборнике «Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX вв.» (в двух частях – Нальчик, 1979, 1988), составленном А.И.Алиевой.

Активная деятельность просветителей XIX – начала XX века по сбору и публикации фольклора стала основой возникновения адыгской полевой фольклористики. Научное осмысление фольклорной культуры на новом уровне продолжилось в 30-х годах XX в. с создания научно-исследовательских институтов в Кабардино-Балкарии (1926), Адыгее и Карачаево-Черкесии (1929). В этот период на всех территориях проживания адыгов проводились экспедиции по сбору фольклора, организовывались съезды, слеты, совещания народных сказителей. На протяжении долгого времени подобные встречи являлись наиболее популярными формами накопления фольклорных материалов. Были сформированы государственные фольклорно-этнографические архивы при научно-исследовательских институтах Адыгеи, Кабарды, Черкесии. В них хранились фольклорные материалы на разных носителях – сначала на бумажных (исключение составляют «лондонские» и «парижские» коллекции адыгских народных песен и танцевальных наигрышей, записанные фонографом в 1911–1913 гг. агентами английских и французских звукозаписывающих фирм), с 40–50-х годов XX в. – на катушечных лентах, в 1980-х гг. их заменили магнитные ленты на бобинах, позднее – аудио- и видеокассеты и диски. В 2000-е гг. появились цифровые носители. На сегодня в архивах адыгских научно-исследовательских институтов, фонотеках телерадиокомпаний, Центре адыго-

ведения и адыгейской филологии отдела филологии НИИ комплексных проблем АГУ накоплено значительное количество фольклорных материалов, исчисляющееся тысячами единиц хранения. Основными фондами стали аудио- и видеоархивы. Рукописные материалы оказались на периферии, в качестве дополнительных, вспомогательных ресурсов, которые также оцифровываются, что способствует их наибольшей сохранности. Вместе с тем, архивы телерадиокомпаний Адыгеи, Кабардино-Балкарии, в том числе хранящиеся в них адыгские фольклорные тексты, оцифрованы и широко используются в процессе прямого вещания и в интернете. В течение нескольких лет на базе Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований З. З. Евазовым перенесено на цифровые носители около 5000 единиц фондовых записей фольклора (Евазов З. З., 2008). Эту работу продолжили М. Табишев и А. Гонова. В Адыгейском республиканском институте гуманитарных исследований им. Т. Керашева (АРИГИ) оцифровано более 300 полуторачасовых аудиокассет из 700, а также большая часть рукописного фонда.

Методы оцифровки, систематизации и хранения стали научной проблемой современной адыгской фольклористики, освещение которой составляет одну из основных задач диссертационной работы.

Таким образом, выбор темы определен неполнотой и недостаточностью исследования проблем адыгской полевой фольклористики, использования в ней новых технологий.

Объектом исследования являются рукописные и компьютерные каталоги, фольклорные коллекции и корпуса, хранящиеся на разных носителях в фольклорных архивах Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. Керашева (АРИГИ) и Центра адыговедения и адыгейской филологии отдела филологии НИИ комплексных проблем АГУ, в собственном архиве, накопленном в результате полевых исследований, проведенных в течение 2009–2021 гг., а также опубликованные вербальные и музыкальные тексты.

Предмет исследования – история и принципы формирования и функционирования вышеуказанных фольклорных архивов, традиционные и современные способы хранения и систематизации фольклорных фондов.

Цель исследования – анализ специфики фиксации, систематизации, архивации фольклорных фондов, перспектив включения новых технологий в процесс объективации адыгского фольклора.

Реализация данной цели предполагает решение ряда **задач**:

- обобщить результаты фольклористических исследований по изучаемому блоку вопросов и проблем;
- проанализировать технологическую историю фиксации, систематизации, архивации и публикации фольклорных текстов;
- выявить структуру исследуемых фольклорных архивов, условия их хранения и функционирования;
- определить критерии формирования в фольклорных фондах информационно-справочных и поисковых систем;
- исследовать этнокультурные особенности феномена «информант-собираатель» в фольклорном поле;
- описать методы экспериментальной реконструкции принципов традиционного песнопения и игры на народных инструментах в вербальном и отчасти музыкально-исполнительском аспектах;
- определить перспективу мультимедийных технологий в сохранении адыгской фольклорной культуры.

Методологической и теоретической основой диссертационного исследования являются принципы и методы научного осмысления проблем полевой фольклористики (в том числе вопросов применения IT-технологий в фольклористическом исследовательском поле), разработанные в трудах отечественных ученых, классиков русской фольклористики и современных исследователей: С.Б. Адоньевой (2003), М.П.Алексеева (1988), С.В.Алпатовой (2004), Л.В.Ангеловской (2008), А.Н.Веселовского (1940), И.С.Веселовой (2005), В.М.Гацака (1971, 1975), Н.В.Дранниковой (2004, 2011), В.М.Жирмунского

(1940), Т.Г.Иванова (1989), И.Г.Левина (1981), А.Л.Налепина (2019), С.Ю.Неклюдова (2001), Т.С.Каневой (2000), В.Л.Кляуса (2006, 2015), В.А.Ковпик (2014), Е.В.Марковской (2001, 2004, 2006), Ю.И.Марченко (1998), А.М.Мехнецова (2005), А.Б.Мороза (2003), Н.С. Петровой (2010), В.Я.Проппа (1976, 1989), А.А.Смирнова (2000), К.В.Чистова (1980, 1986, 2005). В решении части теоретических и практических вопросов мы опирались также на работы кавказских фольклористов, в том числе и адыговедов: А.И.Алиевой (1979, 1986, 1988), С.Ш.Аутлевой (1964, 1975, 2018), А.М.Гадагатля (1980), Л.К.Гостиевой (2017, 2018), А.М.Гутова (1986, 2008), М.А.Джандар (1991), Г.А.Джиоевой (2013), З.Дж.Джапуа (1994, 2011, 2016), З.П.Кардангушева (2004), Г.М.Концевича (1997), З.Ж.Кудаевой (2008, 2018), М.И.Мижаева (1970, 1994), З.М.Налоева (1980, 2009, 2011), М.М.Паштовой (2006, 2008, 2009, 2010, 2011, 2013, 2014, 2015, 2016), Д.В.Сокаевой (2017, 2018), А.Н.Соколовой (1988, 2000, 2010, 2012, 2014), Р.Б.Унароковой (2002, 2004, 2006, 2009, 2010, 2011, 2017, 2020), Ш.Х.Хута (1991), З.Б.Цаллаговой (2013), А.Г.Шортанова (1967), Ш.С.Шу (1988) и др.

Методы исследования. В диссертационной работе применена специальная методика, сочетающая в себе элементы фольклорно-теоретического, информационно-статистического, историко-сравнительного, историко-типологического анализа. Для решения ряда проблем применен метод включенного наблюдения. Метод прямого сопоставления ранних записей («парижская» и «лондонская» коллекции адыгского фольклора) с более поздними оказался наиболее эффективным в определении уровня сохранности текстов.

В качестве экспериментального использован введенный в настоящем исследовании метод и соответствующее ему терминологическое сочетание «экспериментальная реконструкция» в отношении восстановленных элементов и принципов традиционного песнопения и игры на музыкальных инструментах.

Материалы и источники исследования. Работа выполнена на материалах архивов Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. Керашева (АРИГИ) и Центра адыговедения и адыгейской фи-

лологии отдела филологии НИИ комплексных проблем АГУ. Их фоноархив составляет тысячу кассет, несколько сотен аудио- и видеодисков с более чем пятнадцать тысяч единиц хранения. Рукописный фонд составляет более 250 папок с более чем десять тысяч ед. хр. В архив Центра адыговедения и адыгейской филологии отдела филологии НИИ комплексных проблем АГУ включена фольклорная коллекция, собранная нами (300 ед. хр.). К исследованию привлечены материалы из фонотеки гостелерадиокомпании «Адыгея». Исследование также опирается на коллекции фольклорных текстов, опубликованных в качестве приложений к монографиям и в различных сборниках. Часть материалов, в особенности собранные нами, вводятся в научный оборот впервые.

Научная новизна. Впервые адыгское фольклорное поле как совокупность текстов, зафиксированных на медианосителях, становится объектом монографического исследования. Определена специфика организации исполнительского пространства в живом бытовании и в условиях полевой записи. Разработаны методы реконструкции принципов традиционного песнопения и музицирования: попеременное исполнение партий запевалы и нескольких типов подголосков, а также способы переложения партии асарелла на партию музыкального инструмента. В качестве экспериментальной научной задачи впервые разработана практика восстановления и сведения из разновременных архивных и полевых источников всех доступных вариантов (версий) отдельно взятого вербального фольклорного текста.

Положения, выносимые на защиту:

1. Адыгские фольклорные фонды, хранящиеся на разных носителях в государственных научных учреждениях, формировавшиеся на всем протяжении становления фольклористики как науки, могут и должны рассматриваться как один из информативных источников ее истории.

2. Технологии фиксации, систематизации и архивации фольклорных коллекций соответствуют статусу фонда: многоуровневая развернутая систематика применима к научным архивам, тогда как частные (в том числе специ-

ализированные архивы, такие как фонотеки телерадиокомпаний) формируются узконаправленно, согласно заданной цели.

3. Научно обоснованная информационно-справочная, информационно-поисковая сопроводительная документация определяет уровень фольклорного фонда и степень оптимизации его функционирования.

4. Создание специализированной электронной базы данных и подключение ее к интегрированной информационной системе способно оптимизировать сохранность уникального наследия, расширить границы пользования фондами, выявить новые аспекты и области знания, определить перспективы описания неисследованных локальных традиций.

5. Принципы формирования единиц хранения и функционирования фольклорных фондов в целом определяются еще на уровне полевых изысканий и собирательских стратегий. Фольклорное поле, структурированное вокруг двух основных субъектов коммуникации – информанта и собирателя, более или менее активно в зависимости от характера их взаимодействия и степени включенности каждого из них в традицию.

6. Практика восстановления целостности вербальных и музыкальных текстов, а также деятельность по экспериментальной реконструкции принципов традиционного песнопения и игры на музыкальных инструментах формируют исследовательский опыт и знания в области полевой фольклористики и текстологии.

Теоретическая значимость работы связана с обоснованием принципов и методов объективации (фиксации, систематизации, архивации и публикации) адыгских фольклорных текстов, разработкой и дальнейшим совершенствованием научных принципов жанрово-тематической классификации, реконструкции принципов адыгского традиционного песнопения и игры на народных инструментах, текстово-информативной полноты фольклорных произведений.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в качестве теоретико-методологической основы при комплексном исследовании вопросов полевой фольклористики.

Практическая значимость результатов диссертационного исследования определяется возможностью их применения при создании в научных целях новых и усовершенствовании функционирующих электронных баз данных, электронных учебников для средней общеобразовательной и высшей школы; введением в научный оборот восстановленных фольклорных текстов, применением методики реконструкции принципов традиционного песнопения и игры на народных инструментах при создании ансамблей адыгского аутентичного песнопения и инструментальной музыки.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. В работе внимание сосредоточено на истории, принципах формирования и способах сохранения и систематизации фольклорных фондов, функционирующих на территории Республики Адыгея. Все положения соответствуют области теории фольклора, отражающей проблему «изучения форм и способов бытования фольклора; коллективность творческого процесса как диалектическое единство индивидуального и массового творчества; искусство исполнителей». Положения 1 и 6 согласовываются с областью текстологии фольклора, в частности, с подпунктом «разработка и совершенствование правил научной публикации фольклорных текстов (дополнение печатного слова и нот аудио и видеозаписями)». Положения 2,3,4,5 соответствуют области классификации и систематизации фольклора, подпункту «разработка принципов формальной систематизации фольклора с применением компьютерной техники. Собираание, архивирование фольклора». Диссертационное исследование соответствует пункту 4 «Классификация и систематизация фольклора», а также пункту 5 «Компьютеризация фондов», а именно подпунктам: «развитие и совершенствование методик собирания и хранения фольклора с учетом возможностей современного технического оснащения; внедрение принципов комплексного (мультимедийного) собирания и систематизации фольклора; разработка ком-

пьютерных программ по систематизации фольклорного материала и создание тезаурусов фольклорного фонда; выявление и научная обработка старых фольклорных архивов» паспорта специальности 10.01.09.

Апробация работы. Основные положения и научные результаты исследования обсуждались на заседании кафедры истории и культуры адыгов Адыгейского государственного университета, представлялись на региональных, российских и международных научных форумах: Межрегиональный фестиваль традиционной эпической песни «Горы вы, Кавказские», Кисловодск, 2014; Республиканская научно-практическая конференция «Сказители аула Джиджихабль в контексте адыгской фольклористики», Майкоп, 2018; Круглый стол «Писатель и время: истоки формирования художественного мировидения Т.М. Керашева, Майкоп, 2018; III Международная научно-практическая конференция «Богослужебные практики и культовые искусства в современном мире», Майкоп, 2018; IX Международная научная конференция «Петербург и национальные музыкальные культуры. Музыкальные культуры народов Кавказа», Санкт-Петербург, 2018; XII Международный инструментоведческий конгресс «Благодатовские чтения», Санкт-Петербург, РИИИ, сектор инструментоведения, 2019; Международный научно-практический форум «Проблемы традиционной художественной культуры горских народов. К 130-летию со дня рождения Б.А. Галаева», г. Цхинвал, 2019; Международная научно-практическая конференция «Адыги: проблема сохранения культурного наследия и этнической самобытности», Майкоп, 2019 г.; Ежегодная научная конференция студентов и аспирантов Адыгейского государственного университета 2017-2021; Региональная (с международным участием) научно-методическая конференция «Язык, письменность, литература: актуальные проблемы, пути их решения, перспективы развития», посвященная «Дню адыгейского языка и письменности (Майкоп, 2020); Международный круглый стол «Цивилизационные модели казачьих и горских сообществ Кавказа: опыт взаимодействия и современные практики», Ростов-на-Дону, 31 марта 2021 г., Дискуссионная площадка МГТУ и КубГУ, Майкоп, 2021; Вторые Международные научные

чтения памяти В.М. Гацака «Традиции во времени», Сухум, 2-4 июня 2021; Всероссийская научная конференция «Евгений Шварц и проблемы развития отечественной литературы XX века», Майкоп, 21-23 октября 2021г.

По теме исследования опубликовано 12 научных работ, в том числе 4 статьи в научных журналах и изданиях, включенных в перечень, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ.

Результаты диссертационного исследования внедрены в научно-образовательный процесс факультета адыгейской филологии и культуры и Центра адыговедения и адыгейской филологии отдела филологии Научно-исследовательского института комплексных проблем АГУ в качестве создания компьютерного каталога научного фольклорного архива Центра; расшифровки звукозаписей 20 песен из «лондонской» и «парижской» коллекций, сделанные нами, включены в XII том Свода адыгского фольклора «Лирические песни» (в производстве). В собственный певческий и исполнительский репертуар также введены десятки восстановленных нами текстов песен и апробирована реконструированная форма адыгского песнопения в комплексе с игрой на народных инструментах. Об этом свидетельствуют десятки фестивалей и концертов народной песни разного уровня (от региональных до международных): 1-ый Всероссийский фестиваль и выставка народной культуры, Сочи, 2014; 1-ый Межрегиональный фестиваль адыгских народных флейтистов-камыляпщэ, Майкоп, Нальчик, Черкесск, 2015; Межрегиональный конкурс исполнителей на традиционных музыкальных инструментах «Улица», Москва, 2015; Межрегиональный фестиваль «Возвращение к истокам – путь к возрождению», Майкоп, 2015; III Межрегиональный фестиваль адыгской культуры «Дышьэ тандж» (Золотая корона), Тахтамукай, РА, 2015; Первый Региональный фестиваль «Зимние горы», Майкоп, 2015.

Структура и объем работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованной литературы.

Глава I. Объективация адыгского фольклора: принципы фиксации, систематизации и публикации текстов

1.1. История адыгской полевой фольклористики (сбор, систематизация, публикация текстов)

Многочисленные сведения о фольклоре и традиционной культуре адыгов (черкесов) содержатся в путевых заметках европейских авторов, путешественников и бытописателей, побывавших на территории Северо-Западного Кавказа в XII–XIX вв. Исследователи из собственно адыгской среды обратились к изучению традиционного культурного наследия в первой половине и середине XIX в. Попытки осмыслить адыгский фольклор, описать народные музыкальные инструменты и формы исполнительской традиции, обратить внимание на сохранность и способы передачи посредством деятельности народных поэтов и импровизаторов – джегуако. Обозначить некоторые принципы фиксации фольклорных текстов на языке оригинала с применением выявленных принципов в собственной собирательской практике мы наблюдаем в просветительском движении, возникшем с середины XIX века. У истоков этого движения стояли Ш.Б. Ногмов и известный писатель-просветитель Султан Хан-Гирей. Их творческая, в том числе собирательская деятельность, приходится на сложный исторический период – эпоху активной колонизации Черкесии.

Отсутствие опыта изучения традиционной культуры, а также специального образования в области филологии и этнографии осложняло деятельность Хан-Гирея в качестве фольклориста. Будучи профессиональным военным, он, тем не менее, добился многого в деле собирания адыгского фольклора. Этому способствовали, как пишет М.И. Мижаев, «его широкая эрудиция, большой интеллект, незаурядный природный талант, любовь к культуре родного народа» (Мижаев М., 1994, с. 57).

Заслуга Хан-Гирея состоит в том, что в условиях отсутствия письменности ему удалось разработать собственный алфавит, посредством которого, как свидетельствует сам автор, он фиксировал устные тексты (Хан-Гирей С.,

1978). К сожалению, судьба этого алфавита и рукописного собрания ряда текстов песен и преданий, о которых он упоминает в «Черкесских преданиях», осталась неизвестной.

Хрестоматийными являются рассуждения Хан-Гирея о характере фольклора адыгов: «Земли черкесского народа бедны остатками искусства, но зато как он богат изустными произведениями поэзии! Поэзия – жизнь, душа, память бытия древних черкесов, живая летопись событий в их земле. Она управляла их умом и воображением в домашнем быту, на съездах народных, в увеселениях, в печали, встречала их рождение, сопровождала от колыбели до могилы их жизнь и передавала потомству их дела» (Хан-Гирей С., 2009, с. 375).

Первый опыт осмысления адыгского фольклора как особой формы мышления, духовного наследия народа, выявления основных жанровых единиц в виде научной классификации с использованием элементов народной систематики принадлежат также Хан-Гирею. Он же обратил внимание на синкретическое единство функционирования текста песни и предания, ее сопровождающего: «Старые сказания весьма интересны для любителя старины, – писал он, – они служат истолкованием и дополнением древних песен и вместе с песнями составляют единственные бесценные материалы для предисторической эпохи народа» (там же, с. 385).

Многие их сведений Хан-Гирея, а также наблюдения этнографического и фольклористического характера, изложенные в его трудах, остаются актуальными для современного адыговедения.

Большой вклад в развитие адыгской фольклористической мысли был внесен другим просветителем XIX в. Ш.Б. Ногмовым. Его «История адыгейского народа», составленная по народным преданиям, содержит много ценных наблюдений. В частности, Ногмов одним из первых, кто описал упомянутую выше особенность функционирования адыгской песни в единстве с преданием. Им также отмечена важная социальная роль народных певцов и импровизаторов джегуако, которые «на войну ездили всегда на серых конях, должны были сочинять стихи или речи для воодушевления воинов перед сражением»

(Ногмов Ш., 1994, с. 72). Но, пожалуй, самым примечательным в его деятельности на ниве фольклористики является то, что его перу принадлежат первые в истории дошедшие до нас записи аутентичных текстов адыгских народных песен на языке оригинала (иногда с вариантами) вместе с пересказом содержания множества преданий.

Наряду с исследованиями С. Хан-Гирея и Ш.Б. Ногмова, в адыгской фольклористике XIX века необходимо обратить внимание на Адиль-Гирея Кешева (Каламбия) и его статью «Характер адыгских песен», опубликованную в 1869 году в «Терских ведомостях». Суждения, высказанные в ней, во многом созвучны с интересующими нас проблемами.

А.-Г. Кешевым разработана многоступенчатая классификация народных песен с выявлением поэтических и прагматических особенностей каждого (под)жанрового образования. Автором высказываются важные замечания относительно функционирования института джегуако и вопросам исполнительской традиции. Так, А.-Г. Кешев впервые обратил внимание на проблему расщепления института джегуако, ослабления значения придворных джегуако, сочинителей героических песен, и превращения их в странствующих музыкантов. Хрестоматийными стали для фольклористического адыговедения цитаты из названной статьи А.-Г. Кешева относительно социально-исторического контекста и информационной функциональности старинной адыгской песни: «Из всех произведений, народного творчества, – писал он, – изустная песня служит наиболее полным и верным выражением отличительных свойств народного характера. Вот почему, при изучении бытовых особенностей какого-либо народа, исследователи обращаются, как к одному из главнейших событий, к песням, сохранившимся в его памяти. Таким образом, песня приобретает значение исторического документа даже в таких странах, где письменные памятники сохранились с древнейших времен. <...> Быть может, не у многих народов песня запечатлена так ярко и осязательно типическими особенностями национального духа, как у Адыгов» (Кешев А.-Г., 1979, с. 326). В этой же статье Кешев А.-Г. отмечает: «Если бы была возможность собрать все сохра-

нившиеся в народной памяти песни, то составилась бы полный исторический сборник всех главнейших событий, пережитых различными черкесскими племенами с древнейших времен и до наших дней <...> мы имели бы богатый материал для определения характера прошлой истории Адиге, – материал тем более драгоценный, что он, составляет единственный источник для изучения минувшей жизни черкесского народа» (там же, с. 331).

А.-Г. Кешев неоднократно подчеркивал значение песни в миропонимании адыгов: «Песня дорога для Адиге не только потому, что она единственный памятник его прошедшего, наследие отцов, но еще и потому, что она служила всегда неиссякаемым источником его воинственного энтузиазма. <...> песня служила для черкесской молодежи школою для воспитания» (там же, с. 333). Тем самым он указал на полифункциональность адыгской народной песни, особо выделив ее мемориально-познавательное, воспитательное и эстетическое значения.

Адыгский композитор Г.К. Чич обратил внимание на то, что А.- Г. Кешев воспринимал адыгские народные песни как летописи исторических событий. Г.К. Чич отмечает, какой тонкостью наблюдений отличается характеристика А.-Г. Кешева манеры исполнения адыгских песен: «Черкесы поют обыкновенно вполголоса, не насилуя ни гортани, ни легких, потому-то в их пении не слышно визга и писклявых завываний, которые выдаются обыкновенно за несомненный признак одушевления, тогда как они-то именно свидетельствуют об отсутствии истинного движения чувств. Нам кажется, что именно в этом безыскусственном, часто монотонном декламировании заключается причина весьма сильного впечатления, производимого черкесскою песнею...» (Чич Г., 1980, с.127). Данное положение стало основополагающим для нашей исполнительской практики.

Важную роль в становлении и развитии адыгской фольклористики также сыграли «Сборник сведений о кавказских горцах» (ССКГ) и «Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа» (СМОМПК), которые выходили в XIX веке. «Ценность их состоит в том, – писала А.И. Алиева, – что в

русском переводе, весьма точно передающем содержание и стиль оригинала, напечатаны варианты адыгских песен и сказаний о популярных народных героях – Адемиркане, Куалове Созерыхе и др.» (Алиева А., 1979, с. 30).

Определенная Значительная по объему и важности работа по сбору и публикации адыгского фольклора проделана Паго Тамбиевым. Им опубликовано более полусотни текстов адыгского фольклора с соблюдением основных принципов публикации: в текстах сохранены диалектные особенности, каждая единица текста сопровождается подстрочными переводами и прокомментирована с точки зрения жанровой специфики. Только в 25 выпуске СМОМПК им были опубликованы тексты 27 адыгских народных песен на языке источника с подстрочным и литературным вариантами перевода и комментариями.

В объективации не только адыгского фольклора, но и фольклора других народов Кавказа активное участие принимал редактор СМОМПК проф. Л.Г. Лопатинский – один из представителей русской интеллигенции конца XIX начала XX, века. Так, в 1891 году в XII выпуске СМОМПК Л. Г. Лопатинский опубликовал три текста: «Созрыко», «Ащемез» и «Пщибадиноко». Подстрочные переводы этих текстов были выполнены Кази Атажукиным. (NB: данный выпуск был целиком посвящен Кабарде, и там не только три текста; значительную часть публикаций в нем составили фольклорные материалы на адыгском языке и в переводе на русский, в т.ч. записанные и самим Лопатинским, и Т.П. Кашежеевым, и другими). За данными публикациями последовали и другие. Так, в 1902 году в Тифлисе Дьячков-Тарасов записал и на русском языке опубликовал «Абадзехские былины» в XXII книге «Записок Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества». Здесь были представлены и песенно-стихотворные тексты о нартах Шэбатыныко, Аргунэ, Сэтэнай-гуащэ, Сосрыко, Ащэмэзе и Хымыщыко Пэтэрэзе. В описываемый период интерес представлял не только вербальный, но и музыкальный фольклор адыгов. Он привлекал внимание видных русских композиторов XIX века М. И. Глинки, А. А. Алябьева, М. А. Балакирева, С.И. Танеева, в разное время пребывавших на Кавказе.

В первой четверти XX столетия сформировался новый этап адыгского культурно-просветительского движения. Одновременно на территории исторической Черкесии и в диаспоре с 1908 – 1910 годов в это движение были вовлечены почти все адыги. Можно сказать, что это движение и активная деятельность по собиранию и публикации адыгского фольклора являются продолжением работы по формированию адыгской фольклористики как науки.

В начале XX в. представители адыгской интеллигенции собирали и публиковали произведения фольклора в СМОМПК, газетах «Терские ведомости» (Владикавказ) и «Гъуаз» («Вестник»), издававшихся адыгами репатриантами, сначала (1911 г.) в Стамбуле, затем в «Адыгэ макъ» («Голос адыга»), издававшейся Баксанским просветительским центром.

Наиболее интенсивная работа по сбору, систематизации, подготовке к изданию адыгского фольклора началась в послереволюционный период. В этом процессе фольклорист С.Ш. Аутлева выделяет три этапа (Аутлева С., 2018, с. 27).

Первый – связан с созданием специальной комиссии при Адыгейском областном отделе народного образования (облоно), которая занималась сбором и подготовкой к публикации фольклорных материалов. В нее входили представители первой адыгской интеллигенции: Т.Керашев, Д. Ашхамаф, А. Хатков, И. Цей, Т. Борукаев, Т. Шеретлуков, Н. Цагов, А. Охтов и другие. Первый журнал под названием «Адыгэ 1эдэбыят угъоигъ (в переводе с арабского – «Литература»)» был издан в 1924 году в Москве, в издательстве «Красный Восток». В нем было всего 64 страницы и в основном состоял из фольклорных текстов. Журнал открывала «Песня о Революции», специально сочиненная сказителем Шалихом Мешвезом. Затем в перемежку шли пословицы, отрывки из нартского эпоса, героическая песня о народном герое Хатхе Кочасе, одна обрядовая песня о невесте, смеховые песни и два авторских текста – «Л1ыхъужъ плъыжь» («Красный воин») Ахмеда Хаткова, тогда начинающего поэта, а также пьеса «Хьэпсэч1эсым ипк1ыхь» («Сон заключенного») неизвестного драматурга. Вся подборка была пронизана революционным духом и

отвечала задачам новой власти. И арабское название журнала «Адэбыят угъо-игъ» тоже соответствовало тому времени, когда был создан и функционировал адыгейский алфавит, составленный на арабской графической основе.

В том же издательстве (Москва, 1924) был опубликован второй журнал, но под новым названием «Псаль» («Слово»). По объему он был в три раза больше первого (191с.) и тематически оправдывал формат «художественно-публицистического журнала». В нем были напечатаны 16 статей о злободневных проблемах времени и 47 единиц фольклорных текстов вместе с коллекцией пословиц и поговорок. Через два года в Ростове-на-Дону вышла третья книга на адыгейском языке № 2, по словам профессора А.А. Схалыхо, «более систематизированная по структуре и тематически более выдержанная» (Псаль, 2003, с. 7).

В общей сложности в трех книгах-журналах было опубликовано 85 фольклорных текстов (сказки, предания, народные стихи и песни) и 774 текста пословиц и поговорок. Однако в тот период фольклорные тексты не сразу стали предметом исследования. Поначалу фольклор привлекал к себе внимание как языковой и дидактический источник при составлении первых учебников и учебных пособий.

Известно, что по всей стране положительные изменения в отношении к фольклорному наследию народов, населяющих Советский союз, начали происходить в начале 30-х годов XX в. под влиянием речи А.М. Горького на I съезде советских писателей.

Второй этап связан с введением в 1927 году нового алфавита на латинской графической основе и открытием трех адыгских научно-исследовательских институтов: Кабардино-Балкарского (1926), Адыгейского и Карачаево-Черкесского (1929).

С первых же дней институты занялись сбором фольклора. Фиксировались наиболее популярные на тот период афористические жанры, песни, сказки, притчи. Об этом свидетельствуют архивы вышеназванных институтов и первые публикации.

В Адыгее состоялось три экспедиции с целью сбора фольклорных материалов. В них приняли активное участие не только сотрудники созданного к тому времени Адыгейского научно-исследовательского института, но и деятели русской музыки В.Л. Мессман, Г.М. Концевич, М.Ф. Гнесин, Н.Н. Мионов, А.Ф. Гребнев. Первая фольклорная экспедиция (1931), в которой принял участие Г.М. Концевич, проработав в 12 аулах со 101 информантом, записала 164 адыгские народные песни. Вторая – состоялась в 1932 году, третья – в 1935 г. Последняя зафиксировала 413 народных песен (о принципах фиксации фольклорных текстов, разработанных Г.М. Концевичем, подробнее в параграфе 1.2).

Архивные материалы свидетельствуют о том, что русские композиторы, записывавшие адыгский музыкальный фольклор, не знали, как правило, языка и не имели опыта фиксации с учетом этнокультурных особенностей песнопения и музицирования. О чем свидетельствуют примечания и комментарии к текстам, сделанные, например, Г.М. Концевичем: «Чтобы записать не только точно, но хотя бы приблизительно нотными знаками некоторые песни, сказания <...>, выразить интонацию (особенности звукового оттенка в пении, в выговоре слов и т.п.), нужно обладать, прежде всего, языком, а вернее – быть черкесом, музыкально образованным и с этнографическим опытом» (Концевич, 1997, с. 82).

Второй этап также знаменует начало научного изучения фольклора. В этот период в сборе, архивации и издании фольклорных текстов как на языке оригинала, так и на русском языке приняли участие русские ученые, композиторы, поэты. Показателем высочайшего внимания к подготовке сборника «Кабардинский фольклор» (1936), как отмечает А.М. Гутов, стал факт его редактирования одним из выдающихся представителей старой Российской филологической школы академиком Ю.М. Соколовым. Эта работа была значительным шагом в публикации и в систематизации адыгского фольклора.

В послереволюционный период первым переводчиком адыгских сказаний и сказок, их популяризатором стал известный писатель Павел Максимов.

Благодаря ему еще в 1934 году адыгские сказки оказались в поле зрения М.Горького. Прочитав их, он написал: «Адыгейские сказки, судя по этим образцам, весьма интересны и ценны общностью своих мотивов со сказками других народов. Общность эту я вижу в сказке «Мулла – колдун», которая (сюжетно) явно родственна сказкам о попе-оборотне, аббате жреце – волшебниках очень интересна и сказка о зайчихе, лисе и волке, помощнике старшины, – она обнажает социальные отношения людей, чего, обычно, в сказках о животных не видят.

Крайне жаль, что сказок собрано мало. Ценность адыгейских сказок увеличивается еще и тем, что в них зло везде побеждено. Это хорошее свидетельство о здоровье народа» (М. Горький, 1935 // Горские сказки / под. ред. Ю.М. Соколова. – М.: Советский писатель, 1937) (К1эраш, 2020, с. 303).

С 1934 года и до конца жизни (1967) П. Максимов тесно сотрудничал с писателем Темботом Керашевым. Они подготовили и издали десятки сборников адыгейских сказок и сказаний в Майкопе и Краснодаре, Ростове-на-Дону и Москве. Столь высокая оценка известного писателя не раз «спасала» адыгские сказки от чрезмерной цензуры того времени и способствовала расширению русскоязычной читательской аудитории.

Сборник народных песен «Адыгэ орэдхэр» – «Адыгейские (черкесские) народные песни и мелодии» под редакцией А.Ф. Гребнева (1941) характеризуется широким жанровым охватом. В него вошли песни почти всех диалектных групп. Известный композитор кратко характеризует адыгские народные песни и формы их бытования. Помимо нотации песен, благодаря которой оказалось сохранено значительное количество текстов музыкального фольклора, сборник А.Гребнева ввел в научный оборот имена певцов и сказителей, носителей традиции.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. прервала процесс активного сбора и изучения фольклора адыгов. Многие коллекции народных песен, в том числе нотные записи, были потеряны.

Третий этап в собирании, публикации и изучении адыгского фольклора начинается после окончания Великой Отечественной войны, когда возобновилась деятельность научно-исследовательских институтов и в них были открыты секторы фольклора и литературы. В 1946 году были переизданы два сборника народных песен, сказок и сказаний, опубликованных в 1940 г. с предисловиями и научно-популярными комментариями Тембота Керашева, разъясняющими специфические особенности адыгской фольклорной культуры. Народные песни в этих сборниках сопровождались изданными к ним преданиями, краткими толковыми словарями. Данные сборники заложили основы научной систематизации и публикации фольклорных текстов.

В послевоенные годы в Адыгее, Кабарде, Черкесии, у причерноморских шапсугов, проживающих в Лазаревском и Шапсугском районах, армавирских адыгов в Успенском районе Краснодарского края, на хуторах Моздокских кабардинцев-христиан Курского района Ставропольского края проводятся интенсивные квалифицированные экспедиции по сбору произведений адыгского фольклора. При этом собиратели, часто несмотря на отсутствие специального образования в области народоведения, пытались максимально сохранять особенности языка певца и сказителя. Мелодии записывались с помощью нот и на ферромагнитную пленку. В этом плане особо показателен ряд экспедиций, проведенных по решению правительства Кабардинской Автономной Республики (КАССР) в 1949 году во всех регионах проживания адыгов. Возглавлял экспедицию А.Т. Шортанов. На бобинных магнитофонах было записано 350 произведений фольклора, в том числе 15 наигрышей на камыле. Данными экспедициями впервые, не считая лондонских и французских записей 1911–1913 гг. (о них см. в III главе), проводились аудиозаписи фольклорных текстов, благодаря чему сохранились образцы исполнительского искусства известных народных певцов. Только архиве АРИГИ хранятся сотни уникальных произведений фольклора. В то же время в этот период фиксировались не все жанры фольклора. Этому мешала, как вспоминал Ш. Х. Хут, «идеологизация собирательской деятельности. Дело доходило до того, что где-то с середины 50-х го-

дов XX века часть знатоков фольклора и мастеров исполнения изустных произведений начала отказываться сотрудничать с участниками фольклорно-музыкальных экспедиций АНИИ. Многие из них открыто высказывали опасения, что за исполнение неугодных властям и официальной идеологии фольклорных произведений они сами или их близкие могут подвергаться репрессиям. При этом приводились примеры незаконных арестов. Это было связано с тем, что не поощрялось исполнение, фиксация, а тем более публикация текстов, героями которых были ханы, пши, уорки. Такая чистка приводила в какой-то мере и к дегероизации адыгской истории. Особую немилость идеологических властей вызывали духовные стихи и песни, а также хабары и предания клерикального содержания. Поэтому архивные, фольклорные фонды адыгских и других научно-исследовательских институтов сегодня их не имеют, а фольклористы, испытывают затруднения при обращении к ним. В последнее время делаются попытки восполнить этот пробел. Однако и это затруднено тем, что многие знатоки этих произведений, мастера их исполнения ушли из жизни» (Мамий, 2006, с. 10).

В этот же период значительная работа по собиранию и публикации фольклорных текстов проводилась и в адыгской диаспоре. В газетах и журналах типа «Клак1о» («Бурка»), «Шыблэ» («Гром»), «Нарт», выходивших за рубежом на адыгском (адыгейском и кабардино-черкесском) языке, печатались тексты разных фольклорных жанров. Отдельные сборники народных песен были изданы Гаруном Батоко и Шабаном Кубовым (на латинице). Эти сборники являются важными источниками для исследования вопросов типологии адыгского фольклора, его жанровой специфики и текстологии.

Заметным явлением стала связь сотрудников АРИГИ с представителями адыгской диаспоры. С 60-х годов XX столетия стали возможны выезды за рубеж, к соотечественникам. Как отмечал известный нартовед А.М. Гадагатль, благодаря подобным связям, архив АРИГИ значительно пополнился редчайшими записями народных песен, легенд, преданий, полученных от адыгских сказителей, проживающих за рубежом. В частности, ученый подчеркивает, что

ценность, например, шапсуго-хакучинских зарубежных текстов в том, что в них запечатлены наиболее древние сюжеты и формы имен героев нартского эпоса (Гадагатль А., 1980, с. 18-19).

Следует сказать и о практике подготовки к публикации художественно обработанных фольклорных текстов, получившей широкое распространение в послевоенный период и далеко не всегда безупречной. «Обработка была весьма серьезной, – пишет А.М. Гутов, – изменялись сюжеты, стилизовался язык, порой сильно изменялась образная система, а подчас даже и форма естественного бытования отдельных феноменов. Именно в такой опозитизированной стилизованной форме были изданы эпические памятники многих народов СССР. Более огорчительно то, что в конце 40 – начале 50-х гг. издание литературно обработанных фольклорных произведений не просто широко практиковалось, но считалось адекватным аутентичному фольклору. Так, в «Нартхэр» попали циклы, не имеющие отношения к нартскому эпосу по своим жанровым признакам: «Куйцук и Малечипх» – сказки, а «Даханаго» является искусной мистификацией по фольклорным мотивам. Большое количество текстов подверглось настолько серьезной литературной обработке, что книга «Нартхэр» стала фактом скорее литературным, нежели фольклорным» (Гутов А., 1995, 149).

Так же обрабатывались и переводы произведений адыгского фольклора на русский язык. Более того, литературная обработка фольклора, в особенности произведений, издаваемых для детей, становилась нормой, даже обязательной формой перевода. Первый переводчик адыгских сказок и сказаний известный донской писатель Павел Максимов в своих письмах к Темботу Керашеву неоднократно сетовал по поводу «политизированных» рецензентов, чинящих препятствия изданиям сказок для детей. В то же время он ищет как «спасти содержание и форму истинно народных сказок», не конфликтуя с рецензентами, но и не соглашаясь с их «бредовыми» замечаниями (К1эраш, 2020, с. 326-353).

Практика обработки или выборки текстов официально «разрешенных» советской властью, распространилась и на песенную культуру. Так, под воздействием «блюстителей» советской идеологии известная во всех регионах проживания адыгов песня «Сэрмаф» из антиколониальной песни превратилась в антикрепостническую. К такому выводу мы пришли, сравнив архивные и опубликованные варианты данной песни. Изначально песня была сочинена известным джегуако из Кабарды Камботом Абазовым в конце XIX века и исполнена выдающимся гармонистом Магомедом Хагауджем в 1913 году (звукозапись была сделана английским звукоинженером Эдмондом Пирсом и обнаружена в 1994 году музыковедом, профессором А.Н. Соколовой) в Государственном архиве фоно- и фотодокументов в Москве. Однако по техническим причинам прослушать ее удалось лишь в 2020 году. Аудио варианты этой песни, записанные еще в 40-50 годах XX в. от Ибрагима Хушта и Зарамука Кардангушева, долгое время хранились в архивах АРИГИ и КБНИИ (два из них опубликованы в НПИНА, 1990, Т. III. ч. II – С. 225-229.).

В варианте К. Абазова (он совпадает и с вариантом М. Хагауджа) были такие строки:

Насытынчъэхэр зэман бзаджэм дыкъяльху,

Мыльхуэжыныр Арысеим къыхуклуэ.

«Несчастные, во время страшное мы рождены,

Рожать Арысея да перестанет».

Впоследствии слово «*Арысей*» (Россия) заменили на «*пацтыхь физхэм*» (жены царей). Оно зафиксировано в варианте И. Хушта. Позже закрепились другая замена: «*мыльхуэжыныр пцыжъ-оркъяжъхэм къахуклуэ*» (князья-дворяне да перестанут рожать). Со временем в тексте, соответственно, появились и другие мотивы, связанные с крепостничеством. Данный пример наглядно показывает какой урон наносился фольклорному наследию адыгов из-за невежества властей предрержащих. Подобные «следы» мы наблюдаем и в ряде более поздних изданий фольклорных текстов. Так, в книгах «Советскэ Къэбэрдейм и луэрылуатэхэр» («Фольклор советской Кабарды») (Нальчик,

1957) и «Адыгэ советскэ 1оры1уатэхэр» («Адыгский советский фольклор») (Майкоп, 1968) вместо фольклорных текстов опубликованы авторские песни и стихи о советской власти, сочиненные народными песнетворцами и поэтами, представителями духовно-арабистской учительской интеллигенции. В то же время в архивах оставались сотни подлинно народных песен, высмеивавших недостатки того времени.

Известно, что при подготовке фольклорных текстов к изданию наиболее сложной остается проблема жанровой систематизации. Наличие универсальной классификации (она еще не создана, хотя в отечественной фольклористике, в том числе в адыгской, существует множество схем по отдельным жанровым областям) позволило бы единым взглядом охватить все существующие жанры в самых разных формах взаимоотношений, определить специфические особенности каждого из них.

В фольклористическом адыговедении достаточно часто поднимались вопросы классификации фольклорных жанров и их систематизации. Как отмечено выше, в разное время в работах С. Хан-Гирея, А.-Г. Кешева (Каламбия), А.Ф. Гребнева, Л.Г. Канчавели приводятся классификации народных песен, которые отмечены ступенчатым делением и оперируют различными терминами для обозначения жанровых разновидностей.

В 70-80-х годах XX столетия адыгские фольклористы (каждый по исследуемым жанровым категориям) наибольшее внимание обращали на проблемы систематизации архивных фольклорных текстов, научному описанию их жанровых особенностей и составлению классификационных схем по отдельным жанровым областям. Параллельно решались вопросы отбора и публикации текстов. В 1979 году переизданы фольклорные тексты, публиковавшиеся во второй половине XIX - начала XX вв. в разных изданиях (СМОМПК, вып. 1-44, Тифлис, 1881-1915); газеты «Кавказ», «Терские областные ведомости», отдельные выпуски журнала «Русский вестник», «Библиотека для чтения», «Сборник сведений о кавказских горцах» (ССКГ, IV, - записи К. Атажукина), «Этнографическое обозрение», IV, 1902 – свадебная поэзия, зафиксированная

Т. Кашежевым), «Известия Бакинского университета», (1921), «Фольклор адыгов» (1949, 1980). Появились двуязычные издания, такие как «Антология кабардинской поэзии» (1957, раздел: «Народная поэзия» с.1 – 110);

Однако, почти все вышеназванные издания адыгского фольклора, редактировались составителями. Степень «вторжения» их в текст зависел от поставленных задач. Сборники, предназначенные детям, а также массовому читателю, обязательно редактировались. Иногда данный процесс адаптации текста распространялся и на научные публикации текстов. Подобная практика имела место до 70-80 годов XX столетия. В этот период в основном публиковались героические песни и предания, сказки, паремиологические жанры. Можно сослаться на 3 журнала, изданные на адыгейском языке в 1924-1926 гг. (*Псалъ № 1,2, Iэдэбыят угъоигъ*), сборники народных песен, сказок, составленные писателями А.М. Гадагатлем, Т.М. Керашевым, Ю.И. Тлюстеном, А.Х. Шортановым, этнографами, фольклористами и литературоведами Л.А. Бекизовой, З.П. Кардангушевым, М.И. Мижаевым, З.М. Налоевым, Н.Я. Сакиевым, Ш.Х. Хутом.

Большая часть из собранного в 30 годах XX в. АНИИ (Адыгейским научно-исследовательским институтом, ныне АРИГИ – Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований) музыкального фольклора (при участии композиторов Н.Н. Миронова, Г.М. Концевича, А.Ф. Гребнева) было опубликовано в сборниках, изданных позже (1941, 1997).

Публикацией адыгского фольклора более интенсивно стали заниматься со второй половины XX в. Наибольшую популярность приобрели сборники сказок, составленные Т.М. Керашевым «Адыгэ пшысэхэмрэ тхыдэжэхэмрэ» («Адыгейские сказки и сказания») (1940), М.К. Хуажевым и А.М. Гадагатлем «Адыгэ пшысэхэр» («Адыгейские сказки») (1965), Ж. Тхамоковой «Таурыхъым и хьуэпсап1э. Адыгэ таурыхъхэр» («Идеал сказки») (2008), Г.А. Самоговой «Адыгэ льэпкъ орэдхэр» («Адыгейские народные песни») (1997). Отдельными сборниками издавались игровой фольклор, детские сказки, потешки. Таковыми являются сборники текстов, составленные Ш. Х. Хутом

«Дышьэ блэр» («Золотое ожерелье») (1986), «Тыджэгун» («Поиграем») (1987), «Пшысэхэр» («Сказки») (2003), З.М. Налоевым «Инэ мыкьуэ» («Детские потешки») (1960), «Хьуромэ» («Хурома») (1966), Джэгузэхэшэ» («Приглашение к игре») (1971), «Дыгъэеджэ» («Приглашение солнца») (1976), М.И. Мижаевым и Л.А. Бекизовой «Къру-къру, къаз-къаз» («Гуси-лебеди») (1969), Л.А. Бекизовой и Н.Я. Сакиевым «Дыгъэ, дыгъэ! Къепс, къепс!» («Солнце, солнце! Свети, свети!») (1965), С.М. Мафедзевым «Кърущ1эш» («Ручеек») (1978), «Адыгэ сабий джэгук1эхэр» («Адыгские детские игры») (1994), Р.Б. Унароковой «Къангъэбыль» («Прятки: Народные стихи для детей») (1988), «Адыгский детский фольклор» в 7 книжках с потешками, детскими играми, сказками, скороговорками, загадками, детскими песнями (2007).

Следует особо выделить детские сборники, в разные годы изданные З.М. Налоевым, в том числе его хрестоматию текстов для детских образовательных учреждений («Сабий щэнгъасэ» Нальчик: Эль-Фа, 1998. - 416 с.), которые умело обработаны и приближены к фольклорной традиции.

В противовес распространенной практики публикации отредактированных фольклорных текстов, в конце XX столетия достаточно широко стали издаваться сборники, где соблюдаются принципы научной публикации текстов. Вышли в свет десятки академических изданий фольклора народов России, в том числе русского, в серии «Библиотека русского фольклора», «Антология ингушского фольклора» с русским переводом, сборники текстов по отдельным жанрам фольклора осетин, карачаевцев и балкарцев, калмыков, чеченцев, народов Дагестана и др. Существенным шагом в освоении научных принципов публикации адыгского фольклора является издание шеститомного (4 уже опубликованы) собрания «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» (М.: Сов. композитор, 1979-1990; 2018). Как по принципу подбора материалов и их композиции, так и по характеру их текстологической подготовки, нотной транскрипции, перевода, комментариев, это издание до настоящего времени остается образцом не только в адыгской, но и в целом в оте-

чественной фольклористике. Оно осуществлялось по методике эдиционной работы, предложенной ученым музыковедом Е.В. Гиппиусом.

Также изданы сказки – 2003/Сост. Ш.Х. Хут, сказания - 2007/ сост. Ш.Х. Хут; Предания - 2007/Сост.С.Б. Бжемухова; детский фольклор – 2019/Сост. Р.Б. Унарокова, Обрядовая поэзия – 2019/Сост. Р.Б. Унарокова; Историко-героические песни – 2020/ Сост. Г.Ю. Схаплок; сборник «Адыгские песни времен Кавказской войны» - 2018/ Сост. А.М. Гутов, В.Х. Кажаров, Н.Г. Шериева. Бесспорным достоинством последнего сборника является то, что адыгские тексты в нем сопровождаются научно-анализическим переводом на русский язык, что значительно расширяет аудиторию пользователей. Тем не менее, обращает на себя внимание тот факт, что во многих вышеуказанных изданиях единых подходов, соответствующих научным принципам подготовки к публикации, не наблюдается. Это говорит о том, что проблема систематизации архивных материалов, подготовка их к изданию все еще остаются актуальными и не до конца решенной. Фольклорные сборники, подготовленные к публикации Р.Б. Унароковой (детская, обрядовая поэзия, народная лирика) составлены по разработанной ею методике структурирования коллекций текстов гнездовым способом, на основе тематической классификации, одновременно учитывающей многоступенчатое жанровое деление. Для примера можно указать на классификационную схему обрядового фольклора (Адыгэ 1ор1уатэхэр, 2019, с. 20-25). М.М. Паштова на основе эдиционных практик – на опыте подготовки к изданию фольклорных материалов исследуемого ею анатолийского черкесского анклава – также разработала публикационные принципы. По ее мнению приближенность к аутентичному оригиналу текста, зафиксированному на аудио- и видеоносителях, может быть обусловлена в книжном издании с помощью ряда факторов, в т.ч. структурой прилагаемых словарей, стилем контекстных и окказиональных комментариев, разъясняющих локальные и общераспространенные фольклоремы, природу местной традиции, метаязыка информанта, а также особыми графическими правилами и принципами, отражающими специфику фонетического строя местного говора. С освоением

кириллической письменности черкесское диаспорное поле неизбежно испытывает вторичное влияние книжных изданий, но фольклористические исследования и публикации, основанные на адекватных академических эдиционных принципах, могут минимизировать это влияние, что и показано в работе автора (Паштова М., 2016, с. 208-213).

На примере сборника текстов «Тыркуем ис адыгэхэр. 1ор1уатэр» («Фольклор адыгов Турции», 2004 – 578 с.) рассмотрим принципы научного издания, разработанные Центром адыговедения.

Тексты, вошедшие в сборник, «Фольклор адыгов Турции» были собраны в фольклорно-этнографических экспедициях, проведенных в Турции в 1997, 1998, 1999 и 2002 годах. За короткий срок (по месяцу на каждую поездку) были обследованы десятки адыгских аулов, опрошены сотни информантов. В результате было привезено 350 полуторачасовых магнитофонных кассет, 45 видео, тысячи фотоснимков. Последующие три года была проведена камеральная обработка материалов: расшифровывались магнитные записи, составлялись каталоги, комментарии к текстам, словари. В результате обнаружилось, что собранный полевой материал составил сотни оригинальных фольклорных текстов, часть которых – варианты ранее известных, часть – впервые зафиксированы.

Определенную сложность составило решение проблем, связанных с классификацией жанров. В связи с тем, что в адыгской фольклористике все еще нет единой классификационной системы фольклорных жанров, по ходу подготовки сборника «Фольклор адыгов Турции» приходилось определять ранее необозначенные жанровые единицы, описывать их и находить им место. Таковыми оказались *хьэренэ орэдхэр* (песни качелей), *махьсымафэ орэдхэр* (песни, исполняемые на санопитиях), смеховые маркировки (отдельных лиц, аулов, субэтнос).

Одной из узловых явилась проблема выбора критерия определения в ряду «первотекста», максимально приближенного к оригиналу варианта. Такими были определены следующие параметры: наличие наиболее полной кон-

текстуальной информации, наличие музыкального сопровождения, максимальная приближенность места бытования к месту возникновения данного текста, статус информанта (является ли он сочинителем или свидетелем событий). В сборнике тексты расположены гнездовым способом: на первую позицию выдвинут инвариант за ним следуют варианты.

Значительное количество текстов, в особенности паремиологические жанры, было зафиксировано от непрофессиональных собирателей фольклора. Это обстоятельство вызвало некоторые трудности в плане определения аутентичности текстов. В результате они были введены в основной корпус книги, но в качестве вариантов.

Некоторые тексты, бытующие на всей территории Турции, зафиксированы фрагментарно. Многочисленные отрывки текста и контекста позволили условно восстановить пратекст. В комментариях составителя подробно обозначены данные обстоятельства, имеющие для фольклористики большую значимость.

Сюжеты некоторых прозаических текстов представляют собой контаминации на восточные темы. С учетом способов адаптации восточных мотивов, удалось вычлениить собственно адыгский материал.

По утверждению Р.Б. Унароковой в настоящее время фольклор адыгов Турции больше бытует в пассивной памяти старшего поколения. В связи с этим обстоятельством встреча с действительным знатоком языка, фольклора, традиций является удачей для собирателя. Здесь сказались не только многочисленные общие факторы, но и специфика проживания в условиях диаспоры, где конфессиональные наслоения играют немаловажную роль. Религиозные запреты осложняли процесс работы в фольклорном поле, тем более ценными оказались те случаи, когда удавалось переломить предубеждения и «раскрыть» информанта (Тыркуем ис адыгэхэр, 2004, с.15).

Значительную трудность при расшифровке текстов с магнитных лент и их публикации представляли многочисленные лексические заимствования из турецкого языка, а также местные адыгские архаизмы и диалектизмы. При

публикации текстов составитель придерживался принципа достоверного воспроизведения языка сказителя. В связи с этим к сборнику приложены два словаря – турецко-адыгский и собственно-адыгский толковый, которые насчитывают более тысячи страниц.

Научная значимость данного сборника фольклорных текстов подтверждается его структурой. Основной блок книги состоит из двух разделов и нескольких подразделов. В первом – поэзия: *трудовая, свадебная, детский цикл, нартские пиинатли, лирико-героические (сочиненные на родине и на чужбине), смеховые песни*; во втором – народная проза – *сказки, сказания, предания, паремии*. В раздел «Современный фольклор» вошли авторские произведения, сложенные как в русле народной традиции, так и инновационные. Особую ценность представляют нотные записи 70 песен в расшифровке музыковеда Ф.Ф. Хараевой, три предисловия (на адыгейском, русском, турецком языках), несколько обобщающих очерков об истории собирания и бытования адыгского фольклора в диаспоре, об информантах, фотоматериалы, таблица-досье о 176 сказителях, где представлены их паспортные данные. На основе этого досье можно судить о состоянии фольклора турецких адыгов, локальных и половозрастных факторах бытования фольклорных текстов, степени их аутентичности.

Таким образом, краткий обзор истории адыгской полевой фольклористики показал, что проблемы сбора, систематизации и публикации решались во все времена, но более планомерно – во второй половине XX столетия. Если писатели-просветители в XIX – начале XX вв. в одиночку пытались собирать и фиксировать тексты на ими же составленных алфавитах, а также публиковать фольклор в соответствии со своими возможностями и с опорой на собственные эдиционные разработки, то начиная с 80 - 90-х гг. XX столетия, данные процессы осуществлялись с учетом современных теоретико-методологических принципов, утвердившихся в отечественной фольклористике.

На современном этапе адыгская полевая фольклористика имеет достаточно устоявшиеся традиции: выработаны научные принципы и методы ис-

следования. На их основе фиксируется, накапливается, систематизируется и издается фольклор, функционирующий на всех территориях проживания адыгов, включая и диаспору.

Представляется возможным создание общеадыгского фольклорного корпуса, началом которого может стать фольклорная электронная база Центра адыгovedения НИИ КП АГУ, содержащая 2000 единиц текстов с 300 000 словоупотреблений.

1.2. Информант и собиратель в фольклорном поле: способы организации записи

Перед тем как рассмотреть специфику поведения информанта в условиях записи, следует определить его коммуникативный статус. В полевых условиях фольклорист, в зависимости от собирательских стратегий и целей, зачастую сталкивается с информантом, который в той или иной степени выступает в роли носителя культуры – джегуако.

Как многоаспектное, полифункциональное явление институт джегуако в адыговедении изучен достаточно широко. Анализ истории данного явления позволил установить, что народные певцы (одна из двух десятков специальностей джегуако) в старину пользовались большим авторитетом. Они были желанными на любом общественном сходе. Их слово вдохновляло на большие дела и высмеивало пороки. Поэтому сильные и знатные побаивались их: «Обыкновенно в том месте, где проходил джегуако замечалось некоторое движение; один поправлял свою папаху; другой – кинжал, третий – газыри, словом, каждый обнаруживал боязнь, как бы джегуако не подметил какого недостатка в нем и не осмеял его в резкой остроте» (Урусбиев С., 1983, с. 61).

О высоком положении джегуако в адыгском обществе говорит его самооценка, о которой писал С. Урусбиев. В частности, на нее дважды ссылался А.Н. Веселовский, чтобы показать на сколько может быть высоким авторитет исполнителя народных песен (Веселовский А., 1940, с. 116, 491). Впоследствии все, кто писал об адыгах, в том числе современные фольклористы, изучавшие институт джегуако, приводят большое количество фактов, свидетельствующих о высоком статусе джегуако в обществе.

В воспоминаниях писателя Тембота Керашева, в частности, отмечается «Сила общественного мнения, создаваемого фольклорным произведением, была настолько велика, что адыг – настоящий мужчина – скорее предпочел бы умереть, чем слышать свое имя покрытым позором в песне или в рассказе. А хвалебный куплет с упоминанием его имени в *ллыбэ орэд* («Песнь о многих

мужах») по поводу какого-либо важного события являлся для него высшей наградой» (Кізрац Т., 2020, с.254).

З.М.Налоев, исследуя институт джегуако, пишет следующее: «Пользуясь огромной популярностью в народе, джегуако оказывали большое гуманистическое влияние на все общество: прославляли защиту родины от врагов, но никогда – междоусобицу и набеги; воспевали борьбу против угнетателей, но никогда – деспотизм и право сильного; защищали право женщины выбирать себе мужа, но никогда – продажу дочерей, сестер за калым; высмеивали ханжество, но никогда – безнравственность; учили людей добру и справедливости, будили в народе мечту о свободе... Не стесненные социальными и политическими табу, они свободно несли и отстаивали перед аристократией и духовенством идеологию трудового крестьянства. На всенародных и семейных празднествах организовывали традиционную художественную программу и руководили ею.

Джегуако составляют одну историческую типологию с древнегреческими аэдами, французскими жонглерами, немецкими шпильманами, испанскими хугларами, скандинавскими скальдами, русскими скоморохами, украинскими кобзарями, грузинскими мошаире, дагестанскими ашугами, тюркскими акынами и жирчи и т.д. Каждый этнос имел своих джегуако, которых именовал собственными терминами, они являлись порождением их народной культуры и составляли ту благодатную почву, на которой возрастали нетрадиционная литература, музыка, театр и цирк» (Налоев З., 2011, с. 14).

Деятельность этих носителей фольклорной традиции широко изучена в отечественной фольклористике. Свидетельство тому – труды известных исследователей А.Н. Веселовского, В.М. Гацака, К.В.Чистова и др. Они же отмечают, что в современных условиях народные сказители, певцы все меньше стали функционировать в фольклорном пространстве. Некоторое объяснение причин, вызвавших данный процесс, мы находим у Ю.И. Марченко: «Резкое изменение привычного уклада деревенской жизни, вызванное коллективизацией сельского хозяйства и индустриализацией экономики, привело к массо-

вому оттоку населения в города. Новые административно-хозяйственные связи изменили сложившиеся миграционные процессы, важные для поддержания местных культур. Не способствовали воспитанию уважительного отношения к национальному наследию прошлого и политические установки «культурной революции». Пропаганда универсальной «масскультуры» в сельской среде при подчеркнуто негативном отношении к национально-художественным традициям со стороны местных идеологов различных уровней ставила под сомнение целесообразность самого существования фольклорных традиций. В результате, – отмечает Ю.И.Марченко, – в русской песенной культуре происходит схематизация мелодики, обеднение многоголосия, упрощение принципов варьирования».

То же самое можно сказать и об адыгском фольклоре и его носителях. Многие из десятка специальностей джегако исчезли, другие трансформировались. В результате нарушились естественные каналы связи, по которым из поколения в поколение осуществлялась передача фольклорной традиции. Этот процесс более интенсивно стал происходить с конца XX века и продолжается по сей день.

Из множества обстоятельств, влияющих на данный процесс, можно указать на два основных: с одной стороны современная глобализация и последовавшая за ней техническая революция, «вытесняют» фольклор из привычного пространства, с другой – мощное инокультурное окружение поглощает, растворяет всю национальную культуру, в том числе и фольклор. Тем не менее специальность сказителя, певца (в нашем случае – информанта) продолжает функционировать в адыгском культурном пространстве. В связи с данным обстоятельством изучение образа носителя фольклорной традиции, особенностей его поведения в фольклорном поле, взаимосвязь информанта и собирателя остаются актуальными для современной фольклористики. Для нашей диссертационной работы эти проблемы являются основополагающими. В разрешении данных вопросов мы опирались на труды отечественных, в том числе адыгских фольклористов. В частности, в работах Паштовой М.М. широко и

обстоятельно исследована проблема контакта «информант – собиратель» (Паштова М., 2015, с.199), социальные и психологические аспекты общения в процессе записи, проблемы научной этики в условиях все более распространяющейся видеофиксации фольклора; социальный статус собирателя в конкретной локальной среде («свой» или «чужой»), вопросы научной этики: «Сбор фольклорных видеоматериалов (накопление в экспедициях, отбор публикаций в социальных сетях, коллекционирование телевизионных записей, семейных видеоархивов), их изучение и систематизация сопряжены с активным включением собирателя в медиаполе исследуемого сообщества, пониманием законов его существования, умелым позиционированием себя в этом виртуальном пространстве» (Паштова М., 2020, с. 77).

Как известно, собирательская деятельность имеет обычно определенную целевую установку. Фольклористы различают три типа заранее намеченных целей. Первая цель состоит в выявлении и фиксации фольклорного материала всех жанров, вторая – в собирании фольклора на определенную тему, и третья – в разыскании и записи произведений народного творчества какого-либо одного жанра. Не менее важной задачей является фиксация деталей контекста.

В отечественной фольклористике сложились определенные правила и принципы фиксации фольклора. В качестве основополагающих для нашего исследования нами обозначено несколько принципов. Большую часть из них мы соблюдали на этапе организации полевых условий. Можно назвать основные из их числа:

- предварительное изучение местных особенностей предполагаемого к обследованию фольклорного поля: история населенного пункта; информация о наиболее талантливых исполнителях, их список; биографические данные, их репертуарные предпочтения, вероятные контакты с другими исследователями в прошлом;
- бережное (почти трепетное) отношение собирателя к каждому фиксируемому произведению фольклора;

- принцип аутентичности записи (для этих целей желательно использовать звукозаписывающую аппаратуру);
- принцип детальной фиксации контекста. Молдавский фольклорист Виктор Панько отмечает одну важную общefольклорную закономерность: ясное представление о том, в каких случаях, в каких условиях, когда и кем обычно исполняется то или иное произведение, не только позволит дополнить сведения о нем, но и может привести к новым знаниям и даже открытиям (Панько В., 2013);
- выявление фольклорных связей в условиях полиэтничной среды.

Максимально полное документирование и систематизация записанных произведений – один из основных принципов. Обязательным условием является паспортизация каждой единицы записи. К паспортным данным относятся: информация об исполнителе (ФИО, год рождения, национальность, образование, профессия, место работы), дата и место записи; сведения о собирателе; ключевые слова (в качестве ключевых слов могут быть использованы объекты фольклорного текста и названия самих текстов); информация о том, где, от кого, когда усвоены те или иные фольклорные тексты; характер функционирования записанных текстов на данной территории.

Обязательным условием, по единодушному мнению, всех опытных собирателей, также является установление доброжелательных отношений между исполнителем и собирателем. Почти все собиратели полевого материала отмечают, что нельзя перебивать исполнителя во время записи; навязывать ему свое мнение об исполняемом произведении; отвергать версию исполнителя; неблагоприятно комментировать содержание, форму, стиль исполнения и т.д. В иных ситуациях отказ собирателя записывать предлагаемые произведения, не совсем относящиеся к кругу его интересов, может разрушить сложившуюся доверительную атмосферу записи. Все вышеназванные принципы организации фольклорного поля апробированы в нашей собирательской практике.

Подробнее остановимся на способах накопления полевых материалов. Существует два общепринятых способа фиксации фольклора. Первый из них – стационарный и второй – экспедиционный. При стационарном методе, известном у этнографов как метод естественного внедрения в среду или метод включенного наблюдения, фольклор собирается длительное время, при этом отмечаются все изменения, которые претерпевают вербальный текст или напев. Экспедиционный способ более применим к тематическим или жанровым типам работы. Широко используется этот метод и при обследовании общего состояния локальной фольклорной традиции. Фольклорные экспедиции могут быть комплексными. В соответствии с целями в них наряду с фольклористами участвуют этнографы, лингвисты, музыковеды.

Условно можно выделить следующие типы экспедиций:

- разведывательная экспедиция (фронтальное обследование обозначенного поля) на ранее не обследованных территориях;
- «по следам» предшествующих экспедиций, с целью проведения сравнительного анализа;
- повторная экспедиция по тем же местам, в том же составе;
- фиксация современного состояния фольклора на определенной территории;
- поисковые экспедиции, организуемые с целью разыскания и записи определенных фольклорных материалов.

Общей остается основная цель собирательской работы – накопление фольклорных материалов вместе с контекстом, систематизация записанных произведений, обеспечение правильного и надежного хранения в научных архивах, а также публикация и дальнейшее изучение.

Все типы стационарного и экспедиционного способа фиксации фольклорных материалов имеют место в адыгских полевых исследованиях.

Организация полевой работы состоит, как известно, из трех этапов: подготовительная (от изучения истории предполагаемой территории обследования до составления программы экспедиции, вопросников и налаживания соот-

ветствующей техники); собирательская (фиксация текстов и контекста с максимальным использованием современных технологий) и третий – обработка, систематизация собранного материала, оформление полевых записей (текстовые расшифровки, паспортизация каждой единицы, описание аудио-видео-фото-материалов).

Как видим, в общепринятых правилах и принципах фиксации фольклора основу составляет взаимосвязь двух ключевых фигур в полевом пространстве – собирателя и информанта. Данный вопрос время от времени становился предметом размышлений не только фольклористов, но и собирателей.

Можно сослаться на одного из ярких представителей русской интеллигенции, еще в 30-х гг. XX столетия участвовавшего в сборе адыгского фольклора, музыковеда и композитора Г.М. Концевича. Рассуждая о записях русских народных песен, он отмечал ошибочность вторжения собирателя в текст народной песни: «Собиратели часто делали исправления там, где записываемая песня не укладывалась в темперированном строе привычного мажора и минора» (Концевич Г., 1997, с.294).

То же самое можно сказать и о первых записях адыгской народной музыки. Во избежание подобных ошибок Г.М. Концевич выработал ряд принципов научной фиксации адыгских песен. Для того времени они были достаточно новыми. Так, он писал: «Обстоятельное изучение народных песен возможно только при обязательном условии точной записи мелодии текста» (там же). Г.М. Концевич настоятельно требовал сначала разработать программу сбора фольклора. Для этих целей он предложил свой план, состоящий из 17 пунктов (приведем лишь пункты, относящиеся к народной песне):

- дата: год, месяц и число записи музыкальных народных произведений;
- фамилия, имя, отчество певца, певицы, сочинителя-творца, музыканта, их возраст, грамотность, тембр исполнения; фотографические снимки типичных представителей, точный адрес;

- группировка песен по содержанию: исторические, военные, героические, бытовые, пастушеские, посидельные, уличные, обрядовые, колыбельные, свадебные, любовные, шуточные, детские (игры-забавы), частушки, похоронные, причитания, поминальные, веснянки, первомайские, хороводные, плясовые, трудовые (посевные, жатвенные и др.), фабричные, заводские, приветственные, революционные и т.п., некоторые из вышеперечисленных жанровых образований не соответствуют адыгскому фольклору, но принципиально важна классификационная схема, предложенная Г.М. Концевичем;

- содержание каждой песни и мелодию записывать полностью, а не ограничиваться только первым четверостишием (такая практика присутствовала в адыгском фольклористическом поле в середине XX в. по причине дефицита магнитной пленки; существуют десятки подобных обрывков вербальных текстов, которые впоследствии не удалось зафиксировать и восстановить в полных версиях);

- подлинный текст песни записывается во время самого исполнения мелодии, а не отдельно после пения, а под ним и русский текст (т.е. перевод); (на первых этапах этот принцип тоже не до конца соблюдался, часто вербальный текст записывался по памяти);

- заглавие каждой песни принадлежит исполнителю;

- способы исполнения, терминология, позировка, передвижения певца во время исполнения не должны выходить за пределы внимания (эти положения стали разрабатываться гораздо позже, лишь во второй половине XX века);

- песни зачастую носят сбивчивый ритм вследствие неравномерности своеобразия, свойственной той или иной народности. Динамические оттенки и акценты певца до некоторой степени могут служить базой при записывании этих оригинальных мелодий; при этом следует избегать привычного тактового деления и отмечать каждую музыкальную фразу соответствующим размером (Концевич Г., 1997, с. 295).

На основе данных положений Г.М Концевич выработал принципы фиксации народных песен и применил их к адыгскому материалу, а также подробно описал свои наблюдения и впечатления от музыкально-этнографической экспедиции 1931 г. по аулам Адыгеи. В частности, он отметил следующее (в связи с исключительным значением записок мы приводим пространный фрагмент без купюр): «Всего участвовало певцов, певиц и музыкантов 101 чел. Записано всех песен – 164, из которых 4 песни не закончены. Слушателей за время нашей работы, в моменты записывания и фотографирования было в среднем до 70 человек в каждом ауле, а всего, следовательно, до 900 человек (это замечание наглядно показывает, как данная экспедиция пыталась сеанс записи максимально приблизить к естественным условиям бытования народной песни).

Собирать народные песни, т. е. прослушать мелодию и текст, записать, привести в порядок, редактировать их (здесь также допускается редактирование, т.к. это свойственно сложившейся в то время практике), не искажая напева, сохраняя характерные национальные особенности его – труд довольно сложный, требующий большого навыка, терпения, любви и знаний: нужно бережно разобраться в каждой песне, отыскать ее основную мелодию и выделить наиболее интересные варианты.

Изредка забытые, или искаженные, или перепутанные слова песни, заставляют других певцов протестовать или возражать на неточную передачу; возбужденная дискуссия певцов и слушателей переходит иногда в спор, в конечном результате которого все же «выпрямляют» песню и приходят к единому соглашению (здесь очень точно и тонко подмечены как исполнялась песня, выносилась на суд слушателей. Воссоздавалось некое подобие хачецевого пространства, где конструировались исполнительские традиции).

Техническая сторона работы по записыванию песен производилась так: сначала предлагается вспомнить песни, известные уже собравшимся певцам или же делается перечень ранее намеченных песен к записи. После некоторого обсуждения певцы останавливались на какой-либо песне и исполняли ее с

начала до конца. Если певца сопровождал и хор, то в первую очередь записывался мотив этого хора в процессе самого исполнения (отсутствие возможности одновременной записи запевалы и хора, диктовало свои правила фиксации, на сегодня кажущиеся ошибочными), после которого производилась тщательная проверка при помощи голоса в сопровождении шичепщина (национальный адыгейский инструмент из семейства смычковых), а иногда и вместе с певцами, и устанавливалась точная запись, подтверждаемая различными возгласами певцов и слушателей, как например: «правильно записал», «хорош», «так», «верно», «очень даже хорошо», «очень даже верно», «молодец» и т. п. В противном случае певец, указывая на неправильно записанную ноту - другую, упорно добивался точности записи пропетого мотива.

Затем, т. Цеем Ибрагимом Салеховичем записывались слова песни, ограничиваясь на первый раз началом ее (первый куплет), вкладывающимся в законченный мотив, который певец исполнял до тех пор, пока этот мотив не был отмечен соответствующим нотным знаком, с установкой динамических знаков, темпа и размера. Певец или повествователь вместе с хором исполнял свою песню несколько раз, пока окончательно не устанавливалось своевременное вступление хора.

Песни, сопровождаемые камылем (национальный духовой инструмент), отмечались параллельной нотной записью. Если принимали участие трещотки, то их ритмические удары записывались также отдельной строчкой. После вторичной проверки и подтверждения ее правильной записи, записывались и все остальные слова песни.

На каждый аул тратилось от 2 до 6 дней. Собранные нами песни по аулам далеко не исчерпали весь песенный материал, причины – краткий срок (2 месяца), отсутствие некоторых певцов (полевые работы, выезд из аула, болезнь, смерть и др.) *(Здесь также, со свойственной Г.М. Концевичу скрупулезностью описывается ситуация фиксации песни, акцентируя внимание на недочеты, по его мнению, имеющие место).*

Песни исполнялись мужчинами и женщинами в возрасте от 18 до 100 лет, девицами, юношами, женщинами и мужчинами среднего возраста, стариками и старухами.

Старинные песни по своему содержанию преимущественно: военно-исторического характера, семейно-бытовые, сельскохозяйственные, любовные, свадебные, танцевальные, колыбельные, а из новейших – колхозные.

Песни повествовательного характера иногда исполняются речитативно, как сказания и обязательно в сопровождении хора (преимущественно мужского), дословный текст большинства песен не переведен еще на русский язык; меня знакомили с общим кратким содержанием их. В связи с этим я не пытаюсь здесь анализировать их и группировать по содержанию.

Для большей ясности и полноты картины выслушивания и записывания песен по аулам я позволю поделиться своими наблюдениями и теми впечатлениями, которые сопровождали меня ежедневно». *(Далее Г.М.Концевич описывает один из сеансов записи, по которой можно судить о самоорганизации певцов перед столь серьезным, порой неизвестным явлением, как запись на фонограф. Они понимали, что это отличается от пения в хачецевых, привычных условиях и пытались «встроиться» в предлагаемые условия).*

«... Появляются шичепшин, камыль, трещотка и гармоника. Комната уже переполнена; молодежь у дверей, наружные окна усеяны юными головками. Полное внимание. Дисциплина образцовая. Затаив дыхание, все зорко всматриваются в малейшие детали техники записи. Некоторые из слушателей не выдерживают молчания, увлекаясь песней, присоединяются к общему хору. Работа пошла полным ходом. Певец и хор, воодушевленные вниманием многочисленной публики, поощряемые трещотками и рукоплесканиями в такт песни, продолжают усиливать голоса, ускорять темп. Песня захватывает всех и тогда не остановить уже певцов при окончании ее. За песней полилась живой струей вторая, третья...» (Концевич Г., 1997, с. 280 – 281).

Особо значимо для нашей работы то, как Г.М. Концевич описал живые картинки и ситуации записи песен: «Любовь к родной песне и музыке вообще

настолько сильна, что старики готовы просиживать ночи, перебирая в своей памяти дорогие для них песни и с юношеским азартом петь их без конца <...>. Судя по содержанию песен, авторы (исполнитель – Н.К.) под впечатлением выдающихся событий художественно-поэтически рисовали свои рассказы и песни» (Концевич Г., 1997, с. 294).

Ибрагим Цей так комментировал работу собирателя во время фольклорной экспедиции 1931 года, организованной вместе с Г.М. Концевичем: «Отправляясь в экспедицию, лично я не представлял себе всех трудностей, связанных с записыванием мелодий вообще, а наших – адыгских, в частности. Мне казалось, что достаточно певцу и хору пропеть одну и ту же мелодию несколько раз, как ее сейчас же можно и записать.

На практике же дело оказалось гораздо труднее и сложнее. Действительно, нужно иметь большой опыт, неограниченную любовь, большое терпение и усидчивость в процессе записи, приведения в порядок и немедленной переписи начисто уже записанного. Григорий Митрофанович Концевич оказался обладателем всех этих качеств. По шестнадцать часов он просиживал над записями мелодий; старался записать их точно, как звучат в передаче от певца, гармоники или «шичепшин» (Цей И., архив АРИГИ, П.27(3)).

Как видим, первые собиратели адыгского музыкального фольклора достаточно подробно описали фольклорное поле, акцентируя внимание на взаимоотношениях собирателя и исполнителя. Мы попытались в комментариях (они курсивом даны в скобках) сравнить с другими описаниями и отметить изменения, произошедшие в адыгском фольклорном поле. Для наглядности сошлемся еще на одни комментарии работы собирателя в фольклорном поле.

В материалах пяти фольклорно-этнографических экспедиций, организованных и проведенных преподавателями Адыгейского госуниверситета в Турции (1997–2005) обнаружен широкий спектр методов и форм фиксации адыгского фольклора, в том числе сплошной опрос, глубинное интервью, метод включенного наблюдения. Так, Р.Б. Унарокова, описывая пространство полевой записи импровизированных словесных игр, вычленила такие жанровые

формы как смеховые прения, миниистории, формулы-сигналы, объединенные под названием *речевые жанры*. Десятки единиц подобных фольклорных текстов опубликованы в книге «Фольклор адыгов Турции» (Унарокова Р., 2004).

Исследуя смеховую поэзию Даута Бырса («Жалоба рыбы», «Жалоба козы», «Жалоба гостя» и другие) известного джегуако – сочинителя из числа диаспоры Турции, Р.Б.Унарокова описала, в частности, характер исполнения собственных сочинений народного поэта и особенности организации сеанса их записи во время экспедиции (Унарокова Р., 2002, с. 126–142).

По свидетельству Р.Б. Унароковой смеховые истории Даута Бырса всегда были востребованы и являлись своеобразными моноспектаклями. При каждом исполнении он умел сохранять заданный джегуаковский (артистический) стиль. Однако, совершив хадж в Мекку, он подчинился общественному мнению, осуждающему «не дозволенные» Богом смеховые импровизации и отстранился от роли смехотворца. Но в такой исключительной ситуации, как, к примеру, встреча с гостями из далекой Родины, он мог нарушить свой «обет» и снова войти в роль джегуако. Чтобы ему легче было это сделать, группа собирателей специально «организовала» сеанс записи. Были приглашены односельчане, которые хорошо знали как самого исполнителя, так и его репертуар. Первоначально были записаны в исполнении Даута Бырса предания, героические песни и песни-сетования о горестной судьбе адыгов, изгнанных в XIX в. на чужбину после Кавказской войны. Затем присутствующие стали сами рассказывать «истории» Даута шутливыми репликами «цепляя» его внимание. Доброжелательное отношение к нему и заинтересованные распросы сломали его внутреннее сопротивление.

Особенность «историй» Даута Бырса в том, как отмечает Р.Б. Унарокова, что он при каждом их исполнении не просто повторяет тексты своих стихов, но и предваряет их рассказами о том, как он сочинил их. При этом вpleтает в стихи комментарии к своим образам, формулам. В итоге он каждый раз играет своеобразный моноспектакль. Можно сослаться на один из случаев подобного «моноспектакля», описанного Р.Б. Унароковой: «... наш собеседник

включился в предложенную нами игру (организованный сеанс записи –У.Р.) и начал рассказывать:

– Ничего я в жизни не умел делать, только языком болтать, да смешить людей. А смех, как известно, не кормит. Нужда заставила, и я, одолжив хорошую косу (своей не оказалось), отправился на сенокос.

Покрутил, повертел косой, да устал. Коли руки не привычны к труду, устать не долго. Присел отдохнуть. Воткнул косу возле себя, лезвием вверх. Расположился пообедать, благо жена прислала отменную еду, с густым кислым молоком в придачу. Бедняжка, видно, решила, что я тружусь в поте лица. Вдруг слышу откуда-то сверху, чей-то голос (Далее комментарии Р.Б. Унароковой – *Даут начинает входить в роль: округляет глаза, нарочито вертит головой в поисках источника голоса, пожимает плечами и в недоумении продолжает*):

– Оказывается – это моя коса стоит надо мной, да качает головой. Заметила-таки, пропади она пропадом, что не умею ею орудовать!

– Знать бы, что не прогневаешься, сказала бы несколько слов, – говорит коса.

– Скажи, – говорю, сделай милость. – А у самого внутри все похолодело. Ей-ей. И вот коса моя начала мне выговаривать. Да так складно!

Как только ты взял меня в руки, гром прогремел,

Кому предназначено это сено – не завидую...

(Прости, Аллах, что я теперь смеюсь).

Как закружишь меня, да так сильно нажимаешь –

Пыль столбом поднимаешь.

Стоит тебе положить меня в наковальню,

Клянусь Всевышним, волосы дыбом поднимаются.

(Не умея отбивать, зубья косы искривил) ...

Как видим, в «Жалобе косы» Даут играет две роли: автора и косаря. Автор усложняет диалог косы и косаря комментариями (см. тексты в скобках). Лишь завершая «Историю» словами в адрес косы: АЛЫХЪЫМ

ук1уэц1ыримыгъэхук1э! (Чтоб сквозь землю не провалиться бы тебе!). Даут разрушает игровую оболочку: сначала сбрасывает с себя маску «пристыженного косаря», затем отстраняется от текста «Жалобы», превращаясь из автора в исполнителя, который не несет ответственности за «грехи» автора. Так Даут пытался «примирить» свой статус хаджи с ролью исполнителя (Унарокова Р., 2002, с. 134).

В статье Р.Б. Унароковой с детальным описанием исполнительской манеры Даута Бырса показано, насколько поведение информанта зависит от качества организации сеанса записи. Особой продуманности требует соотношение места, времени фиксации, состава слушателей (случайные/посвященные или их отсутствие). Знание принципов фиксации фольклорных материалов, в соответствии с ситуацией, умение играть пассивную или активную роль, помогают собирателю правильно выстраивать сеанс записи. Взаимодействие вышеназванных составляющих позволяет зафиксировать полноценный аутентичный фольклорный текст.

Сравнительный анализ аналогичных описаний (с гораздо меньшими деталями) сеансов записи, произведенных в разные периоды другими фольклористами на исторической территории проживания адыгов (в частности, записи З. Налоева, З. Кардангушева, Ш. Хута, А. Куека и др.) позволил сделать вывод о том, что в современных условиях отсутствие живых форм бытования фольклора, одним из способов (почти единственным) объективации традиционного исполнительства является глубоко продуманный специально организованный сеанс записи, максимально приближенный к хачецевому (традиционному).

Таким образом, в условиях современности наиболее важным представляется исследование исполнительского пространства, структурированного вокруг двух субъектов коммуникации – информанта и собирателя. Мы исследовали данный феномен, акцентируя внимание на специфике взаимосвязи двух участников фольклорного поля и особенностях организации сеанса записи.

В нашей собирательской практике представлены два типа информанта: с одной стороны это представители старшего поколения – носители «классиче-

ской» фольклорной традиции, с другой – более молодые исполнители, владеющие приобретенными в результате работы с записями навыками «аутентичного стиля исполнения» (Паштова М., 2008). В роли собирателя выступают также два типа: один – собиратель-исследователь, фиксирующий фольклор по специальной методике, в которой совмещены теоретические основы полевой фольклористики и интуиция; другой – собиратель-любитель, накапливающий материалы «для себя», руководствуясь собственными поисковыми стратегиями. Достаточно часто исполнители являются и собирателями.

Образ традиционного исполнителя-информанта актуализируется целым спектром проявлений: «погруженность» в фольклорную культуру, навыки «пения на миру», богатый репертуар, игра на одном (или нескольких) народных инструментах, способность импровизировать, включаться в ансамблевое исполнение, варьируя роли от солиста до разных типов подголоска.

В адыгском фольклорном поле традиционно фиксировались два типа пения: ансамблевое и одиночное. Ансамбль состоял из солиста – запевалы, инструменталиста, ведущего подголоска (*жъыу пац*) нескольких исполнителей, завершающих партию припева (*жъыу кIацэхэр*). Скрытую роль дирижера обычно выполнял солист или ведущий подпевала.

Еще в 80-х годах прошлого века известный сказитель Туркубий Джаримок на примере песни-плача о Хатхе Магамете показал, как традиционно исполнялась песня. Вот как об этом рассказывается в статье Р.Б. Унароковой: *Туркубий шыкIэпыцнэр къыштагъ. МэкIэ макIэу къырегъало (Хъатх Мыхъамэт гъуазэм иорэд) ... нэмыкI горэм орэдыр кIищыным цэгугъы фэд.*

- *Къежъыу, - еIо, - шыкIэпыцнэм жъыу ищыкIагъ. Жъыу пацэм къырищажъэмэ, жъыу кIацэмэ жъгъыжъгъыжъ Iоу кIацэу... ау тэдэ къэкIын? ЖъыуакIуи орэдылуи дэсыжъэп мы чылэм*» [Туркубий взял шичепшин потихоньку заиграл («Песня о Хатхе Магамете») ... словно ждал, что кто-то включится (подхватит мелодию)].

– Сделай *жъыу* (подголосок) – сказал, – шичепшину требуется подголосок. Ведущий подголосок начинал (мелодию), вторые – звеня тянули... но от-

куда теперь их взять? Ни исполнителей подголосков, ни певцов не осталось в этом ауле (Унэрэкьо, 1998, с. 217).

Впервые в воспоминаниях Т. Джаримока прозвучали термины *жъыу пац* (ведущий подголосок), *жъыу клацэхэр* (вторые подголоски, завершающие партию запевалы). Сказитель раскрыл целый механизм адыгского традиционного песнопения, подробно объясняя поведение каждого участника, акцентируя внимание на цепевидную антифонную и стреттную формы исполнения (Унарокова, Нагароков, 2018, с. 184).

При разрушении ансамблевого песнопения, традиционно функционировавшего в хачецах (гостевой дом, своеобразный мужской клуб), обрядовых игрищах, вечерних / ночных посиделках, одиночный исполнитель вынужден был взять на себя функции и солиста, и исполнителя подголоска, и аккомпанирующего инструменталиста. Одиночный исполнитель все чаще стал фигурировать в полевых записях со второй половины XX в., в том числе и в нашей практике. При этом песнопение фиксировалось не в естественных условиях бытования, а на специально организованных для сбора фольклора сеансах записи. По обыкновению, инициаторами таких сеансов являлись собиратели-исследователи. В таких случаях, как упоминалось выше, и как свидетельствуют наши экспедиционные записи, нескольких сказителей собирали во временный ансамбль, пытаясь воссоздать аутентичный стиль исполнения, некое подобие хачецевого песнопения.

В исследовании феномена «информант-собиратель» интерес также представляет специфика «погружения» в исполнительский контекст. По нашим наблюдениям, сеанс записи предваряет своеобразные прелюдии: с одной стороны собиратель настраивает исполнителя, организовывая непринужденное общение, постепенно выводящее на тему, с другой - информант внутренне концентрируется, настраивает голос «нашептывает» слова и мелодию, одновременно перебирая струны шычепщина. Затем начинает рассказывать историю песни, что соответствует правилам традиционного исполнения. За ним следует песня. Исполнение может прерываться самим информантом. При-

глашая собирателя к разговору, он комментирует отдельные эпизоды или образы героев песни, иногда вставляет оценочные реплики. Или может предложить спеть *жъуу* (подголосок) к исполняемой им песне, как это делал Туркубий Джаримок из аула Джиджихабль. Иные информанты, напротив, не разрешают «вторгаться» в процесс исполнения. Так, Рая Хачецукова из аула Хакуринохабль, отвергая мои вопросы, могла вплести в ткань своего повествования строгие реплики, типа: – *Умыгузажъу, ащи тыкъэсыцт!* (Не спеши, и до этого дойдем!). Закончив свой рассказ, она возвращалась к заданному мной вопросу и детально комментировала.

В других ситуациях собиратель намеренно включает в беседу слушателей, которые «мотивируют» исполнителя, как это делалось при записи смеховых импровизаций Даута Бырса. Пытаясь втянуть информанта в разговор, слушатели «закидывали» его вопросами перемежая их комментариями. При этом Даут Бырс нарочито отстранялся, делая вид безучастного наблюдателя за происходящим, выжидая особую зацепку. И это непременно происходило, как видно из описаний Р. Б. Унароковой.

Можно также вспомнить, что Темиркана Тлестока из аула Афипсип следовало «рассердить» недоброжелательными отзывами о его любимых героях. К примеру, ссылаясь на мнение авторитетного сказителя могли «принизить» мужество Хатхе Кочаса. Т. Тлесток мгновенно реагировал на «вызов» и начал рассказывать подлинную историю, предваряя свой рассказ словами: *А зызгъэлазэу ымышлэрэр зыlorэм сфешъуложь...* [Передайте тому, кто считает себя ученым и рассуждает о том, чего не знает...] (Унэрэкьо Р., 1998, с.197).

Таким образом, рассмотрев элементы, составляющие исполнительский контекст, такие как информант, собиратель, одиночное/ансамблевое исполнение песни, хачецевое пространство, сеанс записи, настрой и самонастрой исполнителя и т.д. – мы пришли к выводу, что они являются системообразующими структурными элементами. Два из них – информант и собиратель исследованы более детально как субъекты коммуникации. Результаты их взаи-

модействия одинаково зависят от степени включенности каждого из них в традицию.

Выводы. Начиная с самых ранних этапов развития адыгской полевой фольклористики как области знания перед собирателями вставали вопросы способов фиксации, систематизации, публикации фольклорных текстов. Планомерному решению данных проблем способствовало создание государственных архивов при научно-исследовательских институтах. С первой половины XX в. в организации полевой экспедиции условно можно выделить пять основных этапов:

- 20-е годы – деятельность представителей адыгской интеллигенции по организации экспедиций, по сбору фольклорных материалов и их публикации;
- 30-е годы – открытие научно-исследовательских институтов, продолжение осмысления адыгского фольклора на более высоком научно-академическом уровне;
- послевоенный период, когда в полевой практике начали применять технические средства записи – бобинные, кассетные магнитофоны;
- 1990-е гг., когда новые средства аудио- и видеофиксации стали массово доступны;
- 2000-е годы – когда началась оцифровка частных и государственных фольклорных архивов, поиски и распространение общеизвестных и оригинальных, аутентичных вариантов текстов и реконструкция форм традиционного песнопения.

С 70-80-х годов наблюдается новый этап в научном осмыслении результатов полевой деятельности и расширение публикационной активности.

В контексте истории этих явлений в диссертации рассмотрена взаимосвязь двух субъектов фольклорного поля – информанта и собирателя. Особенно продуктивным оказался сравнительный анализ полевых и публикационных практик 30-х и 90-х гг. XX столетия. Эффективность и результативность взаи-

модействия двух указанных субъектов коммуникации фольклорного поля одинаково зависят от степени погруженности каждого из них в традицию, от качества собирательских стратегий, идеологического фона, сопровождающего функционирование фольклорных форм – как в условия естественной контактной коммуникации, так и в условиях полевой записи.

Глава II. Технология архивирования материалов адыгской фольклорной культуры

2.1. Принципы создания фольклорных фондов в государственных и частных архивах

Создание государственных фольклорных фондов на территории СССР (в том числе в национальных республиках и автономных областях) датируется началом XX столетия. Планомерный сбор фольклорных и фольклорно-этнографических материалов в центральных и региональных научно-исследовательских институтах вызвало необходимость формирования архивов и фондов с параллельным созданием соответствующей системы учета и хранения. В государственных фольклорно-этнографических архивах сосредоточены многочисленные коллекции, как рукописные, так и звуковые. Последние представлены на разных носителях – восковых валиках и грампластинках разного типа, магнитофонных лентах, дисках; в последние два десятилетия стали формироваться кино/аудио/видеокомпьютерные архивы. Как результат накоплен огромный опыт по архивному хранению и систематизации фольклора.

К концу XX столетия отечественная фольклористика стала обращаться к проблемам систематизации архивов, разработке принципов хранения, созданию информационно-справочных и поисковых систем. Можно сослаться на ряд Всесоюзных конференций, в частности, на форум по проблемам сбора, систематизации и архивного хранения фольклорно-этнографических материалов, проведенный Пушкинским домом в 1979 году. К тому времени в некоторых научных центрах Московского государственного университета, Горьковского Национального исследовательского университета им. Н.Н. Лобачевского, Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, а также в Российском государственном архиве фоно- и фотодокументов шла интенсивная работа по систематизации фольклорных архивов. Однако возникающие при этом вопросы и проблемы долгое время не становились предметом специального изучения. Следует заметить, что в архиве фоно и фотодокументов недавно обнаружена единственная звукозапись антиколониальной песни-

сетования времен Кавказской войны, произведенная в 1913 году на железную матрицу от известного адыгского музыканта Магамета Хагауджа под номером 4 – 14517 (Соколова А., Унарокова Р., 2021).

История создания государственного фольклорно-этнографического архива на территории Адыгеи в первую очередь связана с созданием в 1924 году Общества изучения Адыгейской автономной области. Организаторами его были первые представители адыгской интеллигенции Сафербий Сиюхов, Ибрагим Наврузов, Даут Ашхамаф, Ибрагим Цей. За время своего существования Общество проделало большую работу по сбору, систематизации и хранению фольклорного, этнографического и археологического наследия адыгов.

Общество занималось изучением адыгейского языка, разработкой его грамматики, написанием и изданием истории адыгов. При активном участии данного общества в 1927 году было принято решение о создании научно-исследовательского института, затем в 1929 году он был открыт с функциями института краеведения. Первым директором института являлся И. Х. Барон, ученым секретарем – Д.А. Ашхамаф.

При Обществе была создана библиотека, которая вела работу по сбору письменных источников по истории адыгов. «Основное назначение библиотеки заключалось в оказании помощи сотрудникам института в выполнении плана научно-исследовательских работ, в формировании книжного фонда об Адыгее, в отборе и планомерном приобретении произведений печатных и других документов, соответствующих по содержанию задачам библиотеки. К сожалению, во время оккупации автономной области учреждению был нанесен огромный ущерб. Были уничтожены ценные книги и архив» (Богус Н., 2019, с. 121).

Начиная с 1929 года, в институте краеведения был сформирован государственный архив, состоящий из нескольких фондов. В нем и поныне наиболее значительным является рукописный фонд. Он состоит из бумажных полковых фольклорных записей и составляет 177 папок (более 10 тыс. единиц хранения). Здесь в основном сосредоточены материалы по адыгской мифологии,

трудовые песни, семейно-обрядовая поэзия и ее описание, в том числе описание обрядов и песен, сопровождающих рождение и воспитание ребенка; разножанровая народная проза (состоящая из сказок, преданий, легенд, сказов, хабаров; историй аулов, пр.), пословицы и поговорки, из внеобрядового фольклора исторические песни и предания и т.д. Здесь же хранятся все материалы, составившие базу таких изданий, как семитомник «Нарты» (1968-1971), составленный А.М. Гадагатлем, «Адыгэ тхыдэжъхэмрэ пшысэхэмрэ» («Адыгские сказания и сказки») (1940), «Адыгэ орэдыжъхэр» («Адыгские народные песни») (1946), составленные Т. М. Керашевым и т.д.

Исторический архив включает 54 папки (300 единиц хранения). В нем представлены рукописи: «Библиографический указатель дореволюционной Адыгеи и Черкесии», «История Адыгейского народа с древнейших времен до 60-х годов XIX века» Е. Зевакина, «Периодика Кубано-Черноморского края» (1863 - 1925) Б. Городецкого и др. В фонде имеются частные архивы и рукописи многих ученых и просветителей, переданные на хранение. Большую ценность представляют архивы Ибрагима Наврузова – первого директора Адыгейского областного краеведческого музея, Шабана Кубова, Зачерия Брантова, Нуха Меретукова, языковеда Учужука Зекоха, фольклориста Шамсудина Хута и др.

В музыкальном фонде сосредоточены образцы адыгского фольклора, записанные от известных певцов, сказителей, исполнителей на народных инструментах Адыгеи, Кабарды, Черкесии, а также из числа адыгов, живущих за рубежом. В фонде около 700 кассет (9 тыс. единиц хранения). Судя по результатам исследования, одним из эффективных источников пополнения архива АРИГИ оказались научные экспедиции. Довоенные экспедиции (до 40-х годов XX в.) проводились реже и малым составом. Участниками в основном были сотрудники Института. В 50 – 60 годах, напротив, экспедиции были комплексными и организовывались чаще, с периодичностью раз в 1-2 года. К ним привлекались студенты адыгейского отделения филологического факультета Адыгейского государственного педагогического института. Как показывает

журнал учета того периода, именно студентами-старшекурсниками было собрано внушительное число фольклорных текстов.

Каждая экспедиция готовилась тщательно: собиралась группа, назначался руководитель, составлялся маршрут, формировались вопросники, определялся список потенциальных информантов. В течение полувека бессменным руководителем и организатором фольклорных экспедиций являлся А.М. Гадагатель. Материалы экспедиций определялись в рукописный архив, т.к. за отсутствием соответствующей техники полевые материалы фиксировались вручную. Соответственно, на первом этапе составлялись описи рукописного архива. Мы проанализировали материалы некоторых экспедиций. Так, в 1973 году в Причерноморской Шапсугии работала экспедиция под руководством фольклориста Ш. Х. Хута. По ее результатам в музыкальный фонд представлено 20 компактных полторачасовых кассет (К.59-78). По следующей таблице можно проследить жанровый состав данных материалов.

Таблица № 1

Материалы фольклорной экспедиции в Причерноморской Шапсугии (1973)

№ п/п	Жанры	Собиратели	Количество ед. хранения
1.	Народные песни (героические, обрядовые, лирические)	Хут Ш. (руководитель), Куек Н., Сиюхов Р.(музыкант), Шиков Н..	36
2.	Инструментальные наигрыши на шичепшине и гармони		53
3.	Фольклорная проза (сказки, предания, хабары, сказы)		42
4.	Этнографические материалы		15
	Всего	4	158

Как видим, данная экспедиция зафиксировала вербальные и музыкально-инструментальные жанры фольклора (последних оказалось почти вдвое больше первых). Из вербальных жанров собраны почти в равных количествах песенные и прозаические жанры (в особенности сказки и предания). Как показывает наш собственный полевой опыт, в условиях современности сказочный эпос почти не фиксируется, тогда как на всем протяжении 20-80-х годов XX столетия (судя по архиву АРИГИ) достаточно широко бытовала народная проза, в том числе нартские предания и сказки различного типа. Возможно, здесь сказалось и то обстоятельство, что основными собирателями в этот период являлись А.М. Гадагатль и Ш.Х. Хут, чьи интересы были связаны с нартским эпосом, а также сказочной и несказочной прозой.

Мы проанализировали материалы еще одной экспедиции Причерноморской Шапсугии. Так, в отчете А.А. Схалыхо от 15.09.1979 года (П.125 (12)) сообщаются итоги комплексной фольклорно-музыкальной, лингво-этнографической экспедиции, проходившей в Причерноморской Шапсугии, в частности, в аулах Шхафит, Хаджико, Калез, Тхагапш. Судя по материалам, большую часть поступлений в архив составляют лингвистические и этнографические материалы. Представлены репортажные и портретные фотографии (43 ед.), чертежи и рисунки предметов быта, элементов народной архитектуры, отраслевая лексика (360 терминов) по земледелию и садоводству. Информация о террасном и оросительном земледелии проливает свет на ряд неизученных этнографических проблем. В течение десяти дней собрано материалов на 200 страницах рукописи и шести полторочасовых кассетах. Особо значимыми являются звуковые записи вариантов известных народных песен и преданий. Кроме отчета в архив были сданы рукописные материалы (П.125, д.1-14) и звуковые (К. 91-96) с 85 единицами хранения. Среди них оказались редкие записи воспоминаний о трагических репрессивных событиях 30-х годов XX столетия – высылке в Сибирь части шапсугских семей, обвиненных в так называемом «ореховом саботаже». Информантом оказалась Хейшхо Айшет, одна из

сосланных женщин, мать которой сочинила песню-сетование о данных событиях.

Имеются также записи инструментальной музыки – 26 танцевальных мелодий в исполнении известного гармониста Махмуда Шагуджа. Отличительная особенность данной экспедиции в том, что на одной локальной территории работали разные специалисты – языковед, фольклорист, музыкант, археолог и художник. Был использован редкий опыт нотации песен в полевых условиях. Так, Г.К. Чич записал 11 адыгских народных песен (6 героические песни в исполнении К. Коблевой, 4 – из свадебной поэзии и одна обрядовая – песня вызова дождя) и произвел их нотацию. Следует заметить, что в архиве АРИГИ имеется ряд других коллекций нотных записей, сделанных в разное время, самым объемным и уникальным из которых является собрание нот к 196 песням и наигрышам, записанным Г. Концевичем еще в 30-х годах XX столетия.

Из экспедиций 90-х годов выделяется организованная в марте 1995 года учеными Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований вместе с сотрудниками Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института фольклорно-этнографическая экспедиция по черкесским аулам, расположенным на территории Карачаево-Черкесской республики. Экспедиция проходила в Хабезском районе. Были обследованы аулы Жако, Али-Бердуковский, Хабез, Зеюко, Кош-Хабль, Малый Зеленчук, Новохумаринский, Псауче-Дахе, Бесленей, Инжичишхо. В ходе этой экспедиции было собрано более трехсот единиц фольклорных текстов. Они позволили выявить локальные и универсальные особенности фольклорной культуры, бытующей на обследованной территории.

Следует отметить, что были записаны произведения почти всех жанров адыгского фольклора. Большую часть из них составляют лирические, историко-героические песни и мемораты. Часть из них самые древние – трудовые песни. К этой группе относятся такие песни, как «Мэкъуауэ уэрэд» («Песня косарей»), «Вак1уэ уэрэд» («Песня пахарей»); из обрядовой поэзии интерес

представляют песни свадебных циклов с характерными мотивами величания невесты и других участников обряда. Среди записанных материалов бытовая лирика, детский (материнский) фольклор, ориентированный на дидактическую функциональность.

Как свидетельствует хабезская коллекция фольклорных текстов, народные песни, представленные в ней, привязаны к местной истории: «Истамбылак1уэ орэд» («Песня стамбульского исхода»); «Бурс кьегъэхьым я уэрэд» («Песня о лесосплавщиках»); «Алий Бердыкьуэ и уэрэд» («Песня об Али Бердукове»); «1930-м яук1а ефэндым и уэрэд» («Песня об эфенди, убитом в 1930 году»); «Лэбэдэсхэм я уэрэд» («Песня лабинцев»); «Нэгъуей Мэджид и гьыбзэ» («Плач Мажида Нагоева»); «Бандэм я гьыбзэ» («Плач о банде»); «Ди жагъуэ» («Скорбно нам»); «Умар и уэрэд» («Песня об Умаре»). Большинство из записанных песен имеют локальное происхождение и бытование.

Множество песен, записанных в ходе экспедиции, относятся к жанру сетований и плачей: «Къэсей и уэрэд» («Песня о Касее»); «Бэтэнагъуэ и уэрэд» («Песня о Батанаго»); «Марянэ и гьыбзэ» («Плач Маряны»); «Гуащэм и гьыбзэ» («Плач княжны»); Юрэ и уэрэд» («Песня о Юре»); «Къэрэшей шу т1ош1» («Двадцать карачаевских всадников»); «Ипщэк1э урыс унэшхуэр» («В верховье русский дом большой»); «Урысым иратам и гьыбзэ» («Плач, выданной за русского»); «Сыбыр ирашахэм я гьыбзэ» («Плач, высланных в Сибирь»); «Лабэжь и уэрэд» («Песня о старой Лабе»); «Къэрдэн Хужьэ и уэрэд» («Песня о Хуже Кардановой»); «Ефэндхэм я гьыбзэ» («Плач о репрессированных эфенди»); «Алий и уэрэд» («Песня об Алие»). Как свидетельствуют сами названия песен, своим происхождением и ареалом бытования они тоже привязаны к истории локальной территории, где проходила экспедиция.

В зафиксированных фольклорных текстах есть образцы ряда прозаических жанров: сказки, предания, мемораты, фабулаты. Среди них встречаются истории из личной жизни информанта, где сам был участником событий: «Ефэндит1ым я хьыбар» («Хабар о двух эфенди»); «Куэш-Хьэблэ кьуажэр кьызэрыт1ысам и хьыбар» («История обоснования аула Кош-Хабль»); «Зе-

икъуэ и хъыбар» («История о Зеюко»); «Выкхъэ джэгуак1уэм и хъыбар» («История о джегуако Выкове»); «Къалмыкъ Аслъэнбэч 1926 илъэсым зэраук1ам и хъыбар» («История гибели Асланбека Калмыкова в 1926 году») и другие. Судя по материалам экспедиции, выделяются имена нескольких наиболее одаренных сказителей. Среди них Даурова Баблина Бекировна, жительница аула Хабез. От нее записано 17 фольклорных единиц, также история ее семьи. Авторство большинства песен, исполненных Баблиной, возводится к ее родителям. Одной из таких песен является – «Плач сосланных в Сибирь».

Следует сказать, что определенным источником пополнения фольклорных архивов являлись также слеты, совещания, съезды сказителей. Они проводились в АРИГИ им. Т. Керашева с периодичностью 1 раз в 10 лет, но в архиве отсутствует информация о подобных совещаниях. О них лишь упоминаются в отдельных статьях. Так, в семитомном издании нартского эпоса (составитель А. Гадагатль) есть упоминание о совещаниях сказителей, фотографии, где изображены участники слетов-совещаний 1938 года (Т. II, с. 277); 1960 года – в сборнике адыгских народных песен (2019, с. 270). Первое подобное совещание состоялось в Кабардино-Балкарии в 1932 году. Через год снова были созваны сказители и певцы народных песен. Такой же съезд, как упоминалось выше, состоялся и в Майкопе в 1938 году. На съездах и совещаниях сказителей устраивались состязания между знатоками фольклора, выявлялись наиболее талантливые сочинители и исполнители. Такая форма работы с информантами впоследствии стала традиционной для адыгских научно-исследовательских институтов. Как и экспедиционная, она долгое время служила одной из основных форм сбора фольклорных материалов. Об этом пишет доктор филологических наук Р. Г. Мамий: «Большое значение в деле пропаганды фольклора и творчества адыгейских певцов и сказителей имели проводимые Адыгейским научно-исследовательским институтом встречи мастеров исполнения произведений народной словесности, получившие название «Совещание певцов и сказителей Адыгеи». С конца 50-х годов прошлого века их было проведено несколько. В Майкоп приглашались наиболее талантливые

певцы и сказители со всей Адыгеи. В течение 10 дней с ними работали активные собиратели фольклора, в том числе и Ш. Хут (впоследствии фольклорист, доктор филологических наук – К.Н.). К этим совещаниям со всей серьезностью относились также сами носители фольклорных произведений. На этих встречах негласно присутствовал дух состязательности. Каждый из приглашенных знатоков и мастеров исполнения стремился интереснее, доходчивее других, даже с элементами игры, преподнести избранное для рассказа устное произведение» (Мамий Р., 2006, с. 9). В условиях исчезновения хачедей, где традиционно функционировал адыгский фольклор, данные формы являлись своеобразным современным аналогом привычного исполнительского пространства.

В данном контексте особый интерес представляют фольклорные материалы, записанные во время радиотрибуны-конкурса адыгейских аулов (1980). Каждый аул готовил часовую программу, выходили в эфир еженедельно, фестиваль шел полгода. Лучшие записи ныне хранятся в фонотеке телерадиокомпании «Адыгея», в том числе четыре итоговые часовые программы (фондовые передачи Адыгейского радио, №№ 398-401).

Рассмотрение материалов радиотрибуны позволило нам сделать ряд наблюдений. Так, данный фестиваль оживил интерес адыгов к своему прошлому и настоящему, фольклору, песенной культуре. В ходе подготовки радиопрограмм выявились уникальные фольклорные материалы и имена неизвестных к тому времени исполнителей. Более ста песен из них вошли в очередной XII том – «Лирические песни» научного издания по Проекту АРИГИ свода адыгского фольклора (Составитель Р.Б. Унарокова).

Из 600 человек, принявших участие в конкурсе, 90 оказались сказителями и музыкальными инструменталистами старшего поколения (от 60 лет). В архиве Адыгейской Гостелерадиокомпании до сих пор хранятся десятки песен и мелодий, записанных в ходе этого проекта. О самых талантливых исполнителях, выявленных вовремя радиотрибуны, опубликованы очерки в книге «Адыгэ орэдыжхэмрэ льэпкыш1эныгъэмрэ» («Адыгская песенная культура»)

(Унарокова Р., 1998, с. 194–278). Впоследствии в фольклорный архив АРИГИ были сданы сотни аутентичных песен, записанных во время данного радиофестиваля (№№130-161, 167–191). Часть из этих материалов также хранится в архиве ЦА АГУ (№№186, 187, 196, 199, 200).

Как видим, до 80 – 90 годов XX столетия в экспедициях записывались произведения древних жанров (нартский эпос) и лирические, в которых особое место занимает современный фольклор (понятием *современный* принято обозначать фольклорные произведения, функционирующие на всей территории проживания адыгов, возникновение которых ориентировочно можно отнести к началу XX в. и до наших дней). Следует отметить, что экспедиции организовывались сотрудниками институтов, соответственно основу собранного материала составляли записи участников, однако, достаточно внушительный массив архивных материалов собирался вне официально заявленных экспедиций, во время индивидуальных выездов сотрудников в места компактного проживания адыгов, как на территории России, так и за рубежом. Так, в архиве АРИГИ накопилось большое количество материалов от А. Гадагатля, С. Аутлевой, Ш. Хута, литераторов и языковедов А. Схалыхо, Ю. Тхаркахо, У. Зекоха, А.Шаова и др. В последние два десятилетия особенно часто в архиве встречаются материалы, собранные сотрудниками отдела фольклора Н.Чуяковой, А. Куека, С. Нехай, М. Паштовой.

Достаточно тесными были научно-поисковые контакты Кабардино-Балкарского научно-исследовательского государственного института (КБИГИ) и Адыгейского республиканского государственного научно-исследовательского института им.Т. Керашева (АРИГИ). Наиболее ранняя экспедиция совместного характера проходила в 1949 году под руководством А. Шортанова. Затем они систематически повторялись. Постоянными участниками их были А. Гадагатль, З. Кардангушев, А. Шортанов, З. Налоев, о чем свидетельствуют многочисленные рукописные и звуковые записи в обоих архивах. Позже была организована экспедиция, которая явилась первым опытом совместной полевой работы с учеными Карачаево-Черкесской республики.

Источником накопления фольклорных материалов в архиве АРИГИ также является обменный фонд, созданный в середине 60-х годов по инициативе А. Гадагатля и З. Кардангушева (КБИГИ). В результате обмена архивными материалами в фондах АРИГИ и КБИГИ оказались копии многих записей.

Во второй половине XX столетия в архив АРИГИ также поступали материалы от стационарных собирателей.

Следует отметить, что с начала формирования фольклорно-этнографического архива в АНИИ (затем АРИГИ) была организована постоянно действующая школа стационарных собирателей. С течением времени состав ее менялся. От одних фиксировались разовые поступления, другие десятилетиями являлись внештатными сотрудниками института. Как показывает анализ содержания рукописного архива, выделилось несколько стационарных собирателей, каждый из которых имел свои жанровые предпочтения.

Таблица № 2

Поступления в рукописный архив АРИГИ от стационарных собирателей
(1960 -1990)

№ п/п	ФИО собирателей	Год записи	№ папок	Количество ед. хранения
1.	Исхак Беретарь Теучежский район, а. Ассоколай	1964, 1978- 1993	П.115-119, П.130-136,140- 151,160-163, 166- 173	412
2.	Ахмет Ашинов Теучежский район	1960-1961	П.68	76
3.	Касим Зезарахов Шовгеновский район	1975	П.128	120
4.	Беназик Тлехас г. Адыгейск	1980-1992, 2003-2004	П.165, 171	385

Так, для Исхака Беретаря из а. Ассоколай излюбленной жанровой областью являлась народная проза (предания, легенды). С 1978 по 1990 годы он сдал в рукописный архив АРИГИ 361 ед. хранения в 37 папках (№№130 -151, 115, 154-157, 160-163, 166-173). Напротив, в записях А. Ашинова, К. Зезарахов

ва, Б.Тлехас представлены преимущественно поэтические жанры (песни и хохи-здравицы).

В музыкальном фонде также отмечены внештатные собиратели, которые представили материалы, записанные ими в фольклорном поле в разное время.

Таблица № 3

Поступления в музыкальный фонд от стационарных собирателей
(1970 -1990)

№ п/п	ФИО собирателей	Год записи	№№ кассет	Количество ед. хранения
1.	Ихсан Салех (Сирия-Германия, Израиль)	1994	К.281-282, 298-300	77
2.	Батрай Едыдж (Турция-Германия, Косово-Югославия)	1996-1999	К.325-366, 370-371	453
3.	Зарамук Кардангушев	1959-1960	К.33-34	71
4.	Азамат Богус (студент АГУ, исторический ф-т)	1992	К.126-129	12 сказок
5.	Рушди Тугуз (Сирия)	1993	К.162-166	76
6.	Руслан Туркав	1992	К.268	15
	Всего		68	703

Как свидетельствуют данные таблицы, в музыкальный фонд сдали материалы шесть собирателей, трое из которых представители адыгской диаспоры за рубежом.

Для сравнительного анализа способов формирования научных архивов, качества содержания фольклорных фондов, рассмотрим состояние центрального архива Адыгейского государственного университета (ЦА АГУ). В отличие от архива АРИГИ он создан гораздо позже (2000 год), представлен различными формами хранения (в том числе электронной и рукописной) и состоит из нескольких блоков. Основу составляют полевые фольклорно-этнографические материалы, собранные в Республике Адыгея, Причерноморской Шапсугии, трех адыгских аулах Успенского района Краснодарского края, в некоторых аулах Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, а также в диаспоре (В Турции, Иордании, Сирии, Югославии). Если для архива АРИГИ пер-

вичным является рукописный фонд, для ЦА АГУ фонотека – основной архив, рукописный является вспомогательным. В частности, в данном фонде зарегистрировано следующее:

Фоноархив

- 508 полуторачасовых аудио кассет (более 7000 дел), из них 3800 единиц – фольклорные тексты. Более 200 аудио кассет с фольклорными записями оцифрованы;

- 79 аудиодисков;
- 73 видеокассеты, 60 видеодисков;
- 90 дисков с фотодокументами, что составляет более 8000 фотографий;
- 2000 рукописных документов, подавляющая часть которых – фольклорные тексты, являющиеся расшифровками звуковых текстов.

- электронная версия коллекции этнографических материалов по одежде адыгов, собранная М.Ю. Унароковой в 70-х годах XX века.

Отдельным блоком представлен фонд фольклорно-этнографических материалов, переданных частными лицами:

Частные коллекции

- фоноархив доктора философии, репатрианта из Турции, Батирая Едиджа. Он состоит из 150 аудиокассет, среди которых есть фольклорные тексты, записанные им в 1982 году в Югославии у косовских адыгов;

- особое место в архиве ЦА занимают три кассеты с 12 сказками, записанными еще в 50-х годах XX в. от известного шапсугского сказителя Мурата Тешева. Сравнительный анализ показал, что данные варианты сказок нигде не опубликованы.

Рукописный архив

В архиве Центра адыговедения имеется рукописный фонд фольклорно-этнографических материалов. Большую часть из них составляют расшифровки аудиоматериалов (более 2000 единиц).

Отдельным блоком также хранятся копии статей, редких книг, аудио-видео-лекции по различным темам специалистов Центра.

Рукописные частные коллекции

- рукописный архив профессора А.Х.Зафесова по институту коневодства адыгов;
- архив этнографа Л.С. Болоковой, по народной архитектуре;
- рукописные коллекции фольклорных текстов известного шичепшинао Асланбеча Чича и исполнителя народных песен Кима Схакумидова, переданные в Центр после их смерти (в 2000 годах);
- рукописи соотечественников из Турции Музафера Чермита, Хизира Хидзетля, Рэфика Тхагазитова, Нихаи Едиджи, насчитывающие сотни единиц хранения. К примеру, рукописный сборник Тхагазитова, переданный им в 2005 году, содержит 14 оригинальных фольклорных текстов, в том числе 5 вариантов плача о Кущыкупще Ажджэрийко, плач о Кизлярской войне (собиратель датирует это событие 1774 годом). Следует отметить, что турецкие материалы записаны в 70-80-х годах XX века самими собирателями. Часть из них опубликована в книге «Фольклор адыгов Турции» (2004) и в книге Нихаи Едиджи «Къэгъэзэгъу» (Поворот) (Майкоп, 2016), подготовленном к изданию Центром адыговедения АГУ.
- копии 4-х рукописных книг Хамида Тлецерука, одного из представителей плеяды просветителей и поэтов из числа эфенди, творивших в начале XX в. Данные материалы изданы отдельной книгой («Ш1э зи1эм зэхыш1эн» («Знающий – поймет») (2014), второе издание (2017).

В архиве также имеются аудиокопии из фоноархива Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований, фонотеки Государственной телерадиокампании (ГТРК «Адыгея»).

Как отмечено выше, основу фоноархива Центра адыговедения и адыгейской филологии отдела филологии Научно-исследовательского института комплексных проблем АГУ (ЦА АГУ) составляют материалы пяти фольклор-

но-этнографических экспедиций в Турции. Экспедиция 1998 года, является совместной с АРИГИ, в связи с чем материалы данного экспедиционного сезона хранятся в обоих архивах.

Экспедиционная группа Адыгейского госуниверситета с 1997 года работала в местах компактного расселения адыгов в Центральной Турции в двух вилайетах Токат и Кайсери; в 1998 году в Северо-Западной и Западной Турции в вилайетах Дюздже, Бурса, Чанаккале; 1999 в местах расселения бжедугов в районе г. Бига, 2002 – в вилайетах Самсун и Чорум; в 2005 – в окрестностях городов Анталия, Мерсин, Адана, Гёксун и Конья.

За пять экспедиционных сезонов (по месяцу в каждую поездку) обследовано более 150 адыгских населенных пунктов, опрошены сотни информантов. Собраны этнографические сведения по культуре первичного производства, культуре жизнеобеспечения, гуманитарной и соционормативной культуре адыгов. Накопившийся достаточно большой фольклорно-этнографический материал позволил сформировать научный архив ЦА АГУ.

Этноописательный материал об адыгах Турции хранится в фоноархиве Центра адыговедения Адыгейского Государственного Университета (около 400 аудиокассет, 45 видеокассет, сотни фотографий). В рукописном – расшифровка части экспедиционных материалов. На основе материалов, собранных в Турции, подготовлен и опубликован сборник «Фольклор адыгов Турции» (2004).

В последующие годы была проведена камеральная обработка материалов: расшифровывались магнитные записи, составлялись каталоги, комментарии к текстам, словари.

Ниже дается состав фольклорно-этнографических материалов, поступивших в архив ЦА АГУ в течение первых двух лет.

Таблица № 4

Перечень поступивших в архив ЦА АГУ фольклорно-этнографических материалов (2001 – 2002)

№ п/п	Материалы/жанры	Год записи	Год поступления	Кол-во кассет/дисков	Кол-во ед. хранения
1.	Экспедиция в Турции (адыг. селения районов Токат, Кайсери)	25.05-15.06.1997.	2001	37к	476
2.	Экспедиция в Турции (адыг. селения районов Дюздже)	01.05-9.06.1998	2001	55к.	379
3.	Экспедиция в Турции (адыг. селения районов Бига-Чанак-кале)	25.07-5.08.1999	2001	28к.	329
4.	Орхан Дагамук (песни) – Германия – Турция	19-23.09.2003	2001	1к.	25
5.	Юсуф-Азадин Тугуз (песни)	1992	2001	1к.	19
6.	I Фестиваль адыгской народной песни	20.09.2000	2001	4к.	52
7.	Адыги в Германии (Фарук Тыу)	25.08.2000	2001	2к.	20
8.	Фонохрестоматия по адыгскому фольклору (КБР)		2001	21к.	
9.	Коллекция лондонских звукозаписей адыгского фольклора	1911	2001	2к.	44
10.	Коллекция песен в исп. Догана Кушхова (Турция)	1990	2001	1к.	10
11.	Коллекция фольклорных записей А.Шортанова в Причерноморской Шапсугии	1949	2001	1к.	41
12.	Коллекция фольк. записей от Диду Дзыбова (Хуажева Н.)	1998	2001	4к.	55
13.	Коллекция народных песен в записях Р.Б. Унароковой	1980-1999, 1982-2001	2001	6к.	107
14.	Мат-лы фольклорно-этнограф. практи. студентов ФАФК	1999	2001	6к.	75
15.	Мат-лы экспедиц. в Успенский район (3 аула) – копия. Оригинал в АРИГИ - №160	10.07.1991	2002	1к.	33
16.	Коллекция народных песен, собранные Р.Б. Унароковой	1980-2001	2002	19к.	226
17.	Записи от Шапсуга Индриса	1986,1993	2002	12к.	183

	(Иордания) – Бгажноков Б.Х., Унарокова Р.Б.				
18.	Мат-лы экспедиц. в Турции – (Конья, Везиркёпру, Ама-сья)	2002	2002	49к.	735
19.	Серия радиопрограмм «Народные песни повествуют»	1997-2002	2002	28к.	74
20.	Коллекция фольклорных песен Щангуль Мефешуко (Турция)	1972	2002	1к.	20
21.	Экспедиция в КЧР (Хабез)	16.03-21.03.1995	2002	6к.	126
	Всего			276	3093

Таким образом, в архив ЦА АГУ за два года (2001–2002) поступило 276 кассет с 3093 единицами хранения (см. таблицу № 4). В том числе:

- экспедиционных материалов – 176 полуторачасовых кассет с 2078 единицами хранения. Из них турецкие материалы четырех экспедиционных сезонов (1997–1999, 2002) составили 169 кассет (1919 ед.хр.);
- коллекции фольклорно-этнографических материалов, записанных сотрудниками Центра, ранее хранившиеся в домашних архивах, а также материалы, переданные в архив ЦА АГУ сторонними лицами (большая часть из них - записи народных песен в исполнении известных адыгских сказителей как российских, так и зарубежных). К их числу относятся Диду Дзыбов (Республика Адыгея), Индрис Шапсуг (Иордания), Юсуф-Азадин Тугуз (Сирия), Махмуд и Фатие Чермиты, Доган Кушхов (Турция), Орхан Дагамук, Фарук Тыу (Германия). К данной коллекции следует отнести также копии звукозаписей народных песен А.Шортанова (Кабардино-Балкарская республика, 1949) и песни из «лондонского» архива (1911), материалы I Международного фестиваля адыгской народной песни (Республика Адыгея).

Как показало исследование основу фольклорно-этнографического архива ЦА АГУ составили экспедиционные материалы и коллекции аудиозаписей, переданные в архив частными лицами, в том числе сотрудниками ЦА АГУ. Если сравнить с количеством поступлений в архив ЦА АГУ в течение всего

периода его функционирования (508 кассет с более чем 7000 единицами хранения, без фото- видеоматериалов), за два первых года формирования архива (2001-2002) в нем оказалось больше половины общего массива, хранящихся фольклорно-этнографических материалов. Такая ситуация объясняется тем, что архив ЦА АГУ, как и сам Центр адыгovedения и адыгейской филологии отдела филологии Научно-исследовательского института комплексных проблем АГУ, сформировался позже, чем была накоплена основная часть его содержимого.

Как отмечено выше, кроме экспедиций в Турции за период от 2000 года Центром адыгovedения организовано и проведено еще несколько экспедиций. Так, в 2004 – 2008 годах организовывались экспедиции в Причерноморской Шапсугии. Вслед за данными экспедициями сотрудниками Центра совместно с отделом адыгского фольклора КБГИ были проведены экспедиции в Карача-во-Черкесской республике (далее по тексту – КЧР) (2007 г.) и в районе Узун-Яйла–Кайсери Турции (2009 г.). Последняя на тот период носила разведывательный (ознакомительный) характер. Материалы, собранные во время данных экспедиций, также хранятся в архиве ЦА АГУ. Анализ их содержания позволил выявить сведения о жанровом составе и их этнографическом контексте.

Полевые исследования М.М. Паштовой, сотрудницы Центра адыгovedения (2003 – 2011 гг.), проводимые в том числе методом включенного наблюдения в районе Кайсери Турции продолжаются по сей день. Результатами полевой работы М.М. Паштовой явились серия статей, сборник аутентичных записей от одного информанта (Пацты М., 2017) и монография (Паштова М., 2020). Ею проведено картографирование основного фольклорного репертуара, мест проживания информантов и хранения частных фольклорных архивов. Издание репертуара одного информанта (Али Шогена – 67 текстов), является уникальным в плане «выявления степени и механизмов сохранности важных ментальных структур в сознании этнических сообществ, удаленных от исто-

рической территории проживания (культурной митрополии)» (Пацты М., 2017, с. 26).

На базе материалов Центра адыговедения издано несколько типов сборников: два академических сборника «Фольклор адыгов Турции» (2004) и «Агъыбзэр къыза1о гуцк1э...» («Песню-плач, когда начинают петь...») (2005) – тексты, записанные в разные годы (начиная с 1920 года) от известных сказителей отца и дочери Хутыз Заурбеча и Хутыз Ханмелеч), «Адыгский детский фольклор» – комплект из 7 книг и двух аудиоприложений (2007), «Къоджэ орэдхэр» («Песнь об аулах») с иллюстрациями адыгского художника А. Берсирова и аудиодиском с записью песни в его же исполнении (2005), сборник народных песен, записанных от известной сказительницы Габидет Беретарь, с аудиоприложением (2010). По проекту АРИГИ, совместно с Центром адыговедения подготовлены и изданы два сборника научных текстов: «Детский фольклор» и «Обрядовая поэзия адыгов» из свода адыгского фольклора (2019), к изданию подготовлен очередной том свода «Адыгская народная лирика».

В контексте рассмотрения частных коллекций фольклорных фондов – как источников наполнения архивов – следует указать и на наш собственный архив, копия которого хранится в архиве ЦА АГУ. Он собирался в течение нескольких лет и насчитывает более 300 единиц хранения. Кроме коллекции зачиров (более 100 ед.хр.) в нем представлены материалы этнографического и исторического характера. В течение нескольких лет они накапливались от разных информантов. Так, отдельным блоком выделен фольклор аула Джерокай. К нему мы отнесли ранние записи народных песен (1911 и 1913 годов) Шалиха Беданокова и Ильяса Нагиева, которые являются нашими односельчанами. Данные записи, как упоминалось выше, были возвращены на историческую родину профессором А.Н. Соколовой из Лондона. Ныне они хранятся в архивах АРИГИ им. Т. Керашева и ЦА АГУ.

В нашем каталоге обозначено 22 единицы хранения из числа «лондонской» коллекции. В свой архив мы также включили фольклорные записи

Национальной библиотеки Франции, найденные нами в интернете, которые составляют 30 единиц. Мы установили, что песни из «французской» коллекции, исполненные Шалихом Беданоквым и Ильясом Нагиевым, могут тоже считаться частью фольклора аула Джерокай. С данными записями мы работали несколько лет, расшифровывая, изучая и сравнивая с другими записями. Обнаружилось, что в двух коллекциях совпадают 6 песен. Следует отметить, что информация об исполнителях «французской» коллекции отсутствует. Однако по материалам анализа двух архивов нами установлено, что участниками записи «французской» и «лондонской» коллекций являлись одни и те же исполнители. Работая с материалами этих коллекций, нам удалось расшифровать и включить в свой певческий репертуар 15 единиц песен. Часть из них исполнена с использованием традиционных адыгских музыкальных инструментов – шичепшина и камыля, часть – асарелла. При этом пытались максимально сохранить аутентичность и традиционный стиль исполнения.

Шесть песен, варианты которых представлены в обеих коллекциях, проанализированы нами. Так, песня-плач Хымсад исполняется в целом в едином жанровом стиле, в единой исполнительской манере. Текстовое отличие составляют несколько строк.

Ниже приведена расшифровка данного текста песни из лондонской коллекции в исполнении Шалиха Беданоква:

1. *ДахэкIэ-э-э мыгьо си Хьымсадэшъыры, ялэо ели,*

«Красавица (мыго) моя, Хымсад»

Ер насыны гуцэмэ оо ригъэзыхыжъ

«Счастье отвернулось (от тебя)»

2. *ЗекIошымрэ-э-э мыгьо мы зекIолIыжъымрэ джырэ, ялэо ели*

«Коня (мыго) и могучего всадника»

Ер Къумысы гуемэ ор хэзыгъэзащ

«Кто заставляет скучать [в полях] Кумуса»

3. *Пщышъао гуцэрэ-э-э мыгьо емызэщыхэу джырэ, ялэо ели*

«Молодой князь (гуцэ) не устающий»

Ор дэнап I э гуцэмэ ор хэмыгунсаф

«На шелковой постели не находит покоя»

4. *Дэнапц I эуэ-э-э мыгьо сишьхьацы бгьуйт I ухэр джырэ, ялэо ели*

«Шелковые (мыго) мои волосы»

Ер пцышьао гуцэмэ ор ицэгэк I эль

«Под ребром молодого князя покоятся»

5. *Шьыхьакьууэ э-э мыгьо с I адыифит I ухэр джырэ, ялэо ели*

«(Гладкие как] кость оленьего рога (мыго) мои две руки»

Ер пцышьао гуцэмэ оо ипшьэидзэн

«Ожерельем (смыкаются) на шее молодого князя»

6. *Сунчыжьы гуцэмэ э-э мыгьо и тобылыгьухэр джырэ, ялэо ели*

«Старой Сунжи (мыго) гордовина»

Ер пцышьао гуцэмэ оор язэпэбэци

«Для молодых князей – ружейные сошки»

7. *Сарыкьы гуцэмэ э-э мыгьо ибжъэуцырхэр джырэ, ялэо ели*

«Из Сарука (название леса) молодые лосята»

Ер пцытатэ гуцэмэ оо яхьак I эныци

«Для князя-предводителя угощение»

Примечательно, что до пятой строфы все слова песни в обеих коллекциях совпадают, на шестой строфе в варианте из «французской» коллекции идет повтор первой, а заканчивается он исполнением первой строки шестой строфы «лондонской» коллекции. Таким образом, оба варианта почти идентичны. В то же время текст и манера исполнения вариантов «Песни о двух братьях Пцантхаловых», также встречающихся в вышеназванных коллекциях, кардинально отличаются друг от друга, лишь мелодия и подголосок *жъыу* исполняются одинаково. Приведем расшифрованный нами текст данной песни из французской коллекции:

О-ро ежъыуба, о-оро ежъыу гуц, орида ридао,

«(О-ро) подпевай (о-ро) подпевай,»

Ерэдэ, Къэбэртэеихо гуеми ар сызэфэээц шъыу,

(Ерэдэ) по большой Кабарде скучаю я,»
Ра адэ, мыгъо нычэпэрэ чэц гуемэ пкIыхъахэр сэльэгъу сэ
«(Ра адэ) всю ночь мне снятся сны,»
Ер Аллахъ, пкIыхъэуи слъэгъурэм сыкъегъэушы,
«О Аллах, сон, который мне снится, заставляет меня проснуться,»
Ра адэ мыгъо къалмыкъым ищашъхъэ гуехэр ар къытфэзыуф,
«(Ра адэ мыго) кто заставляет стрелы калмыков согнуться,»
Ер Аллахъ лъэкъушъхъаIунэхэри ар тфэзыгъэхъокI,
«О Аллах, гвозди кто заставляет стереться,»
НыбжъыкIэу, ра Хъабибэ дахэ гуер, ар зыгъэгушыпс шыу,
«Молодую Хабибу красавицу (кто) заставляет страдать,»
О-ро уежъыуба, о-оро-о ежъыу гуц, орида рирао,
«(О-ро) подпевай, (о-ро) подпевай,»
Ер, Аллахъ ПцэнтхъалIэм ыкъуитIухэри ар шъузэфэзэц шыу,
«О Аллах, два сына Пцантхаловых вы скучаете друг по другу,»
Ра адэ мыгъо шъузэфэдэнымкIэ ар шъузэнэкъокъу,
«(Ра адэ) чтобы быть похожими друг на друга вы соревнуетесь,»
Пцы гуцэхэр зэмыныкъокъумэ оркъхэм яджагъу шыу,
«(Если) князья не соревнуются дворянам не по нраву,»
Ра, адэ мыгъо, чылэгъу пыйхэри ар шъузэфэдитIу,
(Ра адэ) вражеские села вы делите пополам,
Ер Аллахъ, КъэбэртэитIухэри ар жъугъэгулыз,
«О Аллах, две [части] Кабарды заставляет призадуматься,»
Ра, адэ мыгъо, пцышхо Наурызэхэри шы сэкум хэжъугъагъ шыу,
«Большого князя Науруза (вы) заставили в холку коня пролить слезы,»
ШъэфыкIэрэ къезгъэгъыхырэр нахъыкIэу Батокъо,
«Украдкой кто плачет это младший Батоко,»
Пылыпкъыри зиIарэкъутэхэри Алкъэс иIахъо,
«Из слоновой кости, что на руках – Алкеса браслет,»
Ер Аллахъ, тибжъэIорыпхъохэри ар шъэуджэн,

«О Аллах, (...) это шеуджен,»

Шыу куартэр зэрэггэгуджэмэ шыукIэкъал,

«Если группа всадников (если) ринулась [вы] – в арьергарде».

Для сравнения ниже приводим эту же песню из лондонской коллекции в исполнении Шалиха Беданокова:

Оуиуиуи ойдэ Оуиуиуи ойдэ,

Ор Аллахь, ПцэнтхьалIэ къуитIухэрэя ай шъузэхьазафэри,

«О Аллах, два сына Пцантхаловых,»

Зэошхомэ шъуызэдифэкIэ, я шъузэфэдитIуи,

«Вы едины, когда оказываетесь в большой войне».

Ор Аллахь, КъэбэртэитIухэрэя зыггэгүлэзи,

«О Аллах, две части Кабарды кто заставляет задуматься,»

Пцы гуеуи Нэурызэхэр я шы сэкум хагъи,

«Князь Науруз проливает слезы в холку коня».

Шъэф гуекIэ къезыггэггьыхырэя нахьыкIэу Батокъуи,

«Украдкой рыдает младший Батоко,»

Пылыпкъ гуем хауIукIыггэхэр, я Алкъэс иIахъуи,

«Из слоновой кости выточен Алкеса браслет,»

Оуиуиуи ойдэ, Оуиуиуи ойдэ.

Пылыпкъ гуеми хауIучIыггэхэр, я Алкъэс иIахъуи,

«Из слоновой кости выточен Алкеса браслет,»

Ибзэ гуеми къызыкIэIуфэкIэ, я ай шъуи Ауцэджи,

«Стрелу кто вставляет в тетеву – это ваш Аушедж».

Шыухэри зэрэггэгуджэмэ, я ай шыукIэ къали,

«Всадники (если) ринулись [вы] – в арьергарде».

Ор Аллахь, къалымыкъыдзэхэр я къытфеузэнкIи,

«О Аллах, войско калмыков кто (...) [направляет] прямо,»

Ор Аллахь ныбджэггү шъэуацэмэ, я къытлгынэмыси,

«О Аллах, близкие друзья (к нам) не успевают»

Оуиуиуи ойдэ, Оуиуиуи ойдэ.

Ор Аллахь, ныбджэгъу шъэуащэмэ, я ай къытлгынэмыси,
«О Аллах, близкие друзья (к нам) не успевают,»
Ор Аллахь, фэрэ зэблэхухэрэ, я кышгъульызэращи,
«О Аллах, подменных коней за вами водят,»
Ор Аллахь, ерышэ пыхэр, я ер шы сэкум къепкIы,
«О Аллах, проворные враги с холки коня вспрыгивают,»
Ор Аллахь, Лъэрзэбый КъуапцIэмэ (я) хъункIэр кыдешIы,
«О Аллах, смуглый Тлеризабий в поход сопровождает,»
Оуиуиуи ойдэ, Оуиуиуи ойдэ.
Ор Аллахь Лъэрзэбый КъуапцIэмэ, я хъункIэр кыдешIы,
«О Аллах, смуглый Тлеризабий в поход сопровождает,»
Чылэшихохэри зыльэсыгъэхэр, я ифэшIу кьэхъури,
«Большие селения куда прибыли (...)»
Ор Аллахь, терчэпхъу дахэри, я щэндакъым щогугъури,
«О Аллах, красавица, дочь Терчевых, во дворце страдает».

Как видим, в двух вариантах песни о Пцентхаловых тексты значительно отличаются друг от друга несмотря на то, что единицы предметного мира песни (имена героев, неодушевленные объекты) идентичны. Во французском варианте песня исполняется речитативом, в то время как в лондонском – интонированность ярко выражена. Отметим, что отдельные слова и выражения на записи плохо различимы и расшифрованы нами приблизительно. Сравнительный анализ с архивными и опубликованными текстами не дал искомым результатов.

Из всей собранной нами фольклорной коллекции наибольший интерес представляют материалы, записанные от Мурата Байкулова, Амбия Нагарокова и Раи Хачецуковой. Подробнее остановимся на последней исполнительнице. Мы работали с ней в течение 2 лет, провели 15 сеансов записи. Весь ее репертуар составил 132 единицы. В них преобладают предания, истории об известных героях, сказания, песни, живые истории реальные события, происхо-

дившие в предвоенное время, очевидцем которых являлась она сама. Можно указать на одну из песен зафиксированную впервые:

Хьаджрэтым иггыбз / Плач абрека

1. *Тыукьо зэшиблымэ тыгъужь кырафэклы,*

Хьаджырэтыр алоэрэ сыкырафэклыгы.

«Тууковых семь братьев за волком гоняются,

«Абреком» называя, за мной гонялись».

2. *Тэкъэ гъурбым сисышыы сшъхъэ къесэгъэцци,*

Сшъхъэ кыизизгъэццикIэ щэр кыытыратакьо,

Щэр атестэкъонти щэ цIынэр къалоочы.

«Из дупла коряги голову высовываю,

Голову высовываю, когда пулями осыпают,

Пулями осыпал бы, но молоко на их губах еще не обсохло».

3. *О шыпхъоу ХьакIуакIоми шъхъацышъор кыиречы,*

Зипчъэблэжъ непэ рачыгъэр Сапый Емытыуба.

«Твоя сестра Хакуакуа волосы [на себе] рвет,

Старый косяк чей сегодня вырван – это Сапиев Емиту».

Как комментирует исполнительница Рая Хачецукова, песня сочинена после установления советской власти. Герой песни был настоящим мужчиной и известным человеком, реально существовавшим, но из-за неприятия новой власти вынужден был уйти в абреки. Он не позволил себе выстрелить в юнцов, которых послали за ним в погоню, и предпочел быть ими убитым.

Нам также удалось собрать несколько вариантов смеховой песни, посвященной известной во всей округе рукодельнице и красавице Гошагаг, дочери Мача Нагарокова – талантливому флейтисту и сказителю из аула Джерокай. Зафиксированы и несколько историй о ней.

Варианты смеховой «Песни Гошегаг» были записаны от старожиллов аула Джерокай. Надо отметить, что никто из них не был певцом или известным сказителем, но благодаря этим информантам нам удалось собрать наиболее

полный вариант песни. Так, Кайтмесов Амин из аула Джерокай исполнил два куплета данной песни речитативом:

1. *Дадэ иунэжсыр крэскэ фал,*

Нысэклэ кыпфаллэрэр

Шъхьамчэрые дэгуба,

МакI и Гоцэгъэгъ.

«Дады старый дом нуждается в краске,

Невестой тебя желает

Шхамчерий глухой,

Мача дочь Гошагаг».

2. *Десятинэ ядэр изыгъэкIодагъэр*

Дэчъэ Батырбийба,

МакI и Гоцэгъэгъ.

«Десятину кто истратил [на Гошегаг] –

Дачев Батырбий,

Мача дочь Гошагаг».

Другой информант из того же аула Эльдаров Чиназ исполнил три строфы данной песни:

1. *Дадэ иунэжсыр крэскэ фал,*

Нысэклэ кыпфаллэрэр

Шъхьамчэрые дэгуба,

МакI и Гоцэгъэгъ.

«Дада старый дом нуждается в краске,

Невестой тебя желает –

Шхамчерий глухой,

Мача дочь Гошагаг».

2. *Алмахъситэжсыр къэптан кIэзэрыкуа,*

Псынжъым хакухъагъэр

Тульпарыкъо Лыуба,

МакI и Гоцэгъэгъ.

«Альмахсит старый в кафтане коротком,
В луже кого вываляли –
Это Тюльпаров Лю,
Мача дочь Гошагаг».

3. *Жакъэ и Хьамедэ гуцэр акъылы закъуа,
Пчэгъу закъо чIаси,
къысэтIысылIэжьба
Дачь я Батырбий.*

«Жака Хамед, гуца, недалек умом,
Воткни одинокую жердь
И рядом со мной поселись,
Дачев Батырбий».

Первые строфы песни в исполнении обоих информантов оказались идентичными. Впоследствии наиболее полный вариант данной песни нам исполнил 90-летний житель аула Джерокай Шиков Ким. Девять строф песни были записаны от него. Так как музыкальное и текстовое содержание песни оказались наиболее полными, мы взяли вариант Шикова Кима за основу и составили наиболее полный свод текста песни. Разумеется, мы не считаем свод нескольких вариантов одной песни исходным, инвариантным феноменом, поскольку за десятилетия устного бытования начальный текст мог претерпеть и, по всей видимости, претерпел и какие-то добавления, и лакуны, и трансформации иного рода. Тем не менее, экспериментально реконструированный текст оказывается эстетически и логически презентативным:

1. *Хьатитыхъу и Куарэ, ор, тучаным тес,
Инэралым госыр Хьацъыкъо Мытыхъуба.
МакI и Гоцэгъэгъ.*

«Хатитуха дочь Куара – в магазине продавщица.
С генералом сидит Хашико Мыгух,
Мача дочь Гошегаг».

2. *Дачьэм яшыпэфыхэр нэльэныкъо нэшыуи,*

*Ор Къубанэ нэшур хъурышъо джэдыгуи,
МакI и Гоцэгъэгъ.*

«Дачевых кони одноглазы,
Кубан слепой в каракулевой шубе,
Мача дочь Гошегаг».

3. *Жакъэ и Хъамедэ гуцэр акъылы закъуа,
Къадыры изакъоу пчэн псэур ешхышъы,
МакIo мэгъолъыжъы.*

«Жака Хамед, гуца, одним умом <живет>,
Кадыр один съедает целую козу и
Идет спать ложится».

4. *Дадыкъо Хъудыми цуитIур къырефэкI,
Ужъгъыр къезыфэкIырэр Хъутатэ нэшути,
Ришъуи хэхъажъыгъ.*

«Сын Дада Худ гоняет двух волов,
Мельницу гоняет Хутат слепой,
Пропил и пропал».

5. *Алмахъситэжъыр къэптан кIэзэрыкуа,
Псынжъым хакухъагъэр Тульпарыкъо Лыуба,
МакI и Гоцэгъэгъ*

«Альмахсит старый в кафтане коротком,
В луже когог вываляли – это Тюльпаров Лю,
Мача дочь Гошагаг».

6. *Дэчъэ Батырбийми мыIэрысэр къехъ,
МыIэрыс къызфихъырэр Хъатитыхъу и Куари,
МакI и Гоцэгъэгъ.*

«Дачев Батырбий яблоко приносит,
Яблоко принес Куаре, дочери Хатитов,
Мача дочь Гошагаг».

7. *Дадэ иунэжъыр крэкэ фалI,*

*Нысэклэ кыпфалэрэр Шххамчэрые дэгуба,
МакI и Гоцэггэгь.*

«Дада старый дом нуждается в краске,
Невестой тебя желает Шхамчерий глухой,
Мача дочь Гошагаг».

8. *Борэныкьо кьуитIури зычэ-зыпчэгьу,
Пчэгьу закьо чIасэ гуци кьысэтIысылIэжь гуцэба,
Дэчье Батырбий.*

«Два сына Борануко – одна жердь,
Воткни одинокую жердь, и я рядом со мной поселись,
Дачев Батырбий».

9. *Сэлым ыпэкIитIури щырыкьушIэ дыди,
КIэим даггэдыдэрэри ГьукIэхьанэ нэшьюи
МакI и Гоцэггэгь.*

«Усы Салима как шило сапожника,
В овраг загнали [кого] – Гучехан слепую,
Мача дочь Гошагаг».

10. *Бэслэнэй цIыкIур шэрэбанкэм ис,
Десятинэ ядэ гуцэр изыггэкIодаггэр
Дэчье Батырбийба.*

«Бесленей маленький в шарабанке катается,
Десятину кто истратил –
Дачев Батырбий».

В рукописном архиве АРИГИ нами найден еще один вариант этой песни, записанный в 1958 году в исполнении Хаджемета Тазова. В общей сложности нами собрано 5 вариантов этой песни и 6 историй, относящихся к ситуативному контексту. Записи произведены от 9 информантов. Результаты анализа данных материалов опубликованы в научном журнале «Псаль» («Слово») (Нэгэрэкьо К., 2020, с.151-156). Наиболее полную в текстово-информативном

смысле версию песни мы собрали из разрозненных частей и включили в сопровождении шичепщина в свой репертуар. Также восстановили сюжет истории песни. Таким образом, мы пришли к выводу о том, что соотнесение рассказов нескольких информантов об одних и тех же событиях с предметной областью песни способствует не только восстановлению относительно полного текста и сопровождаемой истории, но и определению ее жанровых границ, а также установлению вероятностной парадигмы ее трансформации в процессе устного бытования.

Как мы можем заключить, первоначально фольклорные фонды формировались спонтанно, при сравнительно небольшом количестве материалов, что не всегда требовало строгой систематики, поскольку сотрудники сами знали, где что лежит. Также важно и то, что и опыта строгой систематизации материала, сформулированных требований особых условий его хранения не существовало. Также собиратели не обладали соответствующей базовой квалификацией. Поэтому в более ранних хранилищах неопределенности больше, чем в ЦА АГУ, который закладывался современными профессиональными специалистами.

Материалы, хранящиеся в архивах АРИГИ и ЦА АГУ в том числе, и собранные вовремя радиофестиваля (1980) и сотни текстов – после него дали возможность выявить специфические особенности ряда важных явлений, атрибутирующих современную фольклорную культуру: обнаружены и научно описаны новые фольклорные формы (песни-послания, обозначенные Ш. Хутом как песни-письма), сочиненные во время Великой Отечественной войны и «лэгьунэ орэдхэр» (песни, функционирующие в «лагуне» – букв.: ‘комнате молодых’); *хэренэ орэдхэр* (песни качелей), редко звучавшие *чылэ орэдхэр* (аульские импровизированные песни). (Десятки текстов наподобие последних, а также мусульманская духовная поэзия зафиксированы нами в Шовгеновском районе, в аулах Хакуринохабль и Джерокай). (Характер исполнения мусульманских песен-зачиров проанализирован нами в III главе).

Основными источниками поступления материалов в архивы являются экспедиции, полевая работа стационарных собирателей и сотрудников АРИГИ и ЦА АГУ. В связи с тем, что архивы и АРИГИ им. Т. Керашева, и ЦА АГУ создавались на базе ранее накопленного материала при отсутствии упорядоченной регистрации, не удалось проследить динамику поступления отдельных фольклорных жанров во времени.

Архивные записи (начиная с послевоенного периода), в особенности хранящиеся в АРИГИ, выявили некоторые трансформации, появившиеся в исполнительской традиции. Одна из них – полное отсутствие подголоска (*жъьу*) в поздней лирике, в том числе в песнях советского периода, что обусловлено трансформацией жанров. По этому поводу Т. А. Блаева отметила следующее: «Народные песни адыгов одиночного исполнения в наибольшем количестве представлены в жанрах, с одной стороны, самого архаичного историко-типологического пласта – обрядовых приуроченных песнях, а с другой – в наиболее исторически поздних жанрах бытовой лирики. Среди экспедиционных звукозаписей зафиксировано некоторое количество песен самой высшей у адыгов формы эмоционального высказывания – лирико-эпических плачей, также бытующих в одиночном исполнении, как мы полагаем – при пении для себя» (Блаева Т., 1990, с. 102–109).

2.2. Методы архивации и способы хранения фольклорных текстов.

Создание информационно-справочных и поисковых систем

Рукописные и электронные фонды

В конце XX – начале XXI вв. с приходом цифровых технологий в науку, проблемы архивирования, оптимизации фольклорных фондов получили новый импульс. На первом этапе ставилась задача «создания единой интегрированной информационной системы в качестве основы сохранения научного наследия» (Омакаева Э., 2006, с. 88). Для этих целей разрабатывались теоретические и методологические принципы создания информационной системы. «Путем создания инфраструктуры, – пишет Э.У. Омакаева – оцифровки магнитолфонных записей и записи на CD-ROM архивных материалов планируется создать специализированные базы данных по джангароведению: полнотекстовые, библиографические, звуковые, графические, документально-фактографические и, наконец, мультимедийные» (там же, с. 89).

В настоящее время часть фольклорных Центров России полномасштабно использует новые технологии в научном и культурно-образовательном пространстве. Можно указать на ряд проектов, реализуемых в отдельных локальных фольклорных традициях. Так, в рамках реализации программы Президиума РАН «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде» создается информационно поисковая система «Фольклор осетин» (Сокаева Д., 2018, с. 174–178). В ней будет сосредоточен фольклорный фонд Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, где рукописный фонд, насчитывает 10 000 единиц хранения, часть из которого оцифрована (127 папок в 16.000 файлов и фоно- и видеозаписи). Предполагается, что данная мультимедийная система будет иметь выход в интернетпространство через официальный сайт СОИГСИ ВНИЦ РАН. В качестве сопроводительного документа составляется аннотированный указатель собрания фольклорных текстов. Как отмечает Д.В. Сокаева «проведено частичное перекрестное описание фольклорного фонда научного

архива института по собирателям, по исполнителям и по жанрам» (Сокаева Д., 2018, с.177).

Следует указать, что во многих регионах России формируются фольклорно-этнографические архивы нового поколения, ориентирующиеся на современные формы обработки и хранения информации (Мороз А., 2003; Веселова И., 2005; Ангеловская Л., Канева Т., 2008). Предметом фольклористических исследований становятся проблемы собирания, систематизации, и архивного хранения. Можно указать на разработки Е.В. Марковской, осуществленные на базе фольклорных архивов Карельского научного Центра РАН (Марковская Е., 2006). Также необходимо отметить опыт И. Г. Левина по систематизации фольклора, который предложил осуществлять поиск материала по тематике, жанру, опорным словам, исполнителям (с учетом возраста, пола, национальности, места и времени записи), собирателям. Эту систему он внедрил в архиве Татарского университета, Таджикской и Армянской академий наук.

В то же время на современном этапе отечественная фольклористика пока еще не выработала унифицированных подходов и методов архивации фольклорно-этнографических материалов, также не предложены единые принципы разработок информационно-справочных и поисковых систем. Одна из объективных причин заключается в том, что в разных регионах России функционируют фонды, отличающиеся по типу, объему, системе жанров, языку формирования.

За последние десятилетия все острее ставятся проблемы, связанные с методами архивации, способами хранения материалов, формами поисковых систем, условиями доступа в фонды и т.д.

Участники обсуждения на страницах одного из выпусков «Антропологического форума» размышляют над тем, как новые фольклорно-этнографические материалы, собранные в фольклорном поле, встраивать в старую систему архивного хранения, структурированную по территориально-персональному или территориально-жанровому принципу. Данная проблема

связана с другой, не менее сложной – какую единицу хранения принять за основу: жанр (в материалах по фольклору, а в этнографических – тему) или описание интервью. В связи с тем, что в современном фольклорном поле все чаще материалы фиксируются на цифровых носителях, в архивах накапливаются не отдельные произведения или тематические блоки, а сплошные многочасовые беседы собирателя с информантом. Исследователи Т. В. Володина (институт искусствоведения, этнографии и фольклора Беларуси), Ангеловская Л.В., Т.С. Канева (Сыктывкарский госуниверситет), Н. Кононенко (Университет Альберты, Канада), А. Вовчак (Львовский национальный университет, Украина) считают целесообразным в качестве единицы хранения в современных архивах принять описи бесед/интервью; создавать указатели к звукозаписям бесед, где постоянной категорией будут обозначены время и предмет разговора. Некоторые исследователи склонны «укрупнить» единицу хранения. Так А. Вовчак предлагает собирательский сеанс сделать основной единицей хранения, что предполагает перемещение акцента с объекта (т.е. собираемого материала) на двух субъектов фольклорного поля (т.е. на информанта и собирателя). В таком случае архив должен систематизироваться не по жанрово-тематическому принципу, как это традиционно происходило, а по имени собирателя или информанта. Возможно, это облегчит оформление архива, но затруднит задачи пользователя. Е. Сафронов, соглашаясь с тем, что универсального способа систематизации и архивации устных материалов не существует, отмечает, что «вопросы описания и архивной систематизации очень тесно взаимосвязаны с проблемами полевой работы и теоретическим осмыслением записанных материалов».

Участник форума А. Ипполитова считает, что «иметь свой сайт желательно и каждому полевому архиву, но при этом необходимо, чтобы такие сайты были построены по единому стандарту и включали в себя ряд обязательных элементов (краткая история экспедиции (с какого года, от какого ведомства, в какие районы, руководители, участники, информанты), программы и вопросники, по которым ведется / велся опрос, экспедиционные отчеты,

правила доступа к материалам для сторонних исследователей» [anthropologie.kunstkamera.ru].

Все вышесказанное актуально и для фольклористического адыговедения. В частности, в своей полевой практике мы не раз сталкивались с проблемами, которые остаются до сих пор неразрешенными. В особенности это касается вопросов поиска оптимальных путей систематизации и архивации собранных в поле материалов, определения форм и способов их хранения.

Следует отметить, что при формировании фольклорно-этнографических архивов в российских научно-исследовательских институтах и университетах, в том числе и на территории Республики Адыгея, параллельно создавалась соответствующая сопроводительная документация. На первоначальном этапе это были журналы описей, где последовательно, сквозной нумерацией фиксировались папки с поступившими в архив материалами (см. таблицу №5).

Как показало исследование, с самого начала формирования фольклорного архива АРИГИ на учет брались все материалы, предлагаемые в основном сотрудниками института и частными лицами. Анализ каталожного журнала показал следующее:

- в качестве журнала для описи использовались амбарные тетради, отдельно для рукописного и музыкального архивов;
- журналы в основном оформлены на адыгейском языке. Иногда встречаются записи на русском. Материалы регистрировались на том языке, на каком были представлены рукописи.

В таблицу занесена следующая информация: порядковые номера папок и дел внутри них. Как показано в таблице, сквозной нумерацией отмечены папки, а номера дел в них ограничены папкой: в одной папке может храниться несколько дел, в другой – несколько десятков, а то и сотен единиц хранения; в следующих графах – название единицы хранения (жанра или темы), затем ФИО исполнителя и собирателя, время и место записи, в самом конце – примечания. В нее могут быть занесены хронометраж или комментарии по состоянию поступившего материала. Конечная графа не всегда заполнялась

Рукописный архив АРИГИ

	A	B	C	D	E	F	G	H
1	№ папки	№ дела	Название произведения	Исполнитель	Собиратель	Дата записи	Место записи	Приложение
6755	101	82	Мэл хьубгэ лъэлу	Нэгъуцу Сэпшахь	Бысыдж Хьусен	04.03.1941	кбу. Хьэльэкьуай	
6756	101	83	Шышхор	ЦӀэлогъошлу ислъам	ЦӀэй Ибрахьым	12.06.1928	кбу. Лахьшыкьуай	
6757	101	84	Льыжьымрэ ньожьымрэ	Льы1эпэ Кьушьхьэхьан	ЦӀэй Ибрахьым	10.02.1935	кбу. Лахьшыкьуай	
6758	101	85	Льыжэ цӀыкӀумрэ ньытӀумрэ	Льы1эпэ Кьушьхьэхьан	ЦӀэй Ибрахьым	10.02.1935	кбу. Лахьшыкьуай	
6759	101	86	Мышьэм ыкьыгъэ пшьэшьэжьыер	Льы1эпэ Хьаджмэт	ЦӀэй Ибрахьым	08.02.1935	кбу. Лахьшыкьуай	
6760	101	87	ПезлъыкьуитӀу	Льы1эпэ Хьаджмэт	ЦӀэй Ибрахьым	08.02.1935	кбу. Лахьшыкьуай	

Судя по описям, и рукописный (16.11.1959), и музыкальный (т.е. фоно-тека) (1962) фонды АРИГИ создавались с разницей в 2-3 года. Возможно, журналы описей начали заполнять одновременно. Однако в графе «время записи» фиксировали время (день, месяц, год), обозначенное на рукописи (или на магнитофонной ленте). Таким образом, в журнале не оказалось записи о времени регистрации поступившей папки или единицы хранения. Лишь с недавнего времени, т.е. с 2000 годов, иногда стали записывать время поступления материала в архив.

Опись рукописного журнала начинается с 16.11.1959 года. Под № 1 первой папки зафиксирован хабар (повествование, сказ) о Якубоке Циеко, записанный в ауле Джеджехабль Мариет Сахакумидовой от сказителя Хамида Мугу. В данной папке находится 45 дел, основу которых составляет народная проза. Записи произведены в разные годы (1958 – 1963), в разных аулах Теучежского и Тахтамукайского районов на тот период студентами адыгейского отделения АГПИ (Б. Берсиров, Х. Хот, Ш. Чермит и др.). Анализ содержимого в папках рукописного архива показал, что в описи отсутствует время регистрации материалов в архиве. Нумерация папок и год записи дел не показывают последовательность поступления материалов в архив. Так, в П.33 (1-40) хранятся рукописи, записанные в 1958 - 1959 гг., тогда как в следующей П.34 (169 дел) – рукописи 1928 года, написанные на основе латиницы. За ней – П.35 (113 дел). В ней записи 1960 года. Подобная картина наблюдается до 1970

года. Как видим, папки от № 1 до № 122 формировались с разновременными записями. К примеру, в папках № 115 – №119 – зарегистрированы записи 1964 года от стационарного собирателя Исхака Беретаря, в следующей П.120 – материалы И. Цея (1930 годы XX в.). В П.122 – записи 1928 года от известного сказителя Чауца Паранука из аула Пчегатлукай.

Данное обстоятельство говорит о том, что рукописный архив формировался хаотично, новые поступления фиксировались вперемежку со старыми записями. Архив, в котором они были зарегистрированы, до сих пор остается неизвестным. Можно предположить, что часть «старых» записей является фрагментом какого-то архива (возможно, библиотечного фонда, института краеведения (как именовался АРИГИ), формировавшегося еще с 1929 года), другая часть по разным причинам оказалась в частных коллекциях сотрудников АНИИ 50-70-х годов XX столетия.

Как отмечено выше, научные экспедиции явились одним основным каналом поступления фольклорно-этнографических материалов в архив АРИГИ. Судя по систематическому каталогу, наряду с самими материалами в архиве фиксировались и отчеты руководителей экспедиционных групп, в которых сосредоточена дополнительная информация о качестве поступлений.

Кроме отчетов, одним из предметов информационно-справочной системы, где аккумулируются дополнительные сведения об архивной единице хранения, являются полевые дневники. По свидетельству некоторых адыгских фольклористов старшего поколения (Налоева З.М., Хута Ш.Х.), руководителями экспедиций велись полевые дневники, куда заносились сведения об экспедиционном маршруте, участниках, потенциальных информантах, особенностях обследуемой территории и др. Однако, в архиве АРИГИ таковые не обнаружены. Следует полагать, полевые дневники не предназначались для сдачи в архив. Скорее они велись руководителями и участниками экспедиций в личных целях. В полевые дневники записывались еженедельные отчеты, комментарии к собранным материалам, паспортные данные текстов. По ним воссоставляли описание содержания экспедиции и составляли отчеты. Именно та-

кого рода пять полевых дневников обнаружены нами в архиве ЦА АГУ. Они велись участниками экспедиции в Турции с 1997 по 2002 гг. У них отсутствует архивный номер, это говорит о том, что они не были представлены в отчетах в статусе единиц хранения. В то же время в данных дневниках зафиксировано достаточно большое количество информации, не попавшей в материалы экспедиций. Так, научный интерес представляют схемы фамильной структуры многочисленных семей, своеобразных «родовых деревьев», дополнительные штрихи к паспорту данных информантов, фрагменты пословиц-поговорок (видимо, зафиксированных в ходе беседы), замечания собирателя по поводу качества, научной ценности фиксируемого материала и т.д. Один из дневников полностью посвящен описанию репортажных фотографий (П.23, дневники).

Своеобразными дневниковыми записями могут быть классифицированы очерковые статьи об известных сказителях, носителях фольклорной традиции, опубликованные З. Кардангушевым (Кардангушев, 2009, с. 82-165), А.Куюком (Куюк, 2011, с. 2020), Н. Чуяковой (Чуякова, 2002), М. Джандар (Джандар, 2002), Р.Унароковой (Унарокова, 1998; ФАТ, 2004), М. Паштовой (Пащты, 2017). В частности, в книге М. Джандар «Псалъэм псэ хэлымэ» («Живое слово»), изданной по следам фольклорно-этнографической экспедиции, проходившей в 1998 году в Турции (в адыгских поселениях виллаетов Дюздже, Чанаккале), во вступительной статье «Тыркуем ис адыгэмэ ядунэететык1, ягупшысак1» («Образ жизни адыгов Турции») достаточно подробно и последовательно описан весь маршрут экспедиции. Воспоминания перемежаются живыми рассказами о наиболее ярких впечатлениях. Научная ценность данной статьи в том, что в ней указаны адыгские названия, местоположение, численность, фамильная структура 35 населенных пунктов, где побывала экспедиция в сезон 1998 года и где М. Джандар работала. Ярко и скрупулезно описаны встречи с информантами, чьи рассказы больше всего запомнились. Статья является дополнением к архивным материалам, представленным собирателем в архив АРИГИ, хотя рукописный вариант этого документа не вошел в число экспедиционных материалов (Джандар М., 2002, с. 5 - 44).

Анализ содержания фономатериалов АРИГИ также показал, что в музыкальном фонде, как и в рукописном архиве, на первых кассетах записаны разновременные материалы (например, на одной кассете есть записи от 1959 – до 1969 года), в основном записанные известным нартоведом А. Гадагатлем. На тот период он был единственным, кто собирал и формировал фольклорный фонд института. Так, на первых 58 кассетах содержится 881 единица хранения записей А. Гадагатля, лишь на двух кассетах (70 дел) записи З. Кардангушева, известного собирателя и исполнителя песенного фольклора из Кабардино-Балкарской Республики.

На первых кассетах отсутствуют репортажные записи с мест сбора материалов и, судя по реестру каждой кассеты, они формировались из разных источников и в разное время. Это говорит о том, что данные единицы хранения являются не первоисточниками, а перезаписанными материалами. Эту ситуацию подтверждает тот факт, что первые записи производились на бобинных лентах. В 80-х годах они перезаписывались на компакткасеты. На данном этапе первые 300 кассет – оцифрованы. Возможно, на этапе перезаписи (с бобинных пленок) по техническим причинам утеряна часть старых записей.

Как показано на таблице № 6, в описи фоно материалов отмечен еще один параметр – время звучания единицы хранения. Однако, это время не соотнесено с общим временем экспедиционной записи, что осложняет поиск нужного материала.

Звуковой фонд АРИГИ

№ касс.	№ дела	Название произведения	Исполнитель	Собиратель	Дата записи	Место записи	Приложение
374	25	1 Нарт Саусэрыкьо норэд	Пшыбэкьо Ереджыб	Хьэдэгэллэ Аскэр	25.07.1962	кь. Мыекьуапэ	
375	25	2 Саусэрыкьо икьэжык1	Гьонкьо Хьазрэг	Хьэдэгэллэ Аскэр	21.06.1961	кь. Еджэрыкьуай	
376	25	3 Саусэрыкьо иньжыкым маш1ор кьызэрэш1унхыгьэр	Гьонкьо Хьазрэг	Хьэдэгэллэ Аскэр	21.06.1961	кь. Еджэрыкьуай	
377	25	4 Саусэрыкьо ик1одыжык1	Гьонкьо Хьазрэг	Хьэдэгэллэ Аскэр	21.06.1961	кь. Еджэрыкьуай	
378	25	5 Саусэрыкьо ик1одыжык1	Гьонкьо Хьазрэг	Хьэдэгэллэ Аскэр	21.06.1961	кь. Еджэрыкьуай	
379	25	6 Саусэрыкьо Шьэохужь 1эшпьягьор зэриук1ыгьэр	Гьонкьо Хьазрэг	Хьэдэгэллэ Аскэр	21.06.1961	кь. Еджэрыкьуай	
380	25	7 Гьонкьо Хьазрэг зэдэгушы1эгьу дыри1агь	Гьонкьо Хьазрэг	Хьэдэгэллэ Аскэр	21.06.1961	кь. Еджэрыкьуай	
381	25	8 Нарт я Пшыдадэ икьэбар	Орзэкьо Мырзэбэч	Хьэдэгэллэ Аскэр	22.02.1962	кь. Хьабэз (Черкесия)	
382							
383	26	1 1адыиху икьэбар	Орзэкьо Мырзэбэч	Хьэдэгэллэ Аскэр	22.02.1962	кь. Хьабэз (Черкесия)	
384	26	2 Сэрмаха	Кьэрлангьушэ Зэрамыку	Хьэдэгэллэ Аскэр	10.10.1959	кь. Нальчик	с пластинки
385	26	3 Нартыжь оред	Кьэрлангьушэ Зэрамыку	Хьэдэгэллэ Аскэр	10.10.1959	кь. Нальчик	
386	26	4 Саусэрыкьо шьао	Кьэрлангьушэ Зэрамыку	Хьэдэгэллэ Аскэр	10.10.1959	кь. Нальчик	
387	26	5 Кьафэ	Переписана с пластинки		10.10.1959	кь. Нальчик	
388	26	6 Оред 1эпэ-шып	Хорым кье1о				
389	26	7 Зэфэусэ (кье1о, кьытегушы1э)	К1ык1 Ереджыб, жьур	Хьэдэгэллэ Аскэр	14.11.1959	кь. Нэшыкуай	
390	26	8 Кушыкушы игыбз	К1ык1 Ереджыб, жьур	Хьэдэгэллэ Аскэр	14.11.1959	кь. Нэшыкуай	
391	26	9 Кьоджэ оредхэр	К1ык1 Ереджыб, жьур	Хьэдэгэллэ Аскэр	14.11.1959	кь. Нэшыкуай	
392	26	10 Нарт Саусэрыкьо норэд	К1ык1 Ереджыб, жьур	Хьэдэгэллэ Аскэр	14.11.1959	кь. Нэшыкуай	

Всего в четырех журналах описи по музыкальному фонду АРИГИ зарегистрирована 591 кассета. Последние три кассеты зафиксированы датой 06.09.2021 года. Это материалы кабардинского собирателя Булата Халилова, опубликованные на Интернет-портале OredRecordins.

Анализ описей также показал, что в фонотеку часть экспедиционных материалов поступила вовремя, часть – гораздо позднее времени проведения экспедиции. Так, шапсугские фольклорно-этнографические материалы (85 дел на шести кассетах) сданы в фонотеку в тот же год (1979), когда состоялась экспедиция; также и материалы Хабезской экспедиции (1995 год), исчисляющиеся 26 кассетами (447 ед.хр.), которые поступили в фонотеку в тот же год. В то же время материалы, записанные Г. Схаплом в 1998 году во время турецкой экспедиции (22 компакткассеты) зарегистрированы в фонотеке 21.09.2016 года (К. № 561–583).

Исследование показало, что со дня основания архива в качестве главного информационно-справочного документа в АРИГИ используется журнал

описей. На его основе в 80-х годах XX века была создана рукописная картотека, служившая резервным каталогом. После 2000 годов, когда начался процесс оцифровки звуковых материалов, в компьютер были заложены каталоги рукописного и музыкального фондов. Данное обстоятельство дало возможность упорядочить поисковую систему архива. В обоих каталогах появилась новая функция автоматической регистрации количества единиц хранения. Исследуя компьютерный каталог АРИГИ оказалось, что в рукописном архиве на сегодняшний день зарегистрировано 10069 ед.хр. в звуковом формате, из них 1270 ед.хр. способных к быстрому реагированию на запросы пользователя в составлении списка требуемых материалов. Однако, в данной системе все еще отсутствует автоматический доступ к самим материалам, в связи с тем, что оцифрованный блок музыкального фонда к компьютерному каталогу не привязан, а рукописный фонд АРИГИ все еще остается на бумажном носителе.

Рассмотрим состояние информационно-справочной системы рукописного и звукового архивов ЦА АГУ.

Таблица № 7

Звуковой фонд ЦА АГУ

1	2	3	4	5	6	8	9	10
Кас	д	Название	Информатор	Возраст	Место записи	Год записи	№Ю	Собирателя
2082	214/7/A/	Бахъсымэм ишт'ык1 (ш'уатэр)	Шапсыгъэ Индырыс	1923	Уадысир //Ирданиер/	1986	Бгъажънэкъо Б.	
2083	214/8/A/	Мэджаджэр	Шапсыгъэ Индырыс	1923	Уадысир //Ирданиер/	1986	Бгъажънэкъо Б.	
2084	275/21/B/	Нысэщэ шхынхэр	Назим Хъусен		Хъамалы /Г/	2002	Унэрэкъо Мир Унэрэкъо Рай	
2085	276/11/	Шхынхэр	Хъаджэкъулэкъо Асье	1911	Хъамалы /Г/	2002	Унэрэкъо Мир Унэрэкъо Рай	
2086	281/3/	Нысэщэ шхынхэр	Дзыбэ Кираз		Дохъукъуей /Г/	2002	Зэфэс А.	
2087	288/2/	Шыпсым ишт'ын	Тхыгъо Аскэрхъан	1902	Кызылсынэ-Ладик /Г/	2002	Унэрэкъо Мир Унэрэкъо Рай	
2088	288/4/	Къэбыпсы	Хъаткъо Марвет		Кызылсынэ-Ладик /Г/	2002	Унэрэкъо Мир Унэрэкъо Рай	
2089	288/7/	Шхынхэр	Анцокъо Илхъам	39	Кызылсынэ-Ладик /Г/	2002	Унэрэкъо Мир Унэрэкъо Рай	
2090	291/	Шхынхэр			Нэгъоймызхъабл /Г/		Унэрэкъо Мир Унэрэкъо Рай	
2091	298/10/	Щэр зэрэзэрэхэрэр	Чурей Эльмес		Аламбаш (Хъаткъохъабл) /Г/	2002	Унэрэкъо Мир Унэрэкъо Рай	
2092	298/12/	Щэтэопс, нэжгъулс, щэхадзэ	Чурей Эльмес		Аламбаш (Хъаткъохъабл) /Г/	2002	Унэрэкъо Мир Унэрэкъо Рай	
2093	298/13/	Щэкэк1хэр	Чурей Эльмес		Аламбаш (Хъаткъохъабл) /Г/	2002	Унэрэкъо Мир Унэрэкъо Рай	
2094	335/6/A/	Хъак1эм пагъохрэ лы лъэкпхэр, шхынхэр, лы Шъыжъ Шъалихъ			Хъаджыкыу /Ш/	2004	Унэрэкъо Мир Унэрэкъо Рай	

Как показывают таблицы № 7, № 8 в отличие от электронного каталога АРИГИ в каталоги ЦА АГУ включены два параметра: год рождения информанта (он позволяет определить возрастной статус исполнителя фольклорного текста) и инвентарный номер единицы хранения звукового текста, соответ-

ствующего рукописи, что позволяет соотнести расшифровку со звучащим произведением.

Таблица № 8

Рукописный фонд ЦА АГУ

1	2	3	4	5	6	8	9	10	11
	№		ФИО информатс	Год рожден	Место записи	Дата записи	ФИО собирателя	Ффонотеки	
1289	22	24	Истамбылэк10 орд	Еутых Синамыс	1959	Севас	1997	Унэрэко М. Унэрэко Р. Зэфэс А.	ЦА АГУ К.14, д.9 /А/
1300	22	25	Бабыцэ игьбэ	Пщыук1 Ибрахым	1957	Севас	1997	Унэрэко М. Унэрэко Р. Зэфэс А.	ЦА АГУ К.14, д.9
1301	22	26	Джэгу орд	Еутых Синамыс	1959	Севас	1997	Унэрэко М. Унэрэко Р. Зэфэс А.	ЦА АГУ К.14, д.10
1302	22	27	Льэгъуныгъз орд	Еутых Синамыс	1959	Севас	1997	Унэрэко М. Унэрэко Р. Зэфэс А.	ЦА АГУ К.14, д.10
1303	22	28	Хьагъундэкьолщым икьэбар	Хьуажь Басри		Хэусай- Узун-Яйла	1997	Унэрэко М. Унэрэко Р. Зэфэс А.	ЦА АГУ К.15, д.1
1304	22	29	Азджэрийхэ и Кущыкулщым и гьбэз	Шыгъэлыгъо Сами	1932	Жьэныкъуей (Хьат1ыхъу)	1997	Унэрэко М. Унэрэко Р. Зэфэс А.	ЦА АГУ К.16, д.5/А/
1306	22	30	Зэол1 орд	Шыгъэлыгъо Сами	1932	Жьэныкъуей (Хьат1ыхъу)	1997	Унэрэко М. Унэрэко Р. Зэфэс А.	ЦА АГУ К.16, д.6
1308	22	31	Хьымсэдэ гуацэм икьэбар	Шыгъэлыгъо Сами	1932	Жьэныкъуей (Хьат1ыхъу)	1997	Унэрэко М. Унэрэко Р. Зэфэс А.	ЦА АГУ К.16, д.7
1307	22	32	К1элэ 1ушым икьэбар	Гусэрыкъо Нэфиз	1936	Гьэзи-Кайсэр	1997	Унэрэко М. Унэрэко Р. Зэфэс А.	ЦА АГУ К.16, д.10/В/
1308	22	33	Джансурэт игьбэз	Шыгъэлыгъо Сами	1932	Жьэныкъуей (Хьат1ыхъушъыкъуей)-Гьэзи	Унэрэко М. Унэрэко Р. Зэфэс А.	ЦА АГУ К.16, д.12	
1309	22	34	Фэмьэ игьбэз	Гусэрыкъо Нэфиз	1936	Гьэзи-Кайсэр	1997	Унэрэко М. Унэрэко Р. Зэфэс А.	ЦА АГУ К.16, д.13
1310	22	35	Шэныбэ Бабыцэ игьбэз	Гусэрыкъо Нэфиз	1936	Гьэзи-Кайсэр	1997	Унэрэко М. Унэрэко Р. Зэфэс А.	ЦА АГУ К.16, д.14
1311	22	36	Шьбьыкъо Гуаго морэд (джэгу орд)	Гусэрыкъо Нэфиз	1936	Гьэзи-Кайсэр	1997	Унэрэко М. Унэрэко Р. Зэфэс А.	ЦА АГУ К.17, д.3 /А/
1312	22	37	Сэмэркъэхэр	Гусэрыкъо Нэфиз	1936	Гьэзи-Кайсэр	1997	Унэрэко М. Унэрэко Р. Зэфэс А.	ЦА АГУ К.17, д.8
1313	22	38	Хьымсад гуацэм и гьбэз	Тохъуанэ Сами	1949	Асльанхьабл-Кайсэр	1997	Унэрэко М. Унэрэко Р. Зэфэс А.	ЦА АГУ К.17, д.12 /В/
1314	22	39	Джансурэт игьбэз	Гусэрыкъо Нэфиз	1936	Гьэзи-Кайсэр	1997	Унэрэко М. Унэрэко Р. Зэфэс А.	ЦА АГУ К.17, д.14

В Центре разработаны информационно-справочная и поисковая системы. В частности, составлены компьютерные и рукописные каталоги по различным принципам: тематический, жанровый, по информантам, по собирателям, по месту записи. К электронным каталогам относятся: систематический – 7359 ед.хр.; тематический – 7100 ед.хр. из них – 1139 это народные песни и инструментальные наигрыши; в рукописном архиве в основном сосредоточена расшифровка фольклорных произведений – 1409 ед.хр.; фотоархив – 585 единиц хранения. Составлены два именных указателя: один – по исполнителям народных песен, где указаны паспортные данные 515 информантов, другой – по названию населенных пунктов, в котором обозначено 200 аулов. Вышеперечисленные коллекции составляют основу электронной базы данных Центра (подробнее о ней см. раздел III.1.).

На основе собранной нами коллекции фольклорно-этнографических материалов составлен компьютерный каталог (см. таблицу № 9)

Таблица № 9

Коллекция фольклорно-этнографических материалов

Нагарокова К. Р. (2012–2021 гг.)

№	Наименование	Жанр	Длительность (мин.)	ФИО информатора / год рождения	Место рождения	Место записи	Дата записи	Реконструкция
17	Атэжяхь Шгалихьашхор,	кэбар	5:49	Эльдарыкьо Чыназ /1938	кбу. Джыракый	кбу. Джыракый	29.10.2016	
18	К1апшэу	кэбар	8:14	Эльдарыкьо Чыназ	кбу. Джыракый	кбу. Джыракый	29.10.2016	
19	Хьатакэ	кэбар	2:17	Эльдарыкьо Чыназ	кбу. Джыракый	кбу. Джыракый	29.10.2016	
20	Хьуажь хьаджэр бай	кэбар	2:22	Эльдарыкьо Чыназ	кбу. Джыракый	кбу. Джыракый	29.10.2016	
21	Мухьаджыр ихырыхь	хырыхь	1:21	Эльдарыкьо Чыназ	кбу. Джыракый	кбу. Джыракый	29.10.2016	
22	Джыракые кызтек1ыгьэр	кэбар	1:50	Шгэоц1ык1у Нурыт /1932	кбу. Джыракый	кбу. Джыракый	13.06.2016	
23	Мак1 и Гошэгэгьэрэ Хьуажь хьаджэмрэ	кэбар	6:17	Шгэоц1ык1у Нурыт /1932	кбу. Джыракый	кбу. Джыракый	13.06.2016	
24	Хьатакэ ичыл зыфа1уагьэр (кво)	кэбар	1:21	Шгэоц1ык1у Нурыт /1932	кбу. Джыракый	кбу. Джыракый	13.06.2016	
25	Джыракые оредым зэрэхэлыр (Харинэр)	кэбар	0:51	Шгэоц1ык1у Нурыт /1932	кбу. Джыракый	кбу. Джыракый	13.06.2016	
26	Нэмышэр кызэк1ом кынэу альэгьугьэр	кэбар	2:32	Шгэоц1ык1у Нурыт /1932	кбу. Джыракый	кбу. Джыракый	13.06.2016	
27	Хьак1ыба-к1ыбыхьуа	1уры1упчь	0:26	Шгэоц1ык1у Нурыт /1932	кбу. Джыракый	кбу. Джыракый	25.08.2018	
28	Кьуагь зы1орэр кьуалэ	1уры1упчь	0:44	Шгэоц1ык1у Нурыт /1932	кбу. Джыракый	кбу. Джыракый	25.08.2018	
29	Дерэкьо Наныу	орэд	4:39	Зэфэс Кьэрал /1928	кбу. Мамхыгь	кбу. Мамхыгь	27.03.2017	
30	Мурэ норэд кье1о,	орэд	10:42	Зэфэс Кьэрал 1928	кбу. Мамхыгь	кбу. Мамхыгь	27.03.2017	

Как видно из таблицы, наш каталог построен по образцу звукового каталога ЦА АГУ. Добавлена дополнительная графа, где отмечены восстановленные нами фольклорные тексты, а также графа длительности фольклорно-этнографического материала.

Таблица № 10

№	Наименование	Жанр	Длительность (мин.)	Место записи	Дата записи	Реконструкция
328	К1орэр	орэд	3:31	г.Армавир	1911-1913	**
329	Къоджэбэрдыхьэ Мыхьамэт игьыбз	гьыбзэ	3:03	г.Армавир	1911-1913	*
330	Къош орэд	орэд	3:11	г.Армавир	1911-1913	**
331	Къульхужьын зау	орэд	3:35	г.Армавир	1911-1913	
332	Къушъхъэ Жамбот 1 часть	орэд	3:31	г.Армавир	1911-1913	
333	Къушъхъэ Жамбот 2 часть	орэд	3:35	г.Армавир	1911-1913	
334	Къэбэртаем ячэштеу 1 часть	гьыбзэ	3:03	г.Армавир	1911-1913	*
335	Къэбэртаем ячэштеу 2 часть	гьыбзэ	3:03	г.Армавир	1911-1913	**
336	Къэбэртаем ячэштеу 3 часть	гьыбзэ	2:59	г.Армавир	1911-1913	*
337	Къэрдэныкъо Бэчмыз 1 часть	гьыбзэ	2:56	г.Армавир	1911-1913	
338	Къэрдэныкъо Бэчмыз 2 часть	гьыбзэ	2:47	г.Армавир	1911-1913	
339	Пцэнтхьалэкьомэ яорэд	орэд	2:50	г.Армавир	1911-1913	**
340	Хьымсад	гьыбзэ	3:22	г.Армавир	1911-1913	**
341	Хьатх я Къок1ас	орэд	3:03	г.Армавир	1911-1913	**
342	Цутхьак1умэкьом игьыбз	гьыбзэ	2:44	г.Армавир	1911-1913	*

В нашей коллекции всего 344 единицы хранения, из них – фольклорные материалы составляют 236 ед., этнографические, в том числе материалы по истории аула Джерокай - 108 ед. Из старых записей, в том числе из «французской» и «лондонской» коллекций, вошедших в каталог, нами реконструировано 29 песен. В качестве эксперимента они заново исполнены нами. Также восстановлены 7 наигрышей. Как показано в таблице № 10 в графе «реконструкция» одной звездочкой [*] обозначены восстановленные записи, а двумя [**] отмечены и восстановленные, и заново записанные нами песни и наигрыши. Экспериментальные записи восстановленных текстов в количестве 9 песен и наигрышей с использованием инструментов (*шык1эпцын, къамыл*) и подголоска (*жъыу*) были произведены на профессиональном диктофоне ZOOM Н6 отдельными треками и сведены в одну дорожку в программе для редактирования музыкальных файлов Audacity.

Весь собранный материал представлен в архив ЦА АГУ отдельным блоком, как частная коллекция.

Таким образом, исследование показало, что информационно-поисковая система в архивах АРИГИ и ЦА АГУ на современном этапе приводится в соответствие с требованиями времени. В обоих архивах созданы и функционируют компьютерные систематические каталоги. Звуковые фонды цифруются. Также создаются разного типа указатели для оптимизации поиска и доступа к архивам.

Выводы. История создания и развития фольклорных фондов в государственных и частных архивах свидетельствует о том, что с каждым новым этапом развития технических средств фиксации и хранения материалов, а также с поступательным развитием научно-фольклористической мысли принципы систематизации и хранения, способы камеральной обработки материалов и их оцифровки, характер структурирования архива понимается не только как научно-бытовая, но и на научно-теоретическая проблема. Так, фольклорно-этнографические архивы АРИГИ и ЦА АГУ, созданные на разных этапах развития методики хранения и систематизации, несколько различаются по ряду критериев. Это и история формирования, и объем материалов по различным корпусам текстов, а также график и методы оцифровки и систематизации единиц хранения.

Архив Центра адыгovedения и адыгейской филологии отдела филологии Научно-исследовательского института комплексных проблем АГУ, созданный в период активного развития и популяризации цифровых технологий, формировался с использованием последних, что является свидетельством достаточно высокого научно-технологического статуса этого научного подразделения. Здесь создано несколько типов компьютерных каталогов: тематический, (под)жанровые, каталоги по информантам и населенным пунктам, где осуществлялись записи, каталог по собирателям.

В то же время незавершенность технического осуществления взаимосвязи оцифрованных фондов с поисковой системой, отсутствие достаточно полного описания фольклорных материалов (особенно находящихся на звуковых носителях) затрудняют пользователям доступ в архив и получение как самих

материалов, так и конкретной информации о них (таких, как история текстов, экспедиций, локальных особенностях функционирования тех или иных жанров/элементов культуры).

Результаты нашего исследования и опыт по изучению научных принципов организации фольклорно-этнографических архивов могут стать основой для разработки мобильных информационно-справочных и поисковых систем. К таковым относятся электронные путеводители по архиву и указатели с широким описанием единиц хранения.

Глава III. Мультимедийные технологии сохранения адыгской фольклорной культуры

(из опыта создания электронной базы данных)

Новые технологии стали неотъемлемой частью современных полевых исследований. Российскими фольклористами, в том числе и адыгскими, стабильно используется аудиотехника. В последние два десятилетия она представлена цифровыми диктофонами. Параллельно с ними в качестве обязательного приема собранного материала и его последующего изучения широко применяется видеофиксация процесса исполнения фольклорных произведений носителями народной культуры.

Как известно, предшественником видеофиксации стали записи на кинокамеру, сначала в черно-белом формате (еще в середине XX в.), затем в цветном (в последней четверти XX в.). Однако, в связи с тем, что кинокамеры оказались финансово емкими и неудобными из-за сравнительно большого веса, съемки проводились избирательно. С появлением экономически доступных видеокамер и цифровых фотоаппаратов с видеорежимом технически приемлемого качества проведение видеосъемки при всех сеансах полевой работы, в том числе и повторных, стало обычной экспедиционной практикой. Экспедиция 2009 г. в Турции, проведенная сотрудницей ЦА АГУ М.М. Паштовой и сотрудником КБИГИ М.А. Табишевым, использовала видеозапись в качестве основного способа фиксации. В абхазской фольклористике одним из первопроходцев в создании видеозаписей и их научном изучении оказался З.Д. Джапуа, который произвел в этом же году видеофиксации от сказителя нартского эпоса и сопоставил их содержание с первичными аудиозаписями 2004 г. (Джапуа З., 2016).

При всей высокой значимости использования технических средств в объективации фольклорных текстов, следует учитывать, что оно решает не все проблемы, в особенности, вопросы, касающиеся внетекстовых (контекстуальных) связей и проявлений, остаются не до конца актуализированными. Об этом в свое время предупреждал известный ученый К. В. Чистов: «В условиях

... коммуникации технического типа происходит переход (перекодирование) от первичной знаковой системы (речь) ко вторичной (письменность), в процессе которого гасятся все внетекстовые элементы». «Внетекстовыми элементами в устной традиции, – поясняет К. В. Чистов, – должны считаться не только элементы интонационные и мнемонические, но и контекст пения или рассказывания, предшествующее и последующее поведение исполнителя и слушателя» (Чистов К., 2005, с. 36).

Комментируя данное положение, исследователь форм экранной проекции Н.С. Петрова пишет: «при появлении технического медиатора вместо определенной и реальной аудитории, которую сказитель может выбрать сам, приходится говорить о неопределенной направленности информации... Отказ от первичной знаковой системы (речь) приводит к тому, что опускаются все внетекстовые элементы (интонационные, мимические особенности, а также контекст воспроизведения фольклорного произведения). Одновременность исполнения и восприятия (способствующая осуществлению «обратной связи») сменяется разорванностью актов исполнения и восприятия» (Петрова Н., 2010, с.60).

Н.С. Петрова также отмечает, что медийные средства способны изменить не только аудиальные особенности фольклорного произведения (используя многоголосовое озвучивание, шумовые и музыкальные вставки), но идейное прочтение фольклорного произведения, осовременивая проблематику» (Петрова Н., 2010, с. 63-64).

Рассуждая о проблемах экранного фольклоризма, Н.С. Петрова подчеркивает, что важнее обратить внимание на представление массового зрителя о традиционной культуре, чем на вопросы сходства и отличия от фольклорных прототипов. «Экранизация сказок, былин, – пишет она, – способствует появлению ряда специфических текстов «новой устности». По способам функционирования (например, в интернет), по художественным особенностям они являются постфольклорными образованиями, но действующие лица (точнее их имена) заимствуются из традиционного фольклора. При этом смысловое

наполнение образов может иметь мало общего с текстом источника» (Петрова Н., 2010, с. 65).

Тем не менее, очевиден тот факт, что в современных условиях фольклористика не может обходиться без широкого использования новых технологий на всех этапах объективации фольклорного текста: от фиксации, архивирования, систематизации, подготовки к изданию до реконструкции, как принципов традиционного песнопения и игры на инструментах, так и восстановления вербальных текстов и инструментальных наигрышей, историй их возникновения и особенностей функционирования.

В практике адыгских фольклористов использование новых технологий пока еще явление редкое, но все чаще оно становится частью полевого инструментария. Первые видеоматериалы были собраны сотрудниками АРИГИ в 1998 г., Центром адыговедения АГУ с конца 90-х годов XX столетия и начала двухтысячных, во время фольклорно-этнографических экспедиций в Турции, среди соотечественников, оказавшихся за рубежом в результате столетней Кавказской войны и изгнания адыгов (черкесов) с их земель. В экспедиционной практике М.М. Паштовой диктофон, видеокамера и современный телефон с видеорежимом стали основными средствами фиксации фольклорно-этнографических материалов в местах компактного проживания адыгов как в России, так и за рубежом. Ею сделаны интересные наблюдения и выводы в результате сопоставления своих видеозаписей и аудиоматериалов, десятилетиями ранее собранных на одних и тех же локальных территориях (в аулах Карачаево-Черкессии, виллаета Кайсери в Турции) (Паштова М., 2013; Паштова М., 2020).

Современные технические средства (видеокамера, диктофон, телефон с аудио и видеорежимом) применяются и в нашей практике. Наши коллекции фольклорных текстов в подавляющей части зафиксированы на диктофоне. Информанты, с которыми мы работали относительно долго (к примеру, Р.Хачецукова), сняты на цифровое видео и одновременно записаны на диктофоне. Некоторые сеансы записи являются повторными. И все это перенесено

на компьютер. В результате камеральной обработки наших записей, как это показано во II.2 главе, составлен компьютерный каталог, создана локальная база данных, состоящая из 300 единиц записей.

Как отмечает Е.А. Самоделова, современная текстология фольклора практически невозможна без полевых экспериментов и многомерных фиксаций фольклорных жанров разными техническими средствами; без сопоставления видеозаписей с аудиофиксациями и данными обычных экспедиционных дневников» (Самоделова Е., 2020, с. 386).

3.1. История создания, структура архива и принципы формирования многоуровневого электронного ресурса Центра адыговедения и адыгейской филологии отдела филологии НИИ комплексных проблем АГУ

Для описания принципов формирования многоуровневого электронного ресурса интерес представляет опыт Центра адыговедения НИИ КП АГУ. Возникший сначала как научная лаборатория при кафедре истории и культуры адыгов, затем как структурная единица НИИ комплексных проблем АГУ, он функционирует с 2000 года.

Научной базой Центра адыговедения являются фольклорно-этнографические материалы 5 экспедиций в Турции (1997-2005 гг.), и ряд частных архивов, переданных в фонд центра, материалы которых исчисляются сотнями единиц хранения.

Со дня основания Центра в качестве основных определены следующие задачи:

- фундаментальное исследование, энциклопедическое описание этнической культуры адыгов и публикация результатов исследований;
- создание систематизированной научной информационной базы;
- работа по введению в специальность одаренных студентов и аспирантов;
- внедрение результатов исследований в образовательный процесс через разработку учебно-методических комплексов по адыговедческим дисциплинам.

Вся научно-исследовательская деятельность Центра адыговедения реализуется прежде всего на адыгском языке, что способствует интенсивному терминообразованию и формированию его научной лексики. За 20 лет изданы десятки статей, книг, академических сборников фольклорных текстов, монографий, сборников материалов международных научных конференций, 17 вы-

пусков научного журнала «Псаль» («Слово»), учебно-методические пособия по адыгскому фольклору, истории, культуре, комплект учебников по «Адыгэ хабзэ» («Адыгский образ жизни») для 1-9 классов общеобразовательных школ.

Особый интерес представляют долгосрочные проекты, выполняемые Центром на базе архива вместе со студентами и аспирантами факультета адыгейской филологии и культуры. Один из них – электронный многоуровневый энциклопедический адыго-русский глоссарий, который находится в стадии разработки. Лингвистический корпус предполагается сделать общедоступной базой данных в форме единого интернет-портала. В нем будет аккумулироваться адыгская лексика в новом формате отраслевого терминологического электронного энциклопедического словаря. Основу его составят накопленные до настоящего времени в адыговедении лексические материалы, исследования по языку, фольклору, истории и этнографии адыгов, и различные типы словарей. Формирование глоссария, структурированного не в алфавитном порядке, а гнездовым способом по сферам жизнедеятельности человека, ведется методом структурно-функционального анализа.

Другой долгосрочный проект Центра адыговедения – «Фольклор одного аула». Он разрабатывается студентами и аспирантами. Опорными обозначены три аула Республики Адыгея: Хачемзий, Габукай и Егерухай. В ауле Хачемзий в результате предварительных разведывательных поисков удалось записать более тридцати единиц фольклорных текстов, выявить имена нескольких потенциальных информантов и их основной репертуар. Из собранного материала наибольший интерес представили:

- история аула, многие факты которой обнаружены впервые (информант Мамишев Аскарбий);
- несколько женских песен-сетований из фольклора лабинских кабардинцев, адаптированных к темиргоевской исполнительской традиции;
- ряд сказок небылиц об охотнике Сафербие Даурове. В фольклоре адыгов жанр сказок-небылиц достаточно устойчивый и распространенный. Однако сказочные сюжеты, главным героем которых является сам рассказчик,

редки. И в этом смысле охотничьи байки, пересказанные Мамишевым Аскарбием от имени старого Сафербия, являются уникальной находкой, как по жанру, так и по форме исполнения;

- два варианта «Лабэ хэк1одагъэм игъыбз» (Песня-плач о Губжоковой Гошевной – девушке, утонувшей в реке Лабэ). Первый вариант данной песни зафиксирован на исследуемой территории (информант Лямов Лел). Второй – в ауле Уляп, где случилась трагедия (информант Ожев Аскарбий). Историю этого плача позже удалось записать в ауле Пшизов от известного сказителя Схакумидова Кима.

Сравнительный анализ двух вариантов «Плача о Гошевной» позволил выявить как универсальные, так и специфические особенности песни-плача: во-первых, оба варианта сохранили гибзовую (плачевую) форму (использованы традиционные эксперссивные формулы типа «*мыгъо, гуц*» в значении «о горе»); во-вторых, оба варианта песни-плача сочинены и исполняются от имени погибшей девушки. Это говорит о том, что традиционная адыгская отыменная песня является достаточно продуктивной формой сочинительства и для современного фольклора; в-третьих, записи различаются по полноте и количеству стрóf (Хачемзиевский вариант песни состоит из пяти музыкально-интонированных стрóf, уляпский – из семи). Сюжет, причина гибели, мотив поиска, обращение сочинителя с советами от имени героини песни к матери, к аульчанам, подругам-сверстницам являются общими для обеих версий. Вариативные колебания происходят на уровне системы образов, как музыкального, так и словесного текста.

Еще один пример из полевой практики в рамках проектов Центра адыгovedения. В начале 2000 г. в ауле Габукай обнаружен уникальный сказочник Мухтар Сташ. Одна сказка из его репертуара называется «*Ауштырхъаным ыпхъу бжъэдыгъу хъаным къызэрэфыхъыгъэр*» («Как похитили дочь Астраханского хана для бжедугского ханыча»). Данная сказка специально была записана дважды с промежутком в 2 года. При этом обнаружены ценные для фольклористики особенности мастерства Мухтара Сташа, в том числе умение

варьировать клишированные сказочные формулы.

Следует сказать об одной уникальной рукописной коллекции фольклорно-этнографических материалов, находящейся в кабинете научного наследия профессора З.И. Керашевой. Она собиралась десятилетиями студентами-филологами, начиная с 50-х годов XX столетия. В ней насчитываются тысячи единиц хранения. Интерес для нас представляют фольклорные тексты. Так, уникальным является вариант текста из нартского эпоса «Къуныуд ипщыналь» («Балладная песнь о Куныуде»), записанный в 1959 году от Ахмеда Почешхова, который до недавнего времени был единственным. Второй (песенный) вариант этого пшинатля обнаружен в Турции в 1999 году (Фольклор адыгов Турции, 2004.).

Поиск звуковых аналогов вышеназванных рукописных текстов составляет одну из задач, решаемых в Центре адыговедения.

Таким образом, разрабатываемые в Центре адыговедения проекты (в особенности те, основу которых составляет фольклор), нацелены на формирование двух электронных баз: лексической и фольклорной.

Более подробно остановимся на принципах построения **электронной базы данных по фольклору**. Описанию того, как построена и работает подобная база на материале фольклора адыгов Турции, посвящены публикации Р.Б. Унароковой и Р.С. Дауровой (Унарокова Р., Даурова Р., 2010; 2012). Электронная база «ориентирована на решение двух основных проблем: оптимизацию хранения архивных материалов и доступа к ним, а также осуществление научно-исследовательских и педагогических задач на материале базы. Работа над созданием столь сложной многоуровневой информационной системы требует не только теоретического обоснования, но и необходимой технологической поддержки» (Унарокова Р., Даурова Р., 2012, с. 87). Авторы указывают, что «разработана форма унифицированного описания единицы хранения, включающая информацию о месте, времени записи, исполнителе, собирателе, в том числе – блок данных о самом тексте: о жанровой принадлежности, сюжетных мотивах, качественных свойствах, в которых, в частности, указывают-

ся формы хранения (текстовая, звуковая, коллекция фотографий), информация о полноте текста, библиографические данные (если текст опубликован), номер основного фонда хранения» (там же, с. 88).

Формированию данной систематизированной научной информационной базы предшествовало создание **электронного учебника по песенной культуре адыгов** для студентов и аспирантов факультета адыгейской филологии и культуры Адыгейского государственного университета. В его структуру включены словесные и музыкальные тексты, а также краткий толковый словарь, фото- видеоматериалы об информантах и собирателях, конспекты лекций, отрывки из соответствующих фольклористических работ, аудиорассказы об истории песен. Работа над ним стала своеобразным подготовительным этапом для создания более расширенной информационной системы – вышеназванной **электронной базы данных**. В нее вошли все разработки, осуществленные Центром по фольклору адыгов Турции, в том числе словесные тексты (расшифровки), звуковые файлы, аннотированный указатель сюжетных мотивов фольклора адыгской диаспоры Турции.

Фольклор адыгов Турции представлен в базе следующими жанровыми циклами: сказочная и несказочная проза; историко-героические песни о Русско-Кавказской войне; плачевые песни (гъыбзэ) об изгнании адыгов и сопромогающие их предания; песни-сетования, сочиненные на чужбине; фамильные истории в форме смеховых прений; смеховая поэзия.

В двух обрядовых циклах (свадебном и детском) обнаружено множество ситуативных, кинетических, поэтических особенностей. Часть из них традиционная, другая – не имеет аналогов в системе обрядовой культуры адыгов и классифицируется как заимствованная. В контексте этих обрядов особую значимость представляют песни типа *лъэтегъэуцо орэд* (песня первого шага ребенка) и *нысэепчь орэд* (песни невесты), регламентирующие систему ролевых отношений в семье.

Коллекция фольклора адыгов Турции в базе данных распределена на три блока: текстовый, звуковой и фотоблок. Звуковой блок составил 1800 единиц

из 236 оцифрованных кассет. В текстовый блок заложены компьютерные версии опубликованных в сборнике «Тыркуем ис адыгэхэр. Ёрлуатэр» (Фольклор адыгов Турции, Майкоп, 2004), а также 1000 единиц, расшифрованных текстов из турецкой экспедиции 2005 года, 220 текстов из частных рукописных архивов, переданных в Центр адыговедения собирателями из среды адыгов Турции. Данные тексты не вошли в вышеназванный сборник, они были расшифрованы после публикации книги.

Поиск в базе задается по названию жанров, именам информантов и собирателей, месту и году записи, а также, по ключевым словам, к которым относится научная и народная терминология, названия текстов и их вариантов. Так, зафиксированная в Турции песня «Емышч чэпэжь» («Возвышенность Емышца»), на исторической родине известна как «Борэжь итхъаусых» («Сетования старого Бору»). Следовательно, ключевыми словами для поиска определены оба названия.

В блоках данных, связанных с информантами, собирателями, местами функционирования фольклора и с единицами текста поиск ведется через имена. Фотоблок состоит из портретов информантов и репортажных фотографий, снятых в местах записи. Вход в электронную базу состоит из трех ступеней: ввод данных, сама информационная база, где осуществляется поисковая работа, и отчеты (см. таблицу).

Ввод данных делится на ряд файлов: жанры, справка об информантах – место записи, год записи, информация о публикациях, комментарии к текстам. В файле «о жанрах» – 7 жанровых групп, внутри которых выделено 38 жанров и жанровых форм. К каждому жанру подключены текстовые и звуковые файлы, с которых можно переходить к подробному описанию сюжетных мотивов. В файле об информантах содержатся паспортные данные, фотографии, репертуарный список исполнителя, биографическая справка. С этого файла также есть возможность перехода на текстовый и звуковой файлы, содержащие интервью со сказителем и исполненные им фольклорные произведения.

На странице, где обозначено место записи находится контурная карта Турции с отмеченными местами компактного проживания адыгов. Здесь же можно найти информацию о времени записи, историко-этнографическую справку о населенном пункте. Отдельно выделен год проведения экспедиции с информацией об участниках и характеристикой собранного материала. Выделена информация и о публикации фольклорных текстов, сопровождаемая указателем библиографических данных и демонстрацией обложки книги. В файле, где расположены песни и сопроводительные истории, дополнительно помещены аннотация, паспортные данные об информанте, инвентарный номер.

В автоматическом режиме база накапливает список фольклорных текстов по названиям, а также именам информантов, собирателей, главных героев песен. По ним можно составить и изучать фольклорный ономастикон, функционирующий в среде черкесов Турции. Так, в базе выделены 176 антропонимов – имен информантов: *Афэшлыжь Амин, Жэнэл Айцэ, Бырс Даут*; имена собирателей (11): *Хыдзэл Хъазыр, Цурымт Музэфэр, Тхъагъэзит Рафик*; имена главных героев (151): *Хъатх Мыхъамэт, Даур Джамболэт, Тыкэр, Джаврые, Жъыу Жъансурэт, Шэныбэ Бабыц, Шыбзыхъо Гуагу и др.*; топонимы (17): *Истамбыл, Къайсэр, Пазарсу, Рихъание, Емыш чэпэжъ*.

Определенный интерес представляет культурно-историческая информация, заложенная в ономастиконе базы. Так, в данных о месте записи фольклорного текста часть ключевых слов-ойконимов дается соответственно бытующему двойному (адыгскому и турецкому) называнию: Едэпсыкъуай – Демырджы, Мэхъошхъабл – Карлы, Къуймэ – Дуручай, Хъаклэмызхъабл – Измит, Къазыкхъохъаблэцлыкы – Куимджы, Шэрэлхъабл – Кеклюкой, Пщыжхъабл – Касапкой и т. д. Это говорит о том, что населенные пункты, которые были сформированы заселением изгнанных с Кавказа черкесов, имеют наряду с официальным турецким названием внутриэтническое адыгское, в соответствии либо с (суб)этнонимом (*Мэхъошхъабл* – селение махошевцев, *Хъаклуцухъабл* – селение хакучинцев, *Клэмгуехъабл* – селение темиргоевцев), либо с названием рода предводителя первопоселенцев (*Шагуджхъабл* – Квар-

тал (Хабль) Шагуджевых, *Шэрэлхьабл* – Шеретлевых, *Осмэнкой* – селение Османа, *Аслъанхьабл* – селение Аслановых), либо с названием оставленного на родине селения (*Шынджый* – Шинджий, *Гьобэкъуай* – Габукай, *Хьальэкъуай* – Гатлукай, *ХьакIэмзий* – Хачемзий). Для удобного поиска в электронную базу заложены оба топонима.

Ойконимы, не имеющие адыгской параллели, привязаны к названию более известного административного центра (города или района): *Елэмэ* – Анталия, *Эртурул* – Чорум, *Тофкой* – Бига, *Кайнар* – Кайсери и др.

В базе представлено несколько типов антропонимов:

- *исконно-адыгские фамилии* с компонентами *-шъхьэ-, -пэ-, -къо/-къу-, -й-, -лI-, -гьу* и т.п.: *Шъхьэлахьо* (Шхалахов), *Пэдыс* (Падис), *Бгъанэ* (**Бгане**), *Пщыпый* (Пшипий), *Хьаткъо* (Хатко), *Цэй* (Цей), *ХьорэлI* (Хоретль), *Шыбзыхьу* (Шебзухо), *Шэныб* (Шениб), *Льэцэрыкъу* (Тлецерук), *Шыгъэлыгьу* (Шигалиго), *Шэрэлыкьу* (Шеретлук) и т.д. имена: *Жьансурэт*, *Пэзад*, *Гоцэхьурай*, *Темыркъан*, *Хьасан*, *Мерэм*. К исконно адыгским антропонимам следует отнести имена, образованные по традиционной модели, но функционирующие исключительно в среде соотечественников за рубежом (в частности, Турции): *Гуфит* (свободное сердце), *Пэрыт* (первый, ведущий), *Псэфит* (Свободная душа), а также гидронимы, используемые в статусе антропонимов: *Лаба* (женское имя); *Кубан* (мужское имя).

- *раннезаимствованные* (до исхода адыгов в Османскую империю: а) связанные с исламом (*Хьаджхьусен*, *Исмахьил-эфэндыр*), б) с характерными корнями, являющимися маркерами высокого социального статуса: *-мырзэ-, -бэч-, -бый, -чэрый, -хъан-* (*Гоцхъан*, *Аслъанчэрый*, *Долчэрый*, *Хьасанбый*, *Мызэбэч*);

- *позднезаимствованные* (после переселения – вторая половина XIX в.): *Илхьам*, *Хьусни*, *Перихъан*, *Эшрэф*, *Нурэттин*, *Лукъмэн*, *Кираз*, *Бахьые*, *Басри*, *Озджан*, *Суат*, *Нэзихьа*, *Зихьни*;

К ним также относятся имена, функционирующие на исторической родине, но несколько преобразованные *Фатие*, *Фатмэ* (*ФатIимэт*), *Зэхьрэ*

(*Зэхьрэт*), *Эммин* (*Амин*), *Хъусни* (*Хъусен*). Эта категория антропонимов занимает подавляющую часть ономастикона базы:

- *контаминированные (смешанные)* адыгские фамилии с турецкими именами: *Беданэкьо Семихья*, *Бгъуашэ Перихъан*, *Бастэ Назмие*, *Анцокьо Илхьям*, *Бэгугьо Зэхьирэ*, *Жэнэл Айщэ*, *Гусэрэкьо Нэфиз*, *Гъыц Гюльхьызар*, *Дэгумыкьо Фэузи* и др. Устойчивость такой модели говорит о большой сохранности фамилий при ускоренном заимствовании имен;
- *агентивные имена: ефэндыр, тхьаматэр, тетыр* (в зн.: «высокопоставленный»), *нахьыжъыр* (старший);
- *этнонимы, перешедшие* в разряд имен (прозвищ): *къэбэртаер*, *хьатыкьуаер*, *бжъэдыгъур*, *абазэр*, *абдзахэр* и т. д. К ним следует отнести имена, которыми адыги называют представителей других народов: *лъэпаку* (короткоштаный), *шъхьапхы* (с головной подвязкой) – это турки, *шъхьапльы* (красноголовые) – кызылбаши, а также имена, образованные от ойконимов *хэусаер*, *осмэнкойр*, *елэмэр*, *хьальэкьуаер*, иногда к подобным именам прибавляют турецкий суффикс *-лы*, что означает *из такого-то места: тофкойлы, токатлы, кайсерлы, бигэлы* и т. д.

Вышеперечисленные электронные продукты позволяют приступить к разработке принципов создания полнотекстовой электронной базы данных ЦА АГУ, где будут размещены все фольклорно-этнографические и исторические материалы, как рукописные, так и звуковые, хранящиеся в архиве Центра. Данная база явится сложной многоуровневой информационной системой. Предполагается, что электронная база ЦА АГУ будет состоять из двух основных блоков: фольклорный фонд и историко-этнографический фонд. База данных призвана оптимизировать хранение архивных материалов и доступ к ним. Для этих целей на основе автоматизированной информационно-поисковой системы «Русский музыкально-поэтический фольклор» нами создана специальная программа, обеспечивающая фиксацию, хранение и воспроизведение данных, заложенных в ней, разработана форма описания единицы хранения. Предметом нашего интереса является фольклорный фонд данной

базы. База будет состоять из трех блоков: текстового, звукового и фотоблока. Меню каждого из этих блоков также состоит из трех частей: вход в электронную базу, собственно информационная база и отчеты.

Предполагается, что основные тексты будут подстрочно переведены. Это позволит расширить возможности пользователей. В фольклорную электронную базу данных ЦА АГУ мы также представили свою коллекцию текстов, которую формировали в течение нескольких лет. Основная часть текстов была зафиксирована во время работы над данной диссертацией (см. об этом во II главе).

Как показало наше исследование, с помощью электронной базы возможно решать разнообразные научные задачи. В том числе: формирование репертуара одного сказителя, определение его исполнительской специфики; поиск и составление географии функционирования отдельно взятого текста/жанра, исследование диалектных и локальных особенностей текстов и т.д. Впоследствии данная база может стать полноценным комплексным ресурсом для студентов и специалистов самого широкого профиля.

3.2. Специфика применения новых технологий в восстановлении и исследовании фольклорных текстов

Изучение специфики традиционного песнопения, игры на народных инструментах является одной из актуальных проблем современного фольклористического адыговедения. Для ее оптимального решения на современном этапе стали использоваться новые технологии. В рамках нашей диссертационной работы в качестве эксперимента мы попытались использовать IT-технологии для улучшения качества старых архивных звукозаписей, песен и разного типа наигрышей (обрядовых и танцевальных).

На материале известных в адыгской фольклористике «лондонской» и «французской» коллекции звукозаписей народных песен нам удалось восстановить несколько вербальных и музыкально-инструментальных текстов, а также реконструировать отдельные принципы традиционно-фольклорного исполнительского искусства.

Данные коллекции, как мы отмечали ранее, «являются одними из первых образцов звуковой фиксации черкесского (адыгского) фольклора, которые были произведены английскими звукоинженерами компании «Граммофон» и агентами французской звукозаписывающей фирмы «Патте» в период с 1911 – 1913 гг.» (Унарокова Р., Нагароков К., 2018, с. 181). Долгое время адыговедческая наука не знала о существовании подобных архивов. Лишь в 1999 году профессор А.Н. Соколова вернула в Адыгею лондонский архив. Спустя 10 лет французскую коллекцию мы перезаписали с интернет портала национальной библиотеки Франции – gallica.bnf.fr.

О вышеназванных коллекциях опубликован ряд статей (Унарокова Р., 2010; Нагароков К., 2018). Несколько песен из этой коллекции восстановлено нами. Работу по восстановлению текстов предваряло составление каталожного списка обеих коллекций (74 единицы).

В отличие от «лондонской», где используется музыкальный инструмент – гармонь, во «французской» коллекции и песни, и наигрыши исполняются

асарелла. Факт того, что обе коллекции записаны ансамблем Магамета Хагауджа, подтверждается музыковедом А.Н. Соколовой (Соколова А., 2014, с. 126). Причину отсутствия музыкального инструмента во французских записях выяснить не удалось. Однако следует заметить, что исполнение танцевальных мелодий асарелла на сегодняшний день для адыгов явление редкое, но традиционное. Оно имело место в культуре повседневности, возникая спонтанно. Свидетельство тому – сохранившийся в адыгском языке термин «жэтыцын» (досл.: рот+музыкальный инструмент), т.е. исполнение мелодии асарелла с помощью голоса и несмыслонесущих лексем или отдельных строф-попевок. Возможно, при записи французской коллекции по неизвестным причинам (музыкальный инструмент вышел из строя или его вовсе не было) ансамбль воспользовался этим народным способом музыкального сопровождения.

В качестве эксперимента мы решили переложить некоторые из мелодий, звучащих асарелла, на один из адыгских инструментов. Для этой цели из французской коллекции мы выбрали танцевальную мелодию «Гоцэ орэд» («Песня княжны»), которая исполняется только голосом, без музыкального инструмента. Солист запекает основную партию, состоящую из несмыслонесущих лексем, через некоторое время подхватывают хористы, далее в наигрыш вкрапливаются благодарственные реплики и благопожелания джегуако в адрес музыкантов, аудитории, танцоров, и это многократно повторяется. Данную мелодию мы переложили уже в новом формате с использованием камыля – адыгской продольной флейты, строго следуя правилам традиционной игры на ней (Нагароков К., 2021, с. 146; архив ЦА АГУ – К. 482).

Для исследования исполнительской специфики мы воспользовались расшифровками звукозаписей лондонской и французской коллекций. Разумеется, они производились в контексте фольклорной вариативности: распознавались «темные места» текстов, сравнивались с известными, ранее опубликованными или архивными вариантами песен и инструментальных наигрышей. Анализ данных музыкальных текстов показал, что по сложности структуры 14 мелодий из «лондонской» коллекции являются разнотипными: 8 единиц мож-

но отнести к разряду повышенной сложности, где кроме основной музыкальной линии звучат две-три песенные строфы, чередующиеся с *жъыу* (подголоском), с использованием слов не несущих смысла; ударные инструменты (*пхъэкIыч* – трещотки или стук двух палок), а также импровизации джегуако и хатяко (*джэгуако* – народный песнетворец и организатор обрядовых игрищ, *хъатыако* – распорядитель игрищ) (Унарокова Р., 2013, с. 89).

Техническое состояние данных записей долгое время не позволяло адекватно переносить вербальную часть на бумажные носители. Впоследствии, благодаря цифровым технологиям, удалось расшифровать семь песен из «лондонской», 20 – из «французской».

При сравнительно-сопоставительном анализе двух коллекций мы обнаружили, что совпадают лишь пять песен – две женские плачевые песни «Хъымсад» («Хымсад») и «Гощэгъэгъ» («Гошегаг»), исторические песни «ПцэнтхъалIэкъомэ яорэд» (Песня Пцентхаловых), «ЛIыбэ орэд» («Песнь о многих мужах»), а также героическая песня времен Кавказской войны «Къэбэртаем ячэштеу» («Песня о кабардинском ночном нападении»). Некоторые незначительные различия вербальных текстов касаются композиционной и внутритекстовой структуры.

В рамках исследования наше внимание сосредоточилось на изучении истории записи «французской» коллекции, адекватной расшифровке песен, реконструкции на основе ее материалов особых приемов и принципов традиционного адыгского песнопения. На интернет-портале, где мы обнаружили коллекцию, нет сопроводительных документов, по которым можно было бы идентифицировать исполнителей. Они обобщенно названы «Черкесским хором». Мы связались с представителями национальной библиотеки Франции, группой «Галлика». По их информации есть кавказский каталог, насчитывающий 344 единицы звукозаписи. Их произвел на дочернем предприятии компании «Pathe» инженер из Лондона Томас Джон Теобальд Нобл (1888–1974). В 1911–1912 гг. его группа проехала по маршруту Армавир – Владикавказ; через

Кавказские горы автомобильной дорогой в Тифлис, Баку; через Каспийское море – Красноводск, Ашхабад, Мерв, Бухара, Самарканд, Хоканд, Ташкент.

Поиски истории «французской» звукозаписи в настоящее время нами продолжаются, уточняются сведения об участниках ансамбля.

Определенную сложность составило адекватное распознавание вербальных текстов. Приходилось десятки раз прослушивать, замедляя скорость воспроизведения, чтобы максимально точно усвоить не только слова, но и манеру исполнения, тип подголоска (*жъыу*). Можно сравнить два варианта расшифровки песни «Къэбэртаемэ ячэщтеу» («Песнь о ночном нападении кабардинцев»).

Поиск вариантов данного текста в архивах, в публикациях и сравнительный анализ с найденными версиями помогли расшифровать лишь 50% текста (это более 40 лексем). В течение нескольких месяцев, после многократных прослушиваний песни, нам удалось распознать почти весь текст. Вариант, восстановленный в результате поисков с применением цифровых программ распознавания, составил 88 словоупотреблений, из которых несколько остались не совсем ясными. Но даже этого достаточно, чтобы отметить оригинальность данного варианта в сравнении с ранее опубликованными (НПИНА, т. III, 225-250).

На расшифровку других песен затратилось меньше усилий, но некоторые из них в плане исполнительской традиции оказались более сложными. Можно указать на такие песни как «Песнь о Гошегаг», «Песнь о Болотокове Карбече».

В традиционной культуре песни и наигрыши заучивались как известно, по привычной модели – на слух, от учителя к ученику, от исполнителя к слушателю. В нашем случае (мы имеем в виду экспериментальную практику реконструкции традиционных методов песнопения), как и в случае фольклорных ансамблей «репродуцирующего» типа – при многократном прослушивании аудиозаписи. Такой подход стал основой нашей деятельности по реинкорпорации традиционного песнопения в современное культурное пространство.

Наши попытки актуализировать на основе указанных архивных источников аутентичный стиль адыгской народной песни привели к необходимости соблюдения ряда критериев при овладении специфическими певческими элементами этого стиля.

Включение 20 адыгских народных песен из «французской» коллекции в свой певческий репертуар открыло широкие возможности в усвоении механизмов адыгского традиционного песнопения. Работая над восстановлением принципов и методов традиционного песнопения, игры на инструментах, а также расшифровывая и устраняя «темные» места в вербальных текстах мы сосредоточили внимание на исследовании особенностей фольклорной поэтики, типов варьирования, в том числе внутритекстовых. В совокупности это помогло нам выработать методику распознавания как вербальной составляющей песни, так и специфики исполнительской традиции адыгской песни и инструментальных наигрышей.

В частности, во «французской» коллекции мы обнаружили одну сложную, но уникальную форму традиционного исполнения песни. Ее параметры отчетливее выявилась в «Песне Атабия Ечаноко и Дагужия Куйцуко». Здесь органично переплетены две партии подголоска и партия запевалы. В данной песне осуществляется попеременное исполнение основного текста (музыкального и вербального): сначала вступает запевала, через некоторое время – первый подголосок (*жъыу пац*), на третьем этапе несколько человек подхватывают партию вторых подголосков (*жъыу клацэхэр*). На кульминационном отрезке песни все исполнители поют одновременно, затем «уходит» запевала, через некоторое время – первый подголосок, в последнюю очередь – вторые подголоски. На концевой ноте последних снова вступает запевала и все повторяется вновь. Подобная форма адыгского традиционного песнопения впервые так ярко и так четко прозвучала во «французской» коллекции.

Данный стиль народного песнопения ранее не исследовался. По сей день не изучены ни структура, ни принципы сочетания партий запева и подголосков, ни сам институт народного песнопения. Существуют лишь отдельные ра-

боты об особенностях подголоска «*жъыу/ежъу*», о его взаимосвязи с поэтическим текстом (Ашхотов Б., 2002, с. 90 –103, 111-127; Блаева Т., 1990, с. 102-109), об исполнителях в контексте института джегуако (Налоев З., 2011). Между тем еще в 80-х годах XX столетия Р.Б. Унароковой была зафиксирована и введена в научный оборот информация о вышеупомянутой форме адыгского традиционного песнопения от известного сказителя Туркубия Джаримока (а. Джиджихабль, Теучежский р-н). На магнитную ленту было записано как на примере песни о Магамете Хатхе информант «продемонстрировал» механизм модели песнопения, детально описывая роли исполнителей, начиная от «ключевой» фигуры – «дирижера» или корифея, знатока фольклора и признанного в данном хачецевом пространстве исполнителя (им мог быть запевала, или первый подголосок – *жъыу пац*), заканчивая местоположением каждого из участников ансамбля и способом регуляции их функций. Т. Джаримок акцентировал внимание на пальцах правой руки, являвшихся инструментом дирижирования (Унэрэкьо Р., 1998, с. 216–219; ЦА АГУ, К. 201, д.12-16). Данная информация до сих пор оставалась научным фактом и не становилась ни объектом дальнейшего исследования, ни предметом реконструкции столь древней, почти забытой, но одновременно удивительной формы народного песнопения. По этой форме нами реконструированы и произведены записи 7 песен. При этом нами использованы возможности IT-технологий, в частности, прием наложения звуковых партий запевалы и подголосков, выполненных собственным голосом по компьютерной программе Audacity.

Параллельно с распознаванием «темных мест» в текстах народных песен, расшифровкой их с электронных носителей и включением в свой репертуар нами реконструируются способы традиционной игры на адыгских музыкальных инструментах – камыле и шичепщине. Наибольший интерес для нас представляет музыка, исполняемая на открытой продольной флейте – камыле, описание истории фиксации, хранения, способов распознавания и реконструкции аутентичного стиля архивных камылевых наигрышей. По сравнению с другими фольклорными жанрами, аудиозаписей на камыле, произведенных в

прошлом столетии сохранилось мало. Это связано с тем, что в начале XX века количество камыляпшей (мастеров игры на инструменте) сильно сократилось. Еще в 30-х гг. была предпринята попытка возрождения и распространения этого инструмента в быту адыгов. На тот период инициатором этого процесса был начальник управления культуры Адыгейской автономной области, впоследствии известный писатель Ибрагим Цей. Однако, до конца 90-х годов XX столетия не удалось возродить ни былую славу этого инструмента, ни исполнительские традиции.

В условиях современности искусство игры на камыле, также, как и на других адыгских народных инструментах, вновь возрождается. Усилиями мастера-исследователя Замудина Гучева и его учеников данный инструмент возвращается в современное культурное пространство. Почти забытыми оказались как сама исполнительская традиция на камыле, так и образцы мелодий. Единицы наигрышей на камыле обнаружались в фоноархивах. Сохранилось лишь несколько пастушьих мелодий и обрядовых наигрышей, приуроченных к ритуалу поиска утопленника, исполнявшихся только на камыле. Десятки камылевых танцевальных мелодий, бытовавших в свадебном обряде, оказались почти не зафиксированными.

В процессе работы над архивными материалами обнаружилось, что сложность полноценной реконструкции исполнительских приемов связана с техническим состоянием записей. В сохранившихся аудиотекстах присутствует много шума и лишних звуков. Как показала практика, многократное прослушивание не дает требуемых результатов. Мы применили метод сравнения одних и тех же мелодий, записанных от разных исполнителей на разных инструментах, и наоборот – разных мелодий, записанных от одного и того же исполнителя. Только таким образом удалось восстановить особенности игры на камыле и в данном ключе научиться играть мелодии, имеющиеся в записи, а также перекладывать на камыль произведения, исполняемые на других инструментах или асаpella.

В качестве эмпирического материала нами использованы аудиозаписи, сделанные англичанами и французами в 1911-1913 годах и редкие наигрыши, зафиксированные в советское время в 50-70-х годах (в 1949 году А. Шортанов записал известных камыляпша Гуатыжа Темзокова, Тугужа Арданова, Хасана Челебиева).

Свод восстановленных наигрышей на камыле осуществлялся с учетом хачецевской традиции, в которой наиболее престижным считается индивидуальный подход к выбору «украшений» мелодии в рамках аутентичного стиля. В 1979 году известным фольклористом Зарамуком Кардангушевым был записан один наигрыш от известного камыляпша Алисаха Кушхова, который всю сознательную жизнь был чабаном. Данной мелодией Алисах выводил отару на пастбище. Наигрыш так и называется «*Мэлегъэжъэ орэд*» («Песня вывода отары на пастбище»), который мы заново исполнили на камыле. Расшифровка звукозаписей производилась в контексте фольклорной вариативности, в сравнении их с архивными вариантами инструментальных наигрышей.

В контексте специфики фиксации полевых материалов в современных условиях интерес представляют записи *зачиров* – мусульманских духовных стихов. В архивах Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований, научно-исследовательского института Кабардино-Балкарии, Центра адыговедения АГУ хранятся сотни текстов зачиров. Большая часть из них собрана после 90-х гг. XX века, когда появилась возможность записывать тексты религиозного содержания, ранее относимые к идеологически «нежелательным». Из архивных материалов опубликована лишь малая часть. Можно указать на коллекцию зачиров (33 текста), изданную З. М. Налоевым (Адыгэ зэчырхэр, 2010).

В ходе собирательской работы в 2012 году в ауле Хакуринохабль нами записано более 100 единиц зачиров в исполнении группы женщин 60 – 80 лет. В записях есть повторы текстов, так как запевалой выступали разные исполнительницы. Вместе с аудиозаписями удалось снять и видеоматериалы. Основными исполнителями выступили Сара Сиюхова, Зурет Едыгова, Галимет

Коблева. Во время записи по указанию старших исполнительниц менялись запевалы. При этом обязательным условием являлось качественное исполнение зачиров.

В течение шести лет проведено около десяти сеансов записи, последняя – в июне 2018 года. При сравнении оказалось, что ансамбль сократился вдвое (вначале в группе было 20 исполнительниц, а в 2018 – собиралось не более 10 человек). Это говорит о снижении в современных условиях престижности участия в мусульманском песнопении.

Во время работы с хакуринохабльским ансамблем нам удалось не только записать зачиры, но и принять участие в их исполнении. Таким образом, удалось выступить не только в роли наблюдателя, но и участника ритуальных песнопений, иногда – в качестве запевалы, обретая навыки исполнительского мастерства, отличающегося от раннетрадиционного.

Во время записей выявлены некоторые ритуальные предписания. Так, после исполнения зачиров следует помолиться за благополучие присутствующих и родственников. Как правило, это делается главным запевалой зачира.

Нами обнаружен один из популярных зачиров «Тхьальэ1у зэчыр» (дословно – ‘молитва-зачир’), сочиненный в 90-х годах XX столетия. Он обращен к современникам с наставлениями «вернуться к Богу». В нем также повествуется о тяготах верующих, во времена, когда служители мусульманской религии жестоко преследовались, подвергались репрессиям. Зачир «Мархьабая» («Приветствую») исполняется на моулидах, в начале торжеств, а зачир «Амин, Амин, я Аллахь» исполняется только на похоронах, у изголовья покойного.

Таким образом, исследуя современное состояние мусульманской духовной поэзии, функционирующей среди адыгов, нам пришлось обратить особое внимание на способы фиксации текстов зачиров, которые отличаются от старинной адыгской хачецевой песни, а также на их систематизацию и хранение.

Методом включенного наблюдения и апробации форм исполнения зачиров мы попытались исследовать исполнительскую традицию мусульманской духовной поэзии. Зачир обычно предполагает групповое исполнение. Однако

оно отличается от традиционного ансамблевого исполнения нерелигиозных жанров. Смыслонесущая строфа поётся в них одним человеком (условным солистом), а остальные пропевают рефрены. Зачир поётся хором без подголоска (традиционного антифонного *жъыу*). При этом выделяются главный и второстепенные голоса, не выходящие на первый план. В аулах Республики Адыгея формируются группы поющих зачиры относительно постоянным составом. Обычно «главный» голос при исполнении достаётся поющему наиболее воодушевлённо, эмоционально и уверенно. Кроме религиозной грамотности и авторитета учитываются исполнительские навыки, вокальные данные. Логика объединения исполнителей зачиров в группу напоминает, как ранее джегуако (адыгские музыканты – профессиональные носители фольклора) собирали вокруг себя постоянный ансамбль для сопровождения. Возможно, это ещё одна деталь, перешедшая из более архаичных в сравнительно новый фольклорный феномен.

Одна из особенностей зачиров, функционирующих в адыгской среде – смешение устной и письменной традиций. Обычно информанты знают тексты зачиров наизусть. Но если традиционная хачещевая песня всегда исполняется по памяти, а чтение «с листа» считается недопустимым, то с зачиром ситуация обратная: тексты записываются в тетрадь, которую используют при каждом групповом исполнении. Основная причина, по которой тексты зачиров фиксируются письменно – мнемоническая. Наряду с этим исполнительницы считают важным при групповом пении следовать сакральному тексту без изменений и отступлений, синхронно. Это результат в том числе установок канонической исламской культуры, которая в целом неодобрительно относится к разного рода нововведениям. Влияние религиозной догматики и письменной культуры на специфику исполнения зачиров этим не ограничивается. Рукописные тетради с текстами духовных песен сами по себе приобретают сакральное значение. Они, подобно культовым атрибутам, старательно оберегаются от возможных повреждений, их хранят в недоступном для детей месте, тетради нежелательно демонстрировать неверующим. Сакрализуется и сам процесс чтения-

исполнения. Возможно, народное сознание перенесло некоторые функции Корана на письменные артефакты, содержащие тексты религиозного характера.

Нами скопирована подобная тетрадь у одной из главных исполнительниц зачиров Галимет Коблевой. В ней оказалось около 100 единиц текстов, половина из которых – короткие суры из Корана и молитвы на арабском языке с описаниями и комментариями, где и когда читать данную молитву. Другая половина состоит из зачиров и нажмов (предания о жизни пророка), 23 текста из них записаны на арабском, 25 – на адыгском. Наиболее полными являются зачиры, посвященные рождению и смерти пророка Мухаммеда (*Пегъэмбарым икъэхъук1, Пегъэмбарым ил1эныгъ*), где подробно описываются рождение, благие деяния, уход из жизни великого Пророка.

Как показало исследование, в эти тетради попадают также тексты нерелигиозного содержания, вернее сказать – опосредованно относящиеся к религии. Например, песни-плачи, песни-сетования, посвящённые священнослужителям, репрессированным в 20-х годах эфенди, а также трагическим событиям так называемого «красного террора», унесшего в 1918 году сотни мирных жителей аулов Адыгеи: Кошехабля, Габукая, Нешукая и других. Подобные песни оказываются в тетрадях благодаря своему большому духовному потенциалу, приближающему их к рассматриваемому жанру, а также благодаря тому, что слагались они как правило на те же мелодии, что и зачиры.

В настоящее время традиция исполнения зачиров сохраняется преимущественно женщинами преклонного возраста, в то время как в начале прошлого столетия зачир был преимущественно мужским жанром.

В начале 2000-х гг. в адыгском исполнительском пространстве появился коллектив, чье творчество воспринимается как своеобразная модель традиционного песнопения «репродуцирующего» типа. В исследовании принципов реконструкции мы также опирались на опыт ансамбля «Жъыу». Подробнее остановимся на анализе деятельности данного ансамбля.

«Жъыу» – фольклорно-этнографический ансамбль адыгского аутентичного песнопения и инструментальной музыки. Само слово «Жъыу» в адыг-

ском языке имеет два значения: рыцарский клич, призыв к совместному походу и подголосок, сопровождающий основную партию исполнения старинной песни. Название ансамбля означает клич, как объясняет его руководитель Замудин Гучев, призыв к совместному творчеству единомышленников на благо сохранения традиционного песнопения, что соответствует основной задаче коллектива.

Размышляя о деятельности ансамбля, фольклорист Мадина Паштова выделила такие параметры аутентики, как «аутентика текста – стиля – лада – темпа», при этом акцент сделан на аутентике стиля (Паштова М., 2008, с. 5-8).

«Жъыу» создан в 2005 году. Первые несколько лет он функционировал на факультете адыгейской филологии и культуры Адыгейского государственного университета. На базе «Жъыу» для первокурсников был организован практикум по эпическому песнопению. Самые активные студенты впоследствии стали известными в Республике Адыгея исполнителями фольклора. Студенты изучали репертуар «Жъыу», приобретали навыки традиционного песнопения, осмысливали тексты народных песен, осваивали принципы исполнения хохов – здравиц. Данные занятия являлись экспериментальным погружением студентов в пространство фольклорной культуры. Подобная форма работы способствовала максимальному приближению студентов к научному осмыслению проблем адыгской фольклористики.

Через творчество «Жъыу» прошло более сотни молодых людей, в основном – студенты, а также учащиеся фольклорного отделения Адыгейской республиканской школы искусств им. К.Х. Тлецерука и репатрианты из Турции, Сирии. Следует сказать, что студенты-репатрианты, не владевшие адыгским языком, сначала запели, освоили игру на шичепщине и камыле и только потом заговорили на родном языке.

Ныне сменилось три состава ансамбля. Постоянными участниками остаются Заур Нагоев, Рамазан Дауров и Казбек Нагароков.

На базе «Жъыу» и фольклорного отделения республиканской детской школы искусств (которое также организовано Замудином Гучевым) выросли

детский ансамбль «Тыжъын» (Серебро) и женский ансамбль «Акуанда» (руководитель кандидат филологических наук Марина Шхабацева, преподаватель фольклорного отделения АРДШИ, занимавшаяся практикой народного песнопения).

В репертуаре «Жъыу» около ста народных песен и инструментальных наигрышей. Треть из них – нартские эпические песни. Почти все они изъяты из архивов, где пролежали десятки лет. Изданы три CD альбома общим тиражом в 4000 экземпляров с приложениями текстов песен, комментариями на адыгском, русском, английском и турецком языках. «Жъыу» выступал в роли организатора и участника в 130 мероприятиях. Знаковыми событиями стали фестивали и другие мероприятия, такие как: «Древние песни Европы» (Люблин, Польша), «Многоголосье Кавказа» (Сочи), телепрограмма о «Жъыу» Сергея Старостина «Странствие музыканта», I Международный фестиваль по эпической песне «Горы вы, Кавказские» (Кисловодск). Вершина деятельности «Жъыу» – I региональный фестиваль «Нартские песни и наигрыши», состоявшийся в октябре 2016 года в Майкопе. В общей сложности он собрал более 100 участников – певцов и инструменталистов.

Для нас интерес представляет опыт погружения ансамбля «Жъыу» в традиционную культуру и реконструкции принципов народного песнопения. Со дня основания научно-информационной базой ансамбля являются фольклорно-этнографические архивы в основном сосредоточенные в Центре адыгведения Адыгейского государственного университета, а также частные архивы любителей старины, как из числа российских адыгов, так и зарубежных.

Поисками материалов, их расшифровкой, составлением репертуара, разработкой методики обучения исполнительскому искусству, просвещением участников ансамбля, погружением их в народную культуру, подготовкой CD-альбомов и программ выступлений занимаются как руководитель ансамбля, так и научные консультанты М. М. Паштова и Р.Б. Унарокова. Солисты ансамбля по уровню подготовленности являются еще и исследователями: сами занимаются поисковой работой, изготавливают инструменты, виртуозно иг-

рают на них, накапливают свои собственные архивы, выбирают, расшифровывают тексты песен и пополняют свой репертуар. В данном контексте следует указать и на наш опыт поиска и информационно-текстового восстановления адыгских песен и сопроводительных преданий.

Как отмечает Р.Б. Унарокова, «Жъыу» изначально разрушил общепринятое представление о сценическом исполнении адыгского фольклора, избрав программной целью возрождение исполнительских традиций в условиях хачеца (Унарокова Р., 2016). Хачец, как было сказано выше – это гостевой дом, мужской клуб, где создается атмосфера камерности, и аудитория является активным участником песнопения и комментирования текстов. В хачецевом пространстве функционировал живой фольклор, складывались исполнительские традиции, воспитывались поколения носителей фольклора. «Жъыу» работает согласно этой программе, предпочитая проводить встречи и концерты в камерной обстановке. Настоящей школой погружения в фольклор стали многочисленные встречи со знатоками традиционного песнопения, концерты хачеци, посвященные известным сказителям (Габидет Беретарь – 2006 г., Асланбечу Чичу – 2010 г.).

«Жъыу» пытается сохранять хачецевое пространство и тогда, когда выступает на больших сценах, специально выстраивая мизансцены: певцы садятся полукругом, каждый выбирает удобную позу, инструменты настраиваются по ходу, исполнители могут меняться местами, допускают вариативные «вольности» по отношению к тексту песни, смысловые паузы; в песнопение вплетаются комментарии, импровизируются диалоги с аудиторией и между собой – все это атрибуты неформального хачецевого исполнительства. Это можно назвать пением «для себя», а не «для других», как это требуется в академическом, сценическом исполнении. Хачецевое исполнение народной песни для участников ансамбля стало образом жизни (Унарокова Р., Паштова М., 2016).

Следует сказать, что все песни, исполняемые «Жъыу», максимально приближены к архивным оригиналам. Это одна из основных стратегических

установок ансамбля. Так, редчайший вариант песни о Шэбатныко в форме речитатива, зафиксированный в 40-х годах XX столетия от знаменитого певца-сказителя Зафеса Куваева, был воспроизведен Зауром Нагоевым и Казбеком Нагароковым, автором настоящего исследования. Сначала Заур восстановил эту песню, максимально повторяя манеру исполнения Зафеса Куваева, затем мы переняли у Заура его манеру исполнения.

Пшинатль о Пэтэрэзе в исполнении Рамазана Даурова – это вариант Аюба Туркава (а.Псейтук). Рамазан также один из уникальных исполнителей. Народное песнопение, игра на инструменте, изготовление своих же инструментов для него тоже стали образом жизни.

Песня о кузнеце нарте Худымыде – единственный сохранившийся вариант, зафиксированный в Турции, обнаружен и исполнен солистом «Жъыу» Эрханом Туркавом, репатриантом из Турции. Он родом из того же селения, где жил информант, и ретрансляцию текста в данном случае можно признать максимально близкой к традиции.

Из детского ансамбля «Тыжьын» (Серебро), спутника «Жъыу», выделились два уникальных исполнителя – это Дамир Гуагов и Гупса Паштова, которые стали дипломантами международных фестивалей эпической песни в Элисте, Казахстане, Кисловодске. За три-четыре года они научились не только петь, но и играть на традиционном адыгском двухструнном инструменте – шичепщине. Дамир Гуагов исполняет также вариант песни о Саусырыко, зафиксированный в 1949 году в Шапсугии.

Дамир и Гупса обрели не только свой почерк, но достигли определенного уровня внутренней свободы, свойственной народному исполнителю. Этому способствуют постоянные прослушивания аудиозаписей, как народных исполнителей, так и из репертуара «Жъыу», многочасовые самостоятельные занятия по игре на музыкальном инструменте. Это говорит о том, что эти юные дарования уже освоили основные уроки ансамбля «Жъыу» и погружены в фольклорную культуру.

Обобщая итоги работы ансамбля, Р.Б. Унарокова отмечает, что каждый, кто соприкоснулся с «Жъыу», научился не только петь в традиционном аутентичном стиле, но и слышать, внутренне сопереживать, постигать философию народной песни. «Жъыу» дал мощный импульс возрождению традиционной фольклорной культуры. Во многих местах компактного проживания адыгов, как в России, так и за рубежом, появились группы, подражающие «Жъыу», по его образцу созданы ансамбли. Через «Жъыу» многие возвращаются к своим истокам. Не менее важный результат – «Жъыу» воспитал слушателя, способного воспринимать традиционное песнопение, включаться в предлагаемый диалог с исполнителями, знать и понимать фольклорный текст и контекст и сопереживать услышанному. Постоянные участники ансамбля «Жъыу» стали хранителями адыгской фольклорной традиции (Унарокова Р., 2017). На исполнительских и исследовательских практиках ансамбля «Жъыу» основана в том числе и наша практическая работа по реинкорпорации архивных записей в современное культурное пространство.

Подводя итоги деятельности по реконструкции информативного и звукового качества фольклорных текстов, восстановления традиционных элементов адыгского песнопения и игры на народных инструментах, можно заключить, что экспериментальная работа с текстами песен и инструментальных наигрышей, накопление собственного архива способствовала обретению незаменимых знаний и опыта в исследовании традиционной культуры. В нашем репертуаре оказалось более 100 адыгских народных песен и наигрышей из «французской» и «лондонской» коллекций, а также из других государственных и частных архивов. В совокупности все это открыло широкие возможности в усвоении не только механизмов адыгского традиционного песнопения и игры на народных инструментах, но и в формировании исследовательского опыта и знаний в области полевой фольклористики и текстологии.

Немаловажная роль в данном процессе принадлежит IT-технологиям. Они применяются нами на всех этапах – от сбора полевого материала, расшифровок текстов, формирования собственного архива, поиска фольклорных

записей в Интернете, реконструкции певческих и инструментально-исполнительских методик, заканчивая созданием электронной коллекции записей своего репертуара.

Выводы. Таким образом, нами обобщены наблюдения в российских публикациях, относящиеся к проблемам разработки принципов и методов создания информационных систем, способов структурирования фольклорной информации и представления ее в форматах, обеспечивающих эффективный доступ к ней в рамках как локальной сети, так и глобальной.

На современном этапе цифровые технологии больше используются при создании CD-, DVD-приложений к монографиям, фольклорным сборникам, а также при создании специализированных сайтов.

Широко рассмотрен опыт Центра адыговедения НИИ КП АГУ по созданию многоуровневой электронной базы данных на основе фольклорного архива. Она ориентирована на решение преимущественно двух основных проблем: оптимизацию хранения архивных материалов и доступа к ним, а также осуществление научно-исследовательских и педагогических задач на материале базы.

Звуковое качество хранимых и воспроизводимых с научными целями архивных материалов – одна из очевидных и первостепенных практических задач применения IT-технологий в современной фольклористике. Решение этой задачи рассмотрено нами на оригинальном эмпирическом материале. Это аудиозаписи, произведенные британскими и французскими инженерами в 1911–1913 гг., а также звукозаписи 40–70-х годов прошлого века, хранящиеся в архивах АРИГИ, КБИГИ, Центра адыговедения НИИ КП АГУ и Адыгейской государственной телерадиокомпании (ГТРК «Адыгея»).

В процессе работы над архивными материалами обнаружилось, что сложность полноценного восстановления старых записей связана с их техническим состоянием. В имеющихся аудиотекстах присутствует много шума и лишних звуков. Сравнительный анализ одних и тех же песен и мелодий в разных исполнениях и на разных инструментах, и наоборот – разных мелодий

одного и того же исполнителя, способствовал выработке оптимальных вариантов методики восстановления.

Модель деятельности по «репродукции» традиционных песенных и музыкально-инструментальных текстов показана на примере работы ансамбля аутентичного песнопения и инструментальной музыки «Жъыу». В частности, исследована «аутентика стиля» исполнения народной песни, воспринятая коллективом «Жъыу», проанализирован репертуар, опыт погружения участников ансамбля в традиционную культуру, методику «воспитания» слушателя – хранителя адыгской фольклорной традиции.

В ходе работы над восстановлением текстовых и стилистических элементов традиционного песнопения и инструментального музицирования, впервые с помощью цифровых технологий структурно описана выявленная ранее в фольклористическом адыговедении уникальная форма попеременного исполнения партий запевалы и нескольких типов подголосков.

Методом включенного наблюдения и при непосредственном нашем участии удалось описать особый тип песнопения – исполнение зачиров – мусульманских духовных музыкально интонированных произведений.

Заключение

Анализ литературы по теме диссертации позволил обозначить ряд параметров фольклорного поля, как общих, так и специфических. В русском фольклорном поле со второй половины XIX века, в адыгском – в начале XX века, наблюдаются схожие динамично развивающиеся процессы – сбор, систематизация, архивирование и последовательная выработка принципов публикации фольклорных текстов. Научная осмысленность этих процессов в адыгской среде связана как с деятельностью выдающихся представителей национальной интеллигенции, так и с государственными программами по изучению фольклорной культуры, в целом – с идеологическим фоном, сопровождающим бытование фольклорных форм на том или ином историческом отрезке. Накопленный частными лицами – адыгскими просветителями и представителями русской интеллигенции XIX в. – опыт стал основой развития адыгской полевой фольклористики.

Традиционно в собирательских практиках использовались два способа фиксации фольклорных материалов – индивидуальный и экспедиционный. На начальном этапе, когда адыгский фольклор фиксировался на бумажных носителях, сбор и публикацию материалов усложняло отсутствие официальной письменности. В этом отношении уникальными прецедентами в истории адыгской фольклористики являются публикации в выпусках Сборника материалов по описанию местностей и племен Кавказа (СМОМПК) в конце XIX века, а также записи, произведенные с помощью фонографа английскими и французскими агентами звукозаписывающих фирм в 1911–1913 гг. Впоследствии бумажные носители сменялись техническими средствами – от разнотипных магнитофонных лент до цифровых накопителей. Постепенно были разработаны и внедрены в практику научные принципы сбора, систематизации, архивного хранения и публикации адыгского фольклора.

Сравнительный анализ методологических подходов к публикации фольклора выявил односторонность, в некоторых ситуациях – ущербность первых публикаций, в которых преобладали авторские редакции – «выправленные» в

соответствии с официальной советской идеологией тексты. Позже в противовес распространенной практике редактирования фольклорных текстов стали издаваться сборники с соблюдением научных принципов публикации.

На современном этапе адыгская полевая фольклористика имеет достаточно устоявшиеся традиции: выработаны эдиционные принципы подготовки и публикации текстов, методика и технология фиксации и систематизации, на основе которых в академических учреждениях накапливается, систематизируется и издается фольклор, функционирующий на всех территориях проживания адыгов, включая и многомиллионную диаспору.

В фольклорно-этнографических архивах Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т. Керашева и Центра адыговедения НИИ КП Адыгейского госуниверситета, структурная деятельность которых стала объектом нашего исследования, на разных носителях (бумажных, электронных) сосредоточено значительное количество фольклорных текстов, исчисляемое тысячами единиц хранения. С внедрением IT-технологий в науку появилась возможность цифровизировать архивные материалы (звуковые и бумажные), создать многоуровневые разнотипные каталоги. На основе существовавших алфавитных, тематических, библиографических каталогов формируются именные (по информантам, по собирателям), жанровые (по видам, областям), топические (по месту и времени записи).

В адыговедческой фольклористике на данном этапе цифровые технологии чаще используются при создании CD-, DVD-альбомов, приложений к монографиям и фольклорным сборникам, в деятельности специализированных сайтов, популяризирующих фольклор. Также создаются электронные базы данных по отдельным блокам и жанровым областям, в частности, по фольклору зарубежных адыгов, песенной культуре, обрядовому и детскому фольклору, паремическим жанрам и др. Они призваны стать основой единой интегрированной информационной системы, объединяющей адыгские локальные фольклорные фонды. В качестве сопроводительной документации создаются информационно-справочные и поисковые системы, составляются аннотирован-

ные указатели (рукописные и электронные). В перспективе они могут обеспечить доступ к фольклорным базам и коллекциям, в рамках как локальной, так и глобальной сети.

Как полифункциональное, многоаспектное явление институт джегуако в адыговедении изучен достаточно глубоко. В контексте адыгской традиционной культуры информант как сказитель или исполнитель песни выступает в роли, соответствующей одной из двух десятков специальностей джегуако. На современном этапе, когда констатируется факт распада этого традиционного института, расслоения и трансформации профессиональных разновидностей джегуако, роль исполнителя песни сохраняет сравнительно большую активность. В современных условиях адыгский фольклор встраивается в инокультурное окружение, модифицируясь, пытается найти свою нишу. Роль певца (в условиях полевой записи – информанта), поддерживаемая былым авторитетом джегуако, продолжает быть статусной и функционировать в адыгской фольклорной культуре.

Наиболее важным представляется исследование исполнительского пространства, структурированного вокруг двух субъектов коммуникации – информанта и собирателя. В адыгском фольклорном поле представлены два типа информанта: с одной стороны это представители старшего поколения – носители «классической» фольклорной традиции, с другой – более молодые исполнители, владеющие приобретенными в результате работы с архивными записями, навыками «аутентичного стиля исполнения». В роли собирателя выступают также два типа: один – собиратель-исследователь, фиксирующий фольклор по специальной методике, в которой совмещены теоретические основания полевой фольклористики и интуиция; другой – собиратель-любитель, накапливающий материалы «для себя», руководствуясь собственными интересами и навыками.

Образ традиционного исполнителя-информанта актуализируется целым спектром проявлений: «погруженность» в фольклорную культуру, навыки «пения на миру», богатый репертуар, игра на одном (или нескольких) народ-

ных инструментах, способность импровизировать, включаться в ансамблевое исполнение, варьируя роли от солиста до разных типов подголоска.

В адыгском фольклорном поле традиционно фиксировались два типа пения: ансамблевое и одиночное. Ансамбль состоял из солиста – запевалы, инструменталиста, ведущего подголоска (*жъыунац*), нескольких исполнителей, завершающих партию припева (*жъыу кIацэхэр*). Скрытую роль дирижера обычно выполнял солист или ведущий хорист.

При разрушении ансамблевого песнопения, традиционно функционировавшего в хачеце (гостиный дом, своеобразный мужской клуб), обрядовых игрищах, вечерних/ночных посиделках, одиночный исполнитель вынужден был взять на себя функции и солиста, и исполнителя подголоска, и аккомпанирующего инструменталиста. Подобное одиночное исполнительство как преобладающий тип песнопения все чаще стал фигурировать в полевых записях со второй половины XX в., в том числе и в нашей практике. При этом песнопение фиксировалось, как правило, не в естественных условиях бытования, а на специально организованных для сбора фольклора сеансах записи.

В исследовании феномена «информант-собираатель» интерес также представляет специфика «погружения» в исполнительский контекст. Сеансы записи предваряют своеобразные прелюдии: собираатель настраивает исполнителя, организовывая непринужденное общение, постепенно выводящее на тему; информант внутренне концентрируется, настраивает голос, «нашептывает» слова и мелодию, одновременно перебирая струны шичепщина. Затем начинает рассказывать историю песни, что соответствует правилам традиционного исполнения. Далее следует песня. Исполнение может прерываться самим информантом. Приглашая собираателя к разговору, он комментирует отдельные эпизоды или образы героев песни, иногда вставляет оценочные реплики. В других ситуациях наоборот, собираатель намеренно включает в беседу слушателей, которые «мотивируют» исполнителя.

Рассмотренные элементы – одиночное/ансамблевое исполнение песни, аутентика стиля, хачецевое пространство, коммуникативные условия сеанса

записи, настрой и самонастрой исполнителя, вопросник собирателя и т.д. – являются системообразующими в исполнительском контексте.

Результаты взаимодействия в ходе записи двух субъектов – информанта и собирателя – одинаково зависят от степени включенности каждого из них в традицию.

Со дня основания фольклорные фонды АРИГИ формируются на основе экспедиционных материалов и частных коллекций, в том числе, предоставленных сотрудниками соответствующего отдела института и стационарными собирателями. Основу архива ЦА АГУ составляют экспедиционные материалы, собранные сотрудниками Центра, а также аспирантами и студентами во время фольклорно-этнографических практик.

Анализ содержания архивов подтвердил достаточно сложную ситуацию, сложившуюся в адыгском современном фольклорном поле. С одной стороны, в условиях слабого владения родным языком на исторической территории, а в диаспоре – его утраты молодым поколением наблюдается постепенное сужение сферы бытования традиционного фольклора.

Из-за невостребованности и под мощным напором коммуникационно-технологической революции из репертуара сказителей конца XX века почти исчезли прозаические жанры (сказки, сказания, исторические предания). Духовная поэзия, связанная с мусульманской религией, в советское время в силу идеологических установок относимая к «нежелательным» жанрам, с 90-х годов XX века, напротив, возродилась.

Создание и совершенствование методов архивации, систематизации и хранения фольклорно-этнографических материалов являются научной проблемой, освещение которой остается актуальным на современном этапе. Не менее важным является также поиск методов фиксации и инвентаризации контекста, его камеральной обработки. Исследование границ текста и контекста особенно востребовано в современных экспедиционных практиках.

Опыт работы по реконструкции форм традиционного песнопения и игры на народных инструментах показал, что это направление является перспектив-

ным в научном осмыслении проблем фольклорной культуры адыгов. Данный вид экспериментальной деятельности открыл широкие возможности в усвоении механизма традиционного певческого искусства, а также позволил выявить функциональный характер адыгской исполнительской традиции.

Практика восстановления вербального текста в результате работы с качеством аудиозаписи, в том числе адекватное распознавание «темных мест» методом сопоставления разновременных и разнокачественных записей с помощью цифровых программ, способствовала возвращению в научное и культурное пространство нескольких десятков народных песен и инструментальных наигрышей, хранящихся в фольклорных фондах АРИГИ и ЦА АГУ. Соотнесение рассказов нескольких информантов об одних и тех же событиях с предметной областью песни способствовало не только восстановлению относительно полного текста и сопроводительной истории, но и определению ее жанровых границ, а также установлению вероятностной парадигмы ее трансформации в процессе устного бытования. Такая методика объективировала новые аспекты изучения истории текстов.

Разработанная нами методика использования цифровых технологий в работе со звуковыми текстами была апробирована в перезаписи некоторых песен в собственном исполнении. Это также является достаточно перспективной формой практического применения научных результатов в практике реинкорпорации традиционной адыгской песни в современное культурное пространство.

Список использованной литературы

1. Адлейба, Дж.Я. Интонационная сегментация сказочного текста / Дж.Я. Адлейба // Этнопоэтика и традиция: к 70-летию члена-корреспондента РАН Виктора Михайловича Гацака. – Москва: Наука, 2004. – С. 28-35.
2. Адоньева, С.Б. О разработке баз данных медиа-архива фольклорных записей [Электронный ресурс] / С.Б. Адоньева, И.С. Веселова. – Режим доступа: http://vvz.nw.ru/Projects/Folk/local_db_2008.htm (дата обращения: 12.10.2021).
3. Адоньева, С.Б. Фольклорная экспедиция Санкт-Петербургского университета / С.Б. Адоньева, И.С. Веселова // Живая старина. – 2003. – № 4. – С. 31.
4. Адыгейские (черкесские) народные песни и мелодии / сост. А.Ф. Гребнев. – Москва; Ленинград: Музгиз, 1941. – 221 с.
5. Адыгская фольклористика в КБНИИ за 1926–1995 гг // 70 лет научных поисков и открытий. – Нальчик, 1995. – С. 140-159.
6. Адыгский фольклор: в 2 кн. – Майкоп, 1978. – Кн. I. – 178с.; Кн. II. – 1980. – 165 с.
7. Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения / сост. З.М. Налоев. – Нальчик: КБНИИИФЭ, 1986. – 176 с.
8. Алексеев, Э. Фольклор в контексте современной культуры (рассуждения о судьбах народной песни) / Э. Алексеев. – Москва: Сов. композитор, 1988. – 240 с.
9. Алиева, А.И. Адыгский фольклор в записях XIX – начале XX вв / А.И. Алиева // Фольклор адыгов. – Нальчик, 1988. – Кн. I – С. 237-264.
10. Алиева, А.И. Возникновение адыгской фольклористики в XIX веке / А.И. Алиева // Фольклор адыгов. – Нальчик, 1979. – С. 13-39.
11. Алиева, А.И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов / А.И. Алиева. – Москва: Наука, 1986. – 278 с.
12. Алпатов, С.В. Принципы построения полнотекстовой базы данных по фольклорным материалам [Электронный ресурс] / С.В. Алпатов, В.А. Ковпик. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/-folk/files/lib/SAYUSH99.doc> (дата обращения: 14.05.2021).

13. Алпатова, С.В. Принципы построения полнотекстовой базы данных по фольклорным материалам / С.В. Алпатова, В.А. Ковпик // Типология фольклорной традиции: актуальные проблемы полевой фольклористики. – Москва, 2004. – С. 76-81.

14. Ангеловская, Л.В. Об описании и систематизации полевых материалов в фольклорном архиве Сыкт ГУ / Л.В. Ангеловская, Т.С. Канева // Актуальные проблемы полевой фольклористики. – Сыктывкар: Сыкт ГУ, 2008. – С. 73-79.

15. Антропологический форум (АФ)
https://anthropologie.kunstkamera.ru/06/2012_17

16. Астахова, А.М. Импровизация в русском фольклоре / А.М. Астахова // Русский фольклор. – Ленинград: Наука, 1966. – Т. 10. – С. 63-78.

17. Аутлева, С.Ш. Публикация и изучение фольклора адыгов (адыгейцев, кабардинцев, черкесов) / С.Ш. Аутлева // Фольклористика Российской Федерации. – Ленинград: Наука, 1975. – С. 69-80.

18. Аутлева, С.Ш. Фольклор / С.Ш. Аутлева // Культура и быт колхозного крестьянства Адыгейской автономной области. – Москва; Ленинград: Наука, 1964. – С. 167-177.

19. Аутлева, С.Ш. Избранные труды / С.Ш. Аутлева. – Нальчик: Печатный двор, 2018. – 616 с.

20. Ахлестин, А.Ю. Организация информационного пространства Томского научного центра СО РАН на базе Интернет – технологии [Электронный ресурс] / А.Ю. Ахлестин, Ю.Л. Бабилов, В.А. Крутиков // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции: материалы Второй Всероссийской научной конференции. – Протвино, 2000. – Режим доступа: <http://web.iherp.su/library/pubs/aconf00/dconf00/ps/049.pdf> (дата обращения: 17.02.2021).

21. Ашхотов, Б.Г. Взаимосвязанность поэтического текста и характерных типов мелодического развертывания; функциональная роль ежью в композиции напева // Ашхотов, Б.Г. Традиционная адыгская песня-плач гъыбзэ / Б.Г. Ашхотов. – Нальчик: Эльфа, 2002. – С. 90-103; С. 111-127.

22. Багринцева, В.Ю. Деятельность учреждений культуры Омской области по реконструкции восточнославянского фольклора / В.Ю. Багринцева // От конгресса к конгрессу: материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: сборник докладов. – Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. – Т. 3. – С. 425-437.

23. Бахтина, В.С. О фольклоре и фольклористике в XX-XXI вв. (публикация ответов на вопросы анкеты «Живой старины») / В.С. Бахтина // Живая старина. – Москва, 2001. – № 1. – С. 3.

24. Белкин, А.Н. Русские скоморохи / А.Н. Белкин. – Москва: Наука, 1975. – 192 с.

25. Блаева, Т.А. Роль поэтических текстов в формировании песенной структуры адыгских народных песен / Т.А. Блаева // Фольклор: проблемы сохранения, изучения и пропаганды. – Москва, 1988. – Ч. 1. – С. 98-100.

26. Блаева, Т.А. Ежбу – особая форма группового пения адыгов / Т.А. Блаева // Мир культуры. – Нальчик, 1990. – С. 102-110.

27. Богус, Н.К. Научная библиотека АРИГИ / Н.К. Богус, К.Т. Хасан // Сборник энциклопедических статей, посвященный 90-летию АРИГИ им. Т.М. Керашева. – Краснодар: Изд-во А.Л. Солодовниковой, 2019. – С. 120-122.

28. Вдовицын, В.Т. Создание электронной версии архива фольклорной фонотеки ИЯЛИ КарНЦ РАН [Электронный ресурс] / В.Т. Вдовицын, В.П. Кузнецова, А.А. Бедорев // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции: материалы Второй Всероссийской научной конференции. – Протвино, 2000. – Режим доступа: <http://web.iherp.su/library/pubs/aconf00/dconf00/ps/008.pdf> (дата обращения: 03.05.2021).

29. Веселова, И.С. Электронные проекты в фольклористике: от полевой записи до звуковой хрестоматии [Электронный ресурс] / И.С. Веселова // Современные информационные технологии и филология: материалы конференции, 2005 г. – Режим доступа: <http://www.imli.ru/nauka/conference/2005/inf-fil/veselova.php> (дата обращения: 14.02.2021).

30. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский; ред., вступ. ст. и примеч. В.М. Жирмунского. – Ленинград: Гослитиздат, 1940. – 491.

31. Вильвер, П.Ю. Методы и средства работы с данными в корпоративной электронной библиотеке ИНЦ СО РАН [Электронный ресурс] / П.Ю. Вильвер, И.В. Бычков // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции: материалы Второй Всероссийской научной конференции. – Протвино, 2000. – Режим доступа: <http://web.ihep.su/library/pubs/aconf00/dconf00/ps/038.pdf> (дата обращения: 08.05.2021).

32. Вишневская, Л.А. Ансамбль «Жъыу»: к проблеме фольклорного резонанса в традиционной музыкальной культуре адыгов / Л.А. Вишневская // Сказания о нартах – эпос единения и дружбы: материалы международной науч. конф., г. Нальчик, 21-24 ноября 2012 г.). – Нальчик: КБИГИ, 2013. – Ч. I. – С. 51-59.

33. Вопросы искусства народов Карачаево-Черкесии: сб. науч. тр. – Черкесск, 1993. – 140 с.

34. Гавриляченко, Е.Э. Новая фольклорная волна и молодежное фольклорное движение / Е.Э. Гавриляченко // Традиционная культура. – 2007. – № 4. – С. 11-22.

35. Гавриляченко, Е.Э. Фольклоризация общества в историческом и проектно-офисах / Е.Э. Гавриляченко // Фольклорное движение в современном мире: сб. ст. / сост. Е.А. Дорохова. – Москва: ГРЦРФ, 2016. – С. 11-22.

36. Гадагатль, А.М. Экскурс в историю записи, публикации и изучения адыгского фольклора / А.М. Гадагатль // Адыгский фольклор. – Майкоп, 1980. – Кн. I. – С. 5-33.

37. Гацак, В.М. Сказочник и его текст: (К развитию экспериментального направления в фольклористике) / В.М. Гацак // Проблемы фольклора. – Москва: Наука, 1975. – С. 44-53.

38. Гацак, В.М. Эпический певец и его текст / В.М. Гацак // Текстологическое изучение эпоса. – Москва: Наука, 1971. – С. 7-46.
39. Горький, М. Разрушение личности // Горький, М. О литературе / М. Горький; сост., автор предисл. и примеч. П.С. Строков. – Москва: Сов. Россия, 1980. – С. 94.
40. Гостиева, Л.К. Из истории записи и публикации осетинского нартовского эпоса в дореволюционный период / Л.К. Гостиева // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: сб. науч. тр. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. – Вып. 4. – С. 5-17.
41. Гостиева, Л.К. Из истории записи и публикации осетинского нартовского эпоса в 1920-е – 1930-е гг. / Л.К. Гостиева // Вопросы литературы и фольклора: сб. науч. ст. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2018. – Вып. X, ч. I. – С. 47-59.
42. Гутов, А.М. О концепции подготовки к изданию свода адыгского фольклора / А.М. Гутов. – Нальчик, 2008. – 26 с.
43. Гутов, А.М. Некоторые вопросы текстологии нартских сказаний / А.М. Гутов // Проблемы адыгского (черкесского) нартского эпоса. – Нальчик, 2018. – С. 144-155.
44. Гутов, А.М. Публикация фольклорного текста. Методологические заметки / А.М. Гутов // Актуальные вопросы кабардино-балкарской фольклористики и литературоведения. – Нальчик, 1986. – С. 7-19.
45. Гутов, А.М. Адыгская фольклористика в КГНИИ за 1926-1995 гг. // 70 лет научных поисков и открытий. — Нальчик, 1995. — С. 140-150.
46. Гучева, А.В. Традиционная культура черкесов (адыгов). Истоки мифо-эпического сознания / А.В. Гучева // Вестник Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН. – Нальчик: КБИГИ РАН. – 2014. – № 2 (21). – 142 с.
47. Данилова, Т.А. Песенная культура найгабаков Челябинской области и пути ее сохранения / Т.А. Данилова // От конгресса к конгрессу: материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: сб. докл. – Москва: Госу-

дарственный республиканский центр русского фольклора, 2011. – Т. 3. – С. 223-241.

48. Даурова, Р.С. Фольклорная коллекция ЧермитаМузафера / Р.С. Даурова // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: материалы VII междунар. науч. конф. – Майкоп, 2013. – С. 142-143.

49. Джандар, М.А. Песня в семейных обрядах адыгов / М.А. Джандар. – Майкоп, 1991. – 142 с.

50. Джапуа, З.Д. Абхазский нартский эпос: текстология. Семантика. Поэтика / З.Д. Джапуа. – Москва: Наука: Восточная литература, 2016. – 381 с.

51. Джапуа, З.Д. К составлению указателя сюжетов нартского эпоса / З.Д. Джапуа // От конгресса к конгрессу: материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: сб. докл. – Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. – Т. 3. – С. 364-379.

52. Джапуа, З.Д. Систематизация текстов абхазского нартского эпоса / З.Д. Джапуа // Фольклор: проблемы тезауруса. – Москва, 1994. – С. 218-237.

53. Дзлиева, Дз.М. Основные этапы развития собирательской деятельности научной мысли в области осетинского музыкального фольклора / Дз.М. Дзлиева // Вопросы литературы и фольклора: сб. науч. ст. – Владикавказ, 2014. – Вып. VII, ч. 1. – С. 25-33.

54. Добровольская, В.Е. Нормативный контекст фольклорного текста и его роль в бытовании фольклорной традиции / В.Е. Добровольская // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сб. докл. – Москва, 2006. – Т. II. – С. 445.

55. Дорохова, Е.А. Фольклорное движение в России: миф и реальность / Е.А. Дорохова // Массовая культура на рубеже веков: сб. ст. / ред.-сост. Е.В. Дуков, Л.И. Левин. – Москва: ГИИ, 2005. – С. 194-196.

56. Дорохова, Е.А. Фольклорное движение в современном мире: сб. ст. / Е.А. Дорохова. – Москва: ГРЦРФ, 2016. – 223 с.

57. Дорохова, Е.А. Народная музыкальная культура: история изучения, современные исследования, проблемы актуализации / Е.А. Дорохова, Д.В. Морозов. – Москва: ГРДНТ им. В.Д. Поленова, 2019.

58. Дранникова, Н.В. Систематика и оформление материалов фольклорной практики / Н.В. Дранникова, В.А. Кандыбо, А.А. Меньшиков. – Архангельск: ПГУ, 2004.

59. Дранникова, Н.В. Систематика и архивация фольклорного материала в Поморском государственном университете. Опыт создания информационно-справочной и информационно-поисковой систем / Н.В. Дранникова, С.А. Меньшиков // От конгресса к конгрессу: материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: сб. докл. – Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. – Т. 3. – С. 436-441.

60. Евазов, З.З. О записях, хранимых в фоноархиве КБИГИ / З.З. Евазов // Вопросы Кавказской филологии. – Нальчик, 2009. – Вып. 6. – С. 250-262.

61. Емыкова, Н.Х. Музыкальный фольклор адыгов и радио / Н.Х. Емыкова // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: материалы VII международной научной конференции. – Майкоп, 2013. – С. 155-156.

62. Ефремова, Л.А. Первый каталог украинского песенного фольклора // От конгресса к конгрессу / Л.А. Ефремова // Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: сб. докл. – Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. – Т. 3. – С. 380-389.

63. Земцовский, И.И. От народной песни к народному хору: игра слов или проблема? / И.И. Земцовский // Фольклор и фольклоризм: сб. науч. тр. Вып. II: Традиционный фольклор и современные народные хоры, и ансамбли / сост. И.И. Земцовский, В.А. Лапин. – Ленинград: ЛГИТМиК, 1989. – С. 15-16.

64. Земцовский, И.И. Представление о целостности фольклорного жанра как объект реконструкции и как метод / И.И. Земцовский // Фольклор и этнография: проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – Ленинград: Наука, 1990. – С. 205-212.

65. Иванова, Т.Г. Сказитель и общество (выступления И.Т. Рябилина и П.Т. Виноградова) / Т.Г. Иванова // Русский фольклор. XXV. – Москва: Наука, 1989. – С. 112-122.

66. Кагазежев, Б.С. Инструментальная культура адыгов / Б.С. Кагазежев. – Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 1992. – 79 с.
67. Карачаево-Балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 432 с.
68. Каргин, А.С. Комплексный подход к изучению фольклора: от полидисциплинарности к интерконтекстуальной фольклористике / А.С. Каргин // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сб. докл. – Москва, 2006. – Т. I. – С. 29-43.
69. Каргин, А.С. О фольклоре и фольклористике в XX-XXI вв. (публикация ответов на вопросы анкеты «Живой старины») / А.С. Каргин // Живая старина. – 2001. – № 1. – С. 3.
70. Кешев, Адыль-Гирей (Каламбий). Характер адигских песен / Адыль-Гирей Кешев // Терские ведомости. – Владикавказ, 1869. – С. 1-33; Фольклор адыгов. – Нальчик, 1979. – Кн. 1. – С. 326-342.
71. Кляус, В.Л. К проблеме видеофиксации фольклора / В.Л. Кляус // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сб. докл. – Москва, 2006. – Т. II. – С. 83-98.
72. Кляус, В.Л. «Русское Трехречье» Маньчжурии: очерки фольклора и традиционной культуры / В.Л. Кляус. – Москва: ИМЛИ РАН, 2015. – 384 с.
73. Концевич, Г.М. Народные песни Адыгейской автономной области / Г.М. Концевич // Музыкальный фольклор адыгов в записях Г.М. Концевича / сост. и гл. ред. Ш.С. Шу. – Майкоп, 1997. – С. 280-296.
74. Корб, А. О проблемах, возникающих при публикации и кспонировании материалов, собранных в диаспорах, а также при возвращении их обратно в общины / А. Корб // От конгресса к конгрессу: материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: сб. докл. – Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. – Т. 3. – С. 428-435.
75. Костецкий, А.Г. Исполнение фольклорного текста как вид общения / А.Г. Костецкий // Национальная культура и общение (материалы конференции). – Москва, 1977. – С. 41-42.

76. Котлярова, Т.А. Проблемы реконструкции и трансляции празднично-обрядовых форм народной культуры Кемеровской области / Т.А. Котлярова // От конгресса к конгрессу: материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: сб. докл. – Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. – Т. 3. – С. 417-424.

77. Куашев, Б.И. История собирания и изучения кабардино-черкесского фольклора: 30 лет собирания и изучения кабардино-черкесского фольклора / Б.И. Куашев // Бетал Куашев. – Нальчик: Эльбрус, 1966. – Т. II. – С. 10-166.

78. Кудаева, З.Ж. К проблеме жанрового состава народной прозы о Жабаги Казаного / З.Ж. Кудаева // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – Майкоп: АГУ, 2021. – Вып. 3 (282). – С. 193-200.

79. Кудаева, З.Ж. Мифопоэтическая модель адыгской словесной культуры / З.Ж. Кудаева. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 296 с.

80. Кузьмина, Т.В. Виртуальные библиотеки как база формирования информационных ресурсов народной художественной культуры XXI века / Т.В. Кузьмина // Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиций к виртуальности: сб. ст. – Москва, 2007. – С. 97-100.

81. Левин, И.Г. Введение. Свод таджикского фольклора. Т. I: Басни и сказки о животных / И.Г. Левин, Дж. Рабиев, М. Явич. – Москва, 1981. – С. 9-72.

82. Логинов, К.К. Былички Обонежья (опыт включенного наблюдения) / К.К. Логинов // От конгресса к конгрессу: материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: сб. докл. – Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. – Т. 3. – С. 115-121.

83. Мамиева, И.В. Указатель сюжетов и мотивов цикла Сырдон / Сырдон / И.В. Мамиева // Известия СОИГСИ. – 2015. – № 16 (55). – С. 135-162.

84. Мамий, Р.Г. В нем слились наука и мужество / Р.Г. Мамий // Союз науки и мужества. О жизни и деятельности Шамсудина Хаджасфаровича Хута. – Майкоп, 2006. – С. 5-21.

85. Марковская, Е.В. Информационные системы фольклорных архивов в сети Интернет / Е.В. Марковская, В.П. Кузнецова, Н.Б. Луговая // Научный сервис в сети Интернет 2001: сб. материалов Всерос. конф. – Москва, 2001. – С. 67-69.

86. Марковская, Е.В. Проблемы собирания, систематизации и архивного хранения фольклора (на материале фольклорных архивов КарНЦ РАН): автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09 / Марковская Елена Владимировна. – Петрозаводск, 2006. – 25 с.

87. Марковская, Е.В. Собрание русского фольклора в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН, проблемы его систематизации и хранения / Е.В. Марковская // Проблемы развития гуманитарной науки на Северо-западе России: опыт, традиции, инновации: материалы науч. конф., посвящ. 10-летию РГНФ, 29 июня-2 июля 2004 г.: сб. науч. тр. / ПетрГУ. – Петрозаводск, 2004. – С. 14-17.

88. Марченко, Ю.И. Исторический ракурс изучения севернорусской песенной культуры и современное состояние местных фольклорных традиций / Ю.И. Марченко // Из истории русской фольклористики. – Санкт-Петербург: Институт русской литературы, 1998. – Вып. IV-V. – С. 298-337.

89. Мациевский, И.М. Континуация или реставрация (к проблеме возрождения этнической музыки) / И.М. Мациевский // Музыкальное образование и наука: преемственность традиции и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции. – Астана: КазНАМ, 2008. – С. 14-17.

90. Методика полевых работ и архивное хранение фольклорных, этнографических и лингвистических материалов: материалы научно-практического семинара, г. Петрозаводск, 23-24 марта 2009 г. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. – 148 с.

91. Методическая записка по архивному хранению и систематизации фольклорных материалов / отв. ред. В.Я. Пропп. – Вильнюс, 1964. – 105 с.

92. Методологические проблемы исследования этнических культур: материалы симпозиума. – Ереван, 1978. – 124 с.
93. Мехнецов, А.М. О задачах комплексного исследования фольклора / А.М. Мехнецов // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: сб. докл. – Москва, 2005. – Т. 1. – С. 360-371.
94. Мижаев, М.И. История собирания, публикации и изучения адыгских народных песен / М.И. Мижаев // Труды КЧНИИ. Сер. филологическая. – Черкесск, 1970. – Вып. VI. – С. 24-45.
95. Мижаев, М.И. Хан-Гирей как фольклорист / М.И. Мижаев // Вопросы Кавказской филологии и истории. – Нальчик, 1994. – Вып. 2. – С. 57-69.
96. Митрофанов, А.П. Музыкально-песенное творчество горцев Северного Кавказа: сб. материалов / А.П. Митрофанов // Ростовский государственный архив. Р. 4387. Оп. 1. Д. 31: Северо-Кавказский краевой горский НИИ. 1931. Т. 1. Рукопись.
97. Мокшин, Н.Ф. Фольклор как источник изучения этнической истории народа / Н.Ф. Мокшин. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1994. – 153 с.
98. Молов, В. Из истории фольклорной музыкальной культуры Кабардино-Балкарии / В. Молов. – Москва: Композитор, 2021. – 241 с.
99. Мороз, А.Б. Фольклорный архив лаборатории фольклористики Российского государственного университета [Электронный ресурс] / А.Б. Мороз. – Режим доступа: <http://www.vastko/delo/1245> (дата обращения: 24.11.2021).
100. Мороз, А.Б. Из опыта работы над базой данных «Традиционная культура русского Севера (Каргополье)» / А.Б. Мороз // Актуальные проблемы полевой фольклористики. – Москва: МГУ, 2003. – Вып. 2. – С. 85-99.
101. Морозов, Д.В. Современный народный хор как модель «поющего села» / Д.В. Морозов // Фольклорное движение в современном мире: сб. ст. / сост. Е.А. Дорохова. – Москва: ГРЦРФ, 2016. – С. 142-145.
102. Морохин, В.Н. Методика собирания фольклора / В.Н. Морохин. – Москва: Высш. шк., 1990. – 83 с.

103. Музыкальный фольклор адыгов в записях Г.М. Концевича / сост. и гл. ред. Ш.С. Шу. – Майкоп, 1997. – 328 с.
104. Музыканты-гармонисты в истории этнической культуры адыгов: материалы круглого стола, посвящ. 70-летию Кима Тлецерука / сост. А.Н. Соколова. – Майкоп: Магарин О. Г., 2013. – 104 с.
105. Нагароков, К.Р. Адыгская инструментальная музыка на камыле: способы реконструкции архивных аудиотекстов: статья к публикации: рукопись / К.Р. Нагароков. – Цхинвал, 2019.
106. Нагароков, К.Р. К реконструкции исполнительской традиции адыгских народных песен / К.Р. Нагароков // Евгений Шварц и проблемы развития отечественной литературы XX века: материалы Всероссийской научной конференции. – Майкоп, 2021. – С. 145-147.
107. Нагароков, К.Р. Мусульманская духовная поэзия адыгов в современном фольклорном поле: специфика фиксации / К.Р. Нагароков // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2021. – Вып. 2 (277). – С. 167-170.
108. Нагароков, К.Р. Исполнитель в современном фольклорном поле: особенности репертуара / К.Р. Нагароков // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2020. – Вып. 4 (267). – С. 188-192.
109. Нагароков, К.Р. Новые технологии в объективации адыгского фольклора: от фиксации к реконструкции текстов [Электронный ресурс] / К.Р. Нагароков // Традиции во времени : материалы Вторых Международных научных чтений памяти В.М. Гацака, г. Сухум, 2-4 июня 2021. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=bBqUKvWTosA> (дата обращения: 06.09.2021).
110. Налепин, А.Л. Фольклорное поле и цивилизационные пути современной России [Электронный ресурс] / А.Л. Налепин. – Москва, 2019. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/folklornoe-pole-i-tsvilizatsionnye-puti-sovremennoy-rossii/viewer> (дата обращения: 14.06.2021).

111. Налоев, З.М. Из истории устного стихотворения / З.М. Налоев // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. – Ростов-на-Дону, 1980. – № 3. – С. 70-74.
112. Налоев, З.М. Институт джегуако / З.М. Налоев. – Нальчик: Тетраграф, 2011. – 406 с.
113. Налоев, З.М. Этюды по истории культуры адыгов / З.М. Налоев. – Нальчик: Эльбрус, 2009. – 656 с.
114. Народная инструментальная музыка адыгов (черкесов) / сост. З.П. Кардангушев, А.В. Гучева. – Нальчик: Эль-Фа, 2004. – 344 с.
115. Народная музыкальная культура: история изучения, современные исследования, проблемы актуализации / ред.-сост. Е.А. Дорохова, Д.В. Морозов. – Москва: ГРДНТ им. В.Д. Поленова, 2019. – 323 с.
116. Народная поэзия // Анталогия Кабардинской поэзии / ред. кол.: А.П. Кешоков, М.М. Киреев, С.И. Липкин. – Москва, 1957. – С. 19-108.
117. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. I. – Москва: Сов. композитор, 1980. – 223с.; Т. II. – 1980. – 264с.; Т. III. – 487с.; Т. IV. – 2018. – 530 с.
118. Наумова, Ю.Н. Гадания Прииртышья: семантика и функция / Ю.Н. Наумова // От конгресса к конгрессу: материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: сб. докл. – Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. – Т. 3. – С. 248-255.
119. Неклюдов, С.Ю. О фольклоре и фольклористике в XX-XXI вв. (публикация ответов на вопросы анкеты «Живой старины») / С.Ю. Неклюдов // Живая старина. – 2001. – № 2. – С. 49-50.
120. Ногмов, Ш.Б. Исторические и филологические труды. Т. II / Ш.Б. Ногмов; сост. К.Ф. Дзамихов. – Нальчик, 2020. – 303 с.
121. Ногмов, Ш.Б. История адыгейского народа: составленная по преданиям кабардинцев / Ш.Б. Ногмов; вступ. ст. и подготовка текста Т.Х. Кумыкова. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 232 с.

122. Омакаева, Э.У. Проблемы сохранения и популяризации эпического наследия монголоязычных народов (на примере калмыцкого героического эпоса «Джангар») / Э.У. Омакаева // Эпический текст: проблемы и перспективы изучения: материалы I Международной научной конференции, 21-23 сентября 2006 г. – Пятигорск, 2006. – Ч. II. – С. 80-90.
123. Онегина, Н.Ф. Каталогизация фольклорно-этнографических материалов архива на перфокартах / Н.Ф. Онегина. – Петрозаводск, 1978.
124. Палей, Д.Э. Электронная библиотека - как основа корпоративной информационной системы [Электронный ресурс] / Д.Э. Палей, Д.Н. Курчинский, В.Н. Смирнов // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции: материалы Второй Всероссийской научной конференции. – Протвино, 2000. – Режим доступа: <http://web.ihep.su/library/pubs/acconf00/dconf00/ps/051.pdf> (дата обращения: 23.04.2021).
125. Панченко, А.А. Инквизиторы как антропологи, антропологи как инквизиторы: к вопросу о социокультурных функциях полевых исследований [Электронный ресурс] / А.А. Панченко // Сайт Европейского Университета в Санкт-Петербурге. – Режим доступа: <http://www.eu.spb.ru/cfe/conf/conn/03.htm> (дата обращения: 07.09.2021).
126. Панько, В. Песенный фольклор украинцев Севера Республики Молдова. Обрядовая и ритуальная поэзия [Электронный ресурс] / В. Панько // Проза.ру. – 2013. – Режим доступа: proza.ru (дата обращения: 09.11.2021).
127. Паштова, М.М. «Жъыу»: к аутентике стиля / М.М. Паштова. – Майкоп: АГУ, 2008. – 22 с.
128. Паштова, М.М. Адыгская народная лирика. Традиционные необрядовые жанры. Приложение (тексты народной лирики) / М.М. Паштова. – Майкоп: Меоты, 2009. – 262 с.
129. Паштова, М.М. Игровые институты в фольклорной культуре черкесов Турции: на материале экспедиции 2009 г. / М.М. Паштова // Вестник

Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2010. – Вып. 1 – С. 44-48.

130. Паштова, М.М. Адыгский фольклор: традиции функционирования / М.М. Паштова // Литература народов Северного Кавказа в контексте отечественной и мировой культуры: материалы Всерос. науч. конф. – Майкоп: Качество, 2006. – С. 187-191.

131. Паштова, М.М. К проблеме описания локальных фольклорных традиций / М.М. Паштова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2011. – Вып. 2 (79). – С. 29-35.

132. Паштова, М.М. Институт джегуако в фольклорной культуре адыгов (черкесов) Турции / М.М. Паштова // Истоки национальной литературы (Бекмурза Пачев и авторское устное творчество): сб. ст. – Нальчик, 2011. – С. 131-148.

133. Паштова, М.М. К проблеме видеофиксации фольклора (на материале адыгских стереотипных медиатекстов) / М.М. Паштова (Мижаяева) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – Махачкала, 2013. – № 48. – С. 92-96.

134. Паштова, М.М. Локальный фольклорный текст в свете собирательских и эдиционных проблем / М.М. Паштова // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – Элиста, 2016. – Вып. 6 (28). – С. 94-101.

135. Паштова, М.М. Проблемы и методы полевой фольклористики и антропологии: диаспорное поле / М.М. Паштова // Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – начале XX в.: направления и динамика интеграционных процессов: сб. науч. ст. по материалам регион. науч. интернет-конференции, г. Нальчик, 19-30 октября 2015 г. – Нальчик, 2015. – С. 198-207.

136. Паштова, М.М. Сказительские навыки и социальный статус в черкесской диаспорной традиции / М.М. Паштова // «Джангар» и эпические тра-

диции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования: материалы III Международной научной конференции, г. Элиста, 15-16 сентября 2016г. – Элиста, 2016. – С. 208-213.

137. Паштова, М.М. Собиратель и информант в диаспоральном поле: культурно и исторически обусловленные аспекты общения / М.М. Паштова // Фольклор в поле и кабинете: знание информанта и интерпретация антрополога: тез. и материалы Международной школы-конференции, г. Москва, Переяславль-Залесский, 30 апреля-7 мая 2014 г. – Москва, 2014. – С. 19-21.

138. Паштова, М.М. Стереотипный устный текст: от записи до публикации (на материалах фольклора черкесов Анатолии) / М.М. Паштова // Кросс-культурное пространство литературной и массовой коммуникации – 5: материалы Международной научной конференции, г. Майкоп, 21-22 октября 2016 г. – Майкоп, 2016. – С. 15-19.

139. Паштова, М.М. Любительские записи фольклора в диаспоре: проблемы и методы визуальной антропологии / М.М. Паштова // Вестник АРИГИ. – Майкоп, 2015. – № 7 (31). – С. 198-200.

140. Паштова, М.М. Фольклор черкесской диаспоры: локальная традиция и ее носитель. – Майкоп, 2020. – 338 с.

141. Петрова, Н.С. Формы экранной проекции фольклора: диафильм, мультфильм, кинофильм / Н.С. Петрова // От конгресса к конгрессу: материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов. – Москва, 2010. – Т. II. – С. 59-68.

142. Полевые вопросники и исследовательские программы для собирания фольклора / под ред. Т.Б. Диановой. – Москва, 1999. – 174 с.

143. Проблемы изучения и публикации материалов по фольклору и этнографии народов Юга России (к 90-летию З.П. Кардангушева). – Нальчик, 2009. – 174 с.

144. Проблемы изучения и сохранения русского фольклора в иноязычном окружении: круглый стол на конференции в Новгороде: тез. докл. – Москва, 1990.

145. Проблемы сохранения черкесского фольклора, культуры и языка : материалы Международной научно-практической конференции памяти М.И. Мижаева, г. Нижний Архыз, 26-28 ноября 2014. – Майкоп, 2015. – 370 с.
146. Пропп, В.Я. Жанровый состав русского фольклора // Пропп, В.Я. Фольклор и действительность: избр. ст. / В.Я Пропп. – Москва: Наука, 1989. – 325 с.
147. Пропп, В.Я. Принципы классификации фольклорных жанров // Пропп, В.Я. Фольклор и действительность: избр. ст. / В.Я Пропп. – Москва, 1976. – С. 34-39.
148. Путилов, Б.Н. Фольклорист ближайшего завтра / Б.Н. Путилов // Фольклор в современном мире: аспекты и пути исследования. – Москва, 1991. – С. 143-148.
149. Путилов, Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора / Б.Н. Путилов. – Ленинград: Наука, 1976. – 244 с.
150. Путилов, Б.Н. Фольклор и народная культура / Б.Н. Путилов. – Санкт-Петербург, 2003. – 457 с.
151. Райкова, И.Н. Материнский, детский и «взрослый» фольклор: границы, переходы, влияния, совпадения / И.Н. Райкова // От конгресса к конгрессу: материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: сб. докл. – Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. – Т. 3. – С. 43-50.
152. Рекомендации по созданию архивного сайта в интернет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusarchives.ru/methodies/sait/html> (дата обращения: 24.10.2021).
153. Самогова, Г.А. Особенности старинного адыгского народного песнетворчества / Г.А. Самогова. – Майкоп, 1992. – 134 с.
154. Самоделова, Е.А. Аудиовизуальные записи фольклора как способ исследования многомерной поэтики сказок (на примере экспедиции в Липецкую область) / Е.А. Самоделова // Нарты и другие устные традиции: сборник в честь 60-летия Зураба Джапуа. – Сухум: Абгосиздат, 2020. – 576 с.

155. Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1985. – 174 с.
156. Сокаева, Д.В. К вопросу о классификации несказочной прозы осетин / Д.В. Сокаева // Вопросы литературы и фольклора: сб. науч. ст. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2017. – Вып. IX. – С. 175-182.
157. Сокаева, Д.В. О реализации проекта «Создание информационно-поисковой системы и фольклор осетии» в рамках ПФИ Президиума РАН «Памятники материальной и духовной культуры в современной информационной среде» / Д.В. Сокаева, Е.Б. Дзапарова, Р.Н. Абисалова // Вопросы литературы и фольклора: сб. науч. ст. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2018. – Вып. X, ч. 1. – С. 174-178.
158. Соколова, А.Н. Амебейное песнопение как древнейшая исполнительская форма традиционного адыгского многоголосия / А.Н. Соколова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2010. – Вып. 1 (55). – С. 245-251.
159. Соколова, А.Н. Из истории изучения инструментальной музыки адыгов / А.Н. Соколова // Музыкальный фольклор адыгов. – Майкоп, 1988. – С. 109-131.
160. Соколова, А.Н., Унарокова, Р.Б. История единственной песни Магомета Хагауджа: архивные фольклорные тексты как источник научных исследований // Проблемы традиционной художественной культуры горских народов. К 130-летию со дня рождения Б.А. Галаева: Статьи и материалы Международного научно-практического форума «Проблемы традиционной художественной культуры горских народов. К 130- летию со дня рождения Б.А. Галаева», 21-26 июля 2019 г. / Российский институт истории искусств: отв. И.В. Мацевский, ред.-сост. М.А. Сень: ред. кол.: Д.А. Булатова, А.А. Тимошенко – Санкт-Петербург: РИИИ, 2021, Вып.9.
161. Соколова, А.Н. Дискография адыгской народной музыки / А.Н. Соколова. – Майкоп, 1998. – 76 с.

162. Соколова, А.Н. Лондонская коллекция черкесских звукозаписей 1913 года / А.Н. Соколова // Музыкальная летопись Российских регионов: материалы международной заочной конференции. – Майкоп: Магарин О. Г., 2014. – Вып. 3. – С. 122-132.
163. Соколова, А.Н. Магамет Хагаудж и адыгская гармоника / А.Н. Соколова. – Майкоп, 2000. – 224 с.
164. Соколова, А.Н. Представители компании «Граммофон» на Кавказе: из истории фонодокументирования в начале XX в. / А.Н. Соколова // Отечественные архивы. – 2012. – № 2. – С. 39-47.
165. Сорокин, А.Д. Создание и развитие электронных информационных ресурсов в КарНЦ РАН [Электронный ресурс] / А.Д. Сорокин, В.Т. Вдовцын, Н.Б. Луговая // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции: материалы Второй Всероссийской научной конференции. – Протвино, 2000. – Режим доступа: <http://web.ihep.su/library/pubs/aconf00/dconf00/ps/009.pdf> (дата обращения: 12.09.2021).
166. Строганов, М.В. Хор Д.А. Агренева-Славянского или Куда может завести любовь к народной песне / М.В. Строганов // Фольклорное движение в современном мире: сб. ст. / сост. Е.А. Дорохова. – Москва: ГРЦРФ, 2016. – С. 167-180.
167. Строганов, М.В. Деревенский фольклорный хор 1950-х – 1990-х годов в исторической перспективе / М.В. Строганов // IV Всероссийский конгресс фольклористов: сб. науч. ст.: в 3 т. Т. 1: Народная музыкальная культура: история изучения, современные исследования, проблемы актуализации / ред.-сост. Е.А. Дорохова, Д.В. Морозов. – Москва: ГРДНТ им. В.Д. Поленова, 2019. – С. 124-130.
168. Сысоева, Г.Я. Фольклор на сцене / Г.Я. Сысоева // Фольклорное движение в современном мире: сб. ст. / сост. Е.А. Дорохова. – Москва: ГРЦРФ, 2016. – С. 128-139.

169. Схаляхо, А.А. Адыгские певцы-импровизаторы и писатели публицисты конца XIX-нач. XX вв. / А.А. Схаляхо // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. – Майкоп, 1990. – С. 121-149.
170. Схаляхо, А.А. Идеино-художественное становление адыгской литературы / А.А. Схаляхо. – Майкоп, 1988. – 284 с.
171. Схаплок, Г.Ю. Современная лироэпическая адыгейская народная песня / Г.Ю. Схаплок // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. – Майкоп, 1979. – С. 126-133.
172. Схаплок, Г.Ю. Современное бытование и исполнение адыгских народных песен / Г.Ю. Схаплок // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. – Майкоп, 1991. – Вып. VIII. – С. 203-219.
173. Сыченко, Г.Б. Результаты полевых и научных исследований Новосибирской консерватории в республике Тыва (1997-2009 гг.) / Г.Б. Сыченко, Е.Л. Тирон, А.Х. Кан-оол // От конгресса к конгрессу: материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: сб. докл. – Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. – Т. 3. – С. 281-299.
174. Таказов, Ф.М. Особенности текстологической подготовки эпических произведений осетин и сюжетного указателя к ним / Ф.М. Таказов // Вопросы литературы и фольклора: сб. науч. ст. – Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН, 2014. – Вып. VII, ч. 1. – С. 146-158.
175. Типология и поэтика традиционного фольклора народов Северного Кавказа: сб. науч. ст. – Нальчик, 2016. – 143 с.
176. Топорков, А.Л. Первая Пудожская экспедиция РГГУ / А.Л. Топорков // Живая старина. – 2004. – № 2. – С. 45-46.
177. Традиции и современность в фольклоре / отв. ред. В.К. Соколова. – Москва: Наука, 1988. – 213 с.
178. Традиции и современность: фольклор и литература народов Карачаево-Черкесии: сб. ст. – Черкесск, 1980. – 180 с.
179. Традиционный фольклор народов Дагестана. – Москва: Наука, 1991. – 496 с.

180. Унарокова, Р.Б. Расшифровки лондонских звукозаписей адыгских песен в контексте фольклорной вариативности // Музыканты-гармонисты в истории этнической культуры адыгов. Материалы круглого стола, посвященного 70-летию Кима Тлецерука / Сост. А.Н. Соколова. Научные редакторы А.Н. Соколова, Р.Б. Унарокова. – Майкоп, 2013. – 104 с.
181. Унарокова, Р.Б. Из опыта архивного хранения и систематизации Центра адыговедения / Р.Б. Унарокова // Проблемы изучения и публикации материалов по фольклору и этнографии народов Юга России (к 90-летию З.П. Кардангушева). – Нальчик, 2009. – С. 51-56.
182. Унарокова, Р.Б. Песенная культура адыгов: эстетико-информационный аспект / Р.Б. Унарокова. – Москва: ИМЛИ РАН, 2004. – 220 с.
183. Унарокова, Р.Б. Современное ансамблевое исполнение нартских пшинатлей // Международный симпозиум "Адыгский эпос "Нарты", посвященный 95-летию ученого-нартоведа А.М. Гадагатля. - Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. Керашева. - Майкоп, 20-23. 09. 2017 г. — С. 175-177.
184. Унарокова Р.Б. Смех в культуре общения адыгов (по материалам фольклорно-этнографических экспедиций 1997-1999 годов в Турцию) / Р.Б. Унарокова // Смех: истоки и функции / под ред. А.Г. Козинцева. – Санкт-Петербург: Наука, 2002. – С. 126-142.
185. Унарокова, Р.Б. Перспективы изучения адыгского фольклора / Р.Б. Унарокова, М.М. Паштова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2011. – Вып. 3. – С. 63-70.
186. Унарокова, Р.Б. Лексикографическая база данных адыгских языков: основные принципы построения / Р.Б. Унарокова, З.Х. Бижева, З.А. Цеева // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – Майкоп, 2017. – Вып. 4 (207). – С. 109-117.

187. Унарокова, Р.Б. Исполнитель в контексте новой песенной культуры / Р.Б. Унарокова, С.А. Кушу // Эпический текст: проблемы и перспективы изучения: материалы I Международной научной конференции, 21-23 сентября 2006 г. – Пятигорск: ПГЛУ, 2006. – Ч. II. – С. 183-187.
188. Унарокова, Р.Б. Фольклор адыгов Турции: из опыта научной публикации / Р.Б. Унарокова, Р.С. Даурова // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: материалы VII Международной научной конференции. – Майкоп, 2010. – С. 167-170.
189. Унарокова, Р.Б. Имя как ключевое слово в базе данных фольклора адыгов Турции / Р.Б. Унарокова, Р.С. Даурова // Проблемы общей и региональной ономастики: материалы VIII Международной научной конференции. – Майкоп, 2012. – С. 250-254.
190. Унарокова, Р.Б., Нагароков К. Р. «Лондонская» и «французская» коллекции черкесского (адыгского) фольклора: запись, расшифровка, реконструкция // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение» – Майкоп: изд-во АГУ. – Вып. 4 (227). – 2018. – С. 180-186.
191. Урусбиев, С. Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области / С. Урусбиев // Карачаево-Балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. – Нальчик, 1983. – С. 56-86.
192. Фольклор адыгов в записях и публикациях XIX – начала XX века: в 2 кн. / сост. и автор вступит. ст. А.И. Алиева; подготовка текстов и общ. ред. А.М. Гутова. Кн. I. – Нальчик: Эльбрус, 1979. – 404с.; Кн. II. – 1988. – 270 с.
193. Фольклор в современном мире: аспекты и пути исследования. – Москва: Наука, 1991. – 184 с.
194. Фольклор народов Карачаево-Черкесии: традиционные жанры и сказительское мастерство: сб. науч. тр. – Черкесск, 1991. – 186 с.
195. Фольклор: проблемы сохранения, изучения, пропаганды: в 2 ч. – Москва: МГПИ, 1988.

196. Фольклорный архив Сыктывкарского университета: опыт научного описания. Вып. 1: Песенный фольклор Печоры: систематический указатель / сост. Т.С. Канева, Н.Н. Николаева, О.Г. Шабанова; под ред. А.Н. Власова. – Сыктывкар: СыктГУ, 2000. – 170 с.
197. Хан-Гирей / Султан, Хан-Гирей: Избранные труды и документы / Составление, подготовка текстов, научное редактирование, комментарии М. Н. Губжокова. – Майкоп: ОАО «Полиграф-ЮГ», 2009. – 672 с.
198. Хараева, Ф.Ф. Джегуако инструменталист / Ф.Ф. Хараева // Культура и быт адыгов: сб. ст. – Майкоп: Качество, 2005. – С. 126-136.
199. Хараева-Гвашева, Ф.Ф. Мистицизм тембра (к вопросу мифологии музыкальных инструментов) / Ф.Ф. Хараева-Гвашева // Этюды по истории и культуре адыгов. – Майкоп, 1999. – Вып. 2. – С. 144-153.
200. Хатуова, А.А. Фольклор зеленчукских адыгов / А.А. Хатуова // Героический эпос адыгов «Нарты»: история и современность: материалы республиканской научной конференции. – Майкоп: АРИГИ им. Т.М. Керашева, 2013. – С. 85-90.
201. Христиансен, Л.Л. Процесс складывания напева и его многоголосного распева у народных певцов // Христиансен, Л.Л. Избранные статьи по фольклору: к 100-летию со дня рождения / Л.Л. Христиансен. – Саратов, 2010. – С. 69-72.
202. Христофорова, О.Б. Полевые методы в визуальной антропологии / О.Б. Христофорова // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика: сайт конференции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruthenia.ru/folklore/hristoforova3.htm> (дата обращения: 23.08.2021).
203. Христофорова, О.Б. Фольклорная традиция Верхокамья / О.Б. Христофорова, А.В. Рафаева, В.С. Костырко // Живая старина. – 2003. – № 3. – С. 41-45.
204. Хут, Ш.Х. Проспект свода адыгского фольклора / Ш.Х. Хут. – Майкоп, 1991. – 23 с.

205. Цаллагава, З.Б. Становление осетиноведения как отрасли российского академического кавказоведения / З.Б. Цаллагава, Л.К. Гостиева, Р.П. Бибилова // У истоков осетиноведения. Первые исследователи и собиратели осетинского фольклора и традиционной культуры: сб. науч. ст. / отв. ред. З.Б. Цаллагава. – Владикавказ, 2013. – С. 4-30.
206. Ципинов, А.А. Фольклор зарубежных адыгов / А.А. Ципинов // Адыгская и карачаево-балкарская диаспора: история и культура. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – С. 167-199.
207. Черванева, В.А. Механизм трансляции информации в рекламном дискурсе и традиционном фольклоре: опыт сопоставительного анализа / В.А. Черванева, А.А. Ципинов // От конгресса к конгрессу: материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: сб. докл. – Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. – Т. 3. – С. 43-55.
208. Чистов, К.В. Русские сказители Карелии: очерки и воспоминания / К.В. Чистов. – Петрозаводск, 1980. – 256 с.
209. Чистов, К.В. Специфика фольклора в свете теории информации // Чистов, К.В. Фольклор. Текст. Традиция: сб. ст. / К.В. Чистов. – Москва, 2005. – С. 26-43.
210. Чистов, К.В. Народные традиции и фольклор / К.В. Чистов. – Ленинград, 1986. – 303 с.
211. Чич, Г. К. О музыке адыгов / Г. К. Чич // Адыгский фольклор в двух книгах. Книга 1.- Майкоп, 1980. – С. 121-151.
212. Чуякова, Н.М. Возвращенные жемчужины. Из народной мудрости адыгов, проживающих в Турции / Н.М. Чуякова. – Майкоп, 2002. – 159 с.
213. Шилин, А.И. Создание универсальных компьютерных (цифровых) фондов – актуальная задача этнохореологии / А.И. Шилин // От конгресса к конгрессу: материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: сб. докл. – Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2011. – Т. 2. – С. 292-298.

214. Шокин, Ю.И. Информационная система Сибирского отделения РАН [Электронный ресурс] / Ю.И. Шокин, А.М. Федотов // Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции: материалы Второй Всероссийской научной конференции. – Протвино, 2000. – Режим доступа: <http://web.ihep.su/library/pubs/aconf00/dconf00/ps/028.pdf> (дата обращения: 10.02.202).
215. Шортанов, А. Периодизация, отбор и публикация адыго-кабардиночеркесского фольклора / А. Шортанов // Материалы научной сессии Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института по проблеме периодизации, отбора и публикации адыгейского, кабардинского, черкесского, балкарского, карачаевского фольклора. – Нальчик: Эльбрус, 1967. – С. 3-17.
216. Шу, Ш.С. Некоторые проблемы и задачи изучения музыкального фольклора адыгов / Ш.С. Шу // Музыкальный фольклор адыгов. – Майкоп, 1988. – С. 9-18.
217. Электронный каталог Фольклорного архива Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН // Кижский вестник. / под науч. ред. И.В. Мельникова, В.П. Кузнецовой; Карельский научный центр РАН. – Петрозаводск, 2011. – Вып. 13. – 296 с.
218. Этюды по истории и культуре адыгов: сб. ст. – Майкоп: Меоты, 1998, – 164 с.
219. Адыгэ зэчырхэр // Ипэрей адыгэбзэ литературэм и антологие / зэхэз. Налю Заур = Антология ранней адыгоязычной литературы / составитель Налюев З.М. – Нальчик: КБГИ, 2010.- с. 123-168.
220. Адыгэ к1элэц1ык1у 1оры1уат = Адыгский детский фольклор: в 7 кн. с CD- приложением. – Майкоп, 2004.
221. Адыгэ 1ор1уатэхэр: я Х-рэ том. Фэ1о-фэш1э оредхэмрэ усэхэмрэ – Обрядовая поэзия / сост. Р.Б. Унарокова. – Майкоп, 2019. – 632 с.
222. Адыгэ лъэпкь оредхэр / зыугъ. Г. Сэмэгу. – Мыекъяупэ, 1998. – Н. 203.

223. Адыгэ лъэпкъ пшыналъэхэр / зыхэз. З.Ш. Къэрдэнгъуц1, А.В. Гъук1э. – Налшык: Эль-Фа, 2004. – Н. 344.
224. Бэрэтэрэ Хъабидэт къы1орэ адыгэ орэдыжъхэр = Адыгские народные песни в исполнении Габидет Беретарь / науч. ред. Р.Б. Унарокова. – Мыекъуапэ: Полиграф-ЮГ, 2010. – Н. 224.
225. Бырсыр, А. Къоджэ орэдхэр / А. Бырсыр = Берсиров, А. Песнь аулов: альбом иллюстраций с CD-приложением. – Мыекъуапэ, 2007. – Н. 60.
226. Даур Рузан. Тыркуем ис адыгэхэм я1оры1уатэрэ адыгэ хабзэмрэ = «Хабзэ» и этническая перспектива адыгов. – Майкоп, 2010. – Н. 218-222.
227. Даурова, Р.С. О некоторых жанровых особенностях фольклора адыгов Турции (по материалам, собранным Хазыром Хидзетлем) / Р.С. Даурова // Псалъ. – Майкоп, 2010. – № 6 (9)-7 (10). – Н. 147-152.
228. Джэндар, М. Псалъэм псэхэльмэ / М. Джэндар = Живое слово (По следам экспедиции в Турции). – Мыекъуапэ, 2002. – Н. 209.
229. Емык1, Н. Темыркъапэ зэраштагъэм иорэд / Н. Емык1 = Песнь о взятии Темиркапе // Псалъ. – Мыекъуапэ, 2012. – № 9 (12). – Н. 142-149.
230. Ижърэ адыгэ орэдхэр = Старинные адыгские песни / зыхэз. Н. Цуекъо, Б. Къэгъээзжъ. – Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2019. – Н. 280.
231. Къуекъо, А. Пхъапк1эмэ ральэсэхыжъы / А. Къуекъо = Куек, А. Листопад (о фольклорных экспедициях в Турции, Иордании, Сирии, Израиле, Причерноморской Шапсугии). – Мыекъуапэ, 2011 – Н. 574.
232. К1эрэщэ Темботрэ адыгэ 1оры1уатэмрэ = Тембот Керашев и адыгский фольклор / Сост. и научн. Редактор – Унарокова Р. Б. – Майкоп: Адыг. респ. кн. Изд-во, 2020. – 376 с.
233. К1уай Исмахылэрэ Зэфэсрэ лъэпкъым иорэды1о-тхыдэ1отэ ц1эры1ох: Адыгэ Республик научнэ-практическэ конференцием и материалхэр = Исмаил и Зафес Куваевы – известные сказители. – Мыекъуапэ, 2016. – Н. 144.
234. Кушъу, С. Сценэм ихабзэмэ адыгэ орэдыжъыр зэрахэзагъэрэр / С. Кушъу = Адыгская народная песня и специфика сцены // Актуальные пробле-

мы общей и адыгской филологии: материалы V Международной научной конференции. – Майкоп: АГУ, 2005. – Н. 102-103.

235. Мыжей, М. Адыгэ мифологием и энциклопедие / М. Мыжей, М. Пашты. – Черкесск; Нальчик; Майкоп, 2012. – Н. 460.

236. Мык1осэрэ жьуагъохэр = Немеркнущие звезды / зэхэз. А. Шъхьэлэхьо. – Мыекъуапэ, 1994. – Н. 334.

237. Нэгэрэкьо, К. Джырэ 1ор1отэзехьак1э хабзэхэр: угъоиным иапэрэ лъэубэкъухэр / К. Нэгэрэкьо = Современные формы сказительства: первые опыты собирания фольклора // Псалъ. – Мыекъуапэ, 2017. – № 14 (17). – Н. 130-141.

238. Нэгэрэкьо, К. Пшъэшъэ ц1эры1оу Мак1и Гоцэгъэгъ иорэдрэ икьэбаррэ / К. Нэгэрэкьо = История смеховой песни о Гошегаг, дочери Мача // Псалъ. – Мыекъуапэ, 2020. – № 16 (19)-17 (20). – Н. 151-156.

239. Нэгэрэкьо, К. Зымыжьосы никьэбар / К. Нэгэрэкьо = История одного памятника // Псалъ. – Мыекъуапэ, 2020. – № 16 (19)-17 (20). – Н. 130-141.

240. Нэгэрэкьо, К. Джырэ кьэбар1уатэхэм я1ор1отэзехьэ хабзэхэр / К. Нэгэрэкьо = Современный информант в адыгском полевом исследовательском контексте // Зэкьошныгъ. – Мыекъуапэ, 2021. – № 2-3. – Н. 103-108.

241. Нэгэрэкьо, К. Угъоигъэ 1оры1уатэр архивым зэребгъэк1уцтыр: гьэт1ылык1э амалхэр / К. Нэгэрэкьо = Методы архивации адыгского фольклора // Псалъ. – Мыекъуапэ, 2021. – № 18 (21).

242. Пащты, М. Анэдолэ адыгэм я культурэ: 1уэры1уатэ зэхуэхьэсыжьынымк1э лэжьыгъэхэр / М. Пащты = Культура Черкесов Анатолии материалы полевых исследований. – Анкара, 2017. – Н. 144.

243. Тыркуем ис адыгэхэр. 1оры1уатэр = Фольклор адыгов Турции: сб. текстов / под ред. Р.Б. Унароковой. – Майкоп, 2004. – Н. 580.

244. Унэрэкьо, Р. Адыгэ нысэщэджэгум и1оры1уат / Р. Унэрэкьо, Э. Хьакьунэ = Фольклор адыгской свадьбы. – Майкоп: Магарин О.Г., 2014. – Н. 320.

245. Унэрэкьо, Р. Адыгэ нысэщэджэгу / Р. Унэрэкьо, З. Цэй, Э. Хьакьунэ = Адыгская свадьба: сценарий. – Мыекьуапэ, 2019. – Н. 96.
246. Унэрэкьо, Р. Адыгэ 1ор1уатэхэр (я XI-рэ том, Адыгэ к1элэц1ык1у 1ор1уат) / Р. Унэрэкьо = Свод адыгского фольклора. Т. XI: Детский фольклор. – Мыекьуапэ: Полиграф-Юг, 2019. – Н. 404.
247. Унэрэкьо, Р. Адыгэ 1ор1уатэхэр (я X-рэ том, фэ1офэш1э оредхэмрэ усэхэмрэ) / Р. Унэрэкьо = Свод адыгского фольклора. Т. X: Обрядовая поэзия. – Мыекьуапэ: Полиграф-ЮГ, 2019. – Н. 632.
248. Унэрэкьо, Р. Адыгэ оредыжьхэмрэ лъэпкьш1эныгъэмрэ / Р. Унэрэкьо = Народные песни в системе информационной культуры. – Мыекьуапэ, 1998. – Н. 300.
249. Хьут, Щ.Хь. Щы1эк1ак1эм фэгъэхьыгъэ адыгэ 1оры1уатэхэр / Щ.Хь. Хьут. = Хут, Ш.Х. Фольклор о новой жизни // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. – Майкоп, 1981. – Вып. III. – Н. 19-36.
250. Хьут, Щ.Хь. Адыгэ 1оры1уатэхэм яугъоин / Щ.Хь. Хьут. = О собирании фольклора. – Мыекьуапэ, 1992. – Н. 23.
251. Хьут, Щ.Х. Адыгэ 1ор1уатэхэр (я III-IV-рэ томхэр. Тхьдэжьхэр. Таурыхьхэр.) / Щ.Хь. Хьут = Свод адыгского фольклора. Т. 3: Сказания; Т. 4: Предания. – Мыекьуапэ: Полиграф-ЮГ, 2017. – Н. 416.
252. Хьут1ыжь Заурбэч, Хьут1ыжь Хьанмелэч. А гьыбзэр кьыза1о гуцэк1э = Фольклор, записанный от отца и дочери – Хутыза Заурбеча и Ханмелеч / зэхэз. Р. Унэрэкьо. – Мыекьуапэ, 2005. – Н. 182.
253. Цуамыкьо, М. «Ш1э зи1эм зэхыш1эн...» / М. Цуамыкьо = «Знающий – поймет...»: рукописные тетради Хамида Тлецерука, просветителя первой четверти XX века: сб. текстов на адыгейском языке. – 2-е изд. – Майкоп: Магарин О. Г., 2014. – 200 с.
254. Шъхьэлэхьо, А. Шъыпкьагъэр – шэтапкьэ / А. Шъхьэлэхьо = Схалыхо, А. Истина – мерило. (О творцах устной литературы). – Мыекьуапэ, 1990. – Н. 192.